

Л Soc 3983.46

Л Soc 3983.56

ОТЧЕТЪ

25
0
ДВАДЦАТЬ-ПЯТОМЪ ПРИСУЖДЕНИИ

НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ XLIII-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМИИ НАУКЪ.
№ 1.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1883.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИСИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ:

И. Глазунова, въ С. П. Б.

Эггерса и Комп., въ С. П. Б.

И. Киммеля, въ Ригѣ.

Цѣна 80 коп.

ВЛАДИМИРЪ ПЕРВЫЙ

ИМПЕРАТОРЪ

ВЛАДИМИРЪ ПЕРВЫЙ

71

1883

ВЛАДИМИРЪ ПЕРВЫЙ
ИМПЕРАТОРЪ

ОТЧЕТЪ

0

25

ДВАДЦАТЬ-ПЯТОМЪ ПРИСУЖДЕНИИ

НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ XLVII-му ТОМУ ЗАПИСОКЪ ИМП. АКАДЕМИИ НАУКЪ.
№ 1.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1883.

ПРОДАЕТСЯ У КОМИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ:

Н. Глазунова, въ С. П. Б.

Эггерса и Комп., въ С. П. Б.

Н. Киммеля, въ Ригѣ.

Цена 80 коп.

Δ
L Soc 3983.56
✓

HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE ACADEMY
OCT 17 1920

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Іюнь 1883 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лн., № 12.)

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
Отчетъ о двадцать-пятомъ присужденіи наградъ графа Уварова, читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25-го сентября 1882 года, Непремѣннымъ Секретаремъ, Академикомъ К. С. Веселовскимъ.....	1— 26
I. Разборъ сочиненія В. Жмакина: «Митрополитъ Данилъ и его сочиненія». Составленный профессоромъ Е. Е. Голубинскимъ.....	27— 48
II. Разборъ сочиненія графа И. И. Толстаго. «Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества Кіевскаго». Составленъ Д. И. Прозоровскимъ.....	49— 59
III. Графъ П. Д. Киселевъ и его время. Матеріалы для исторіи Императоровъ Александра I, Николая и Александра II. Соч. А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго. I—IV. Спб. 1882. 8. Рецензія профессора И. Е. Энгельмана.....	60— 91
IV. Разборъ сочиненія г. Собко, «Древнія изображенія русскихъ царей и ихъ посольствъ за границу въ старыхъ и новыхъ гравюрахъ». Составленный барономъ Ф. А. Бюлеромъ.....	92— 97
V. Разборъ сочиненія Д. А. Ровинскаго, Русскія народныя картинки. С.-Петербургъ. 1881. Пять томовъ, съ атласомъ въ большой листъ. Составленный В. В. Стасовымъ.....	98—202

ОТЧЕТЪ

0

ДВАДЦАТЬ-ПЯТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА,

читавный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 25-го септября 1882 года, Непремѣннымъ Секретаремъ, Академикомъ К. С. Веселовскимъ.

Для соисканія наградъ графа Уварова въ настоящемъ году было представлено семь историческихъ сочиненій, въ томъ числѣ два рукописныя; къ нимъ присоединились три сочиненія, отложенныя отъ предыдущаго конкурса, такъ что всѣхъ конкурсныхъ сочиненій было десять.

Для ихъ рассмотрѣнія и для постановленія о нихъ приговора, Конференція Академіи, согласно правиламъ объ Уваровскихъ наградахъ, назначила Комисію, состоявшую, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, изъ гг. Академикомъ Я. К. Грота, Ф. И. Видемана, А. К. Наука, А. Ѳ. Бычкова, А. А. Куника, А. Н. Веселовскаго и И. В. Ягича.

Ознакомившись съ переданными на ея судъ сочиненіями, Комисія, для ближайшаго рассмотрѣнія каждаго изъ нихъ избрала рецензентовъ частью изъ среды своей, частью изъ постороннихъ ученыхъ, и пригласила ихъ доставить рецензіи на конкурсныя произведенія къ назначенному для того сроку.

По истеченіи этого срока, Комисія признала необходимымъ два сочиненія отложить до слѣдующаго Уваровскаго конкурса, за неполученіемъ отзывомъ отъ лицъ, которыя приняли на себя ихъ рассмотрѣніе.

Имѣя въ своемъ распоряженіи въ настоящемъ году одну большую премию (въ 1,500 руб.), двѣ малыя преміи (въ 500 руб. каждая)

и одну поощрительную (въ 500 руб.), назначенную для отвѣтовъ на предложенныя задачи, Академія, по внимательномъ обсужденіи сравнительнаго достоинства конкурсныхъ сочиненій, одному изъ нихъ присудила большую премію и двумъ — меньшія. Сверхъ того, два сочиненія, признанныя также заслуживающими награды, удостоены, на основаніи § 16 правилъ, почетнаго отзыва.

Большою премію увѣнчано сочиненіе, подъ заглавіемъ:

Русскія народныя картинки. Собралъ и описалъ Д. Ровинскій.
Спб. 1881 г. 5 томовъ. 8°. При нихъ атласъ въ бол. листъ.

Появленіе этого во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго труда въ числѣ конкурсныхъ сочиненій налагало на Академію обязанность озаботиться тѣмъ, чтобы онъ былъ рассмотрѣнъ и оцѣненъ съ тою подробностью, какой онъ достоинъ. По этому она обратилась съ просьбою о содѣйствіи ей въ этомъ случаѣ къ извѣстному знатоку древней русской иконографіи В. В. Стасову. Въ отвѣтъ на этотъ вызовъ почтенный критикъ, одушевляясь важностью предмета, которому посвящено соч. г. Ровинскаго, составилъ обширную и обстоятельную рецензію, которая во всемъ ея объемѣ появится въ одномъ изъ здѣшнихъ учено-литературныхъ журналовъ, мы же удовольствуемся здѣсь приведеніемъ изъ нея, въ краткомъ извлеченіи, лишь главныхъ выводовъ.

Выпущенное г. Ровинскимъ въ свѣтъ, полтора года тому назадъ, изданіе—пишетъ г. Стасовъ—состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ, изъ которыхъ каждое, взятое единично и само по себѣ, даже внѣ связи съ двумя другими, представляетъ высокій интересъ и наиважнѣйшее значеніе для нашей отечественной науки.

Дѣйствительно, еслибъ г. Ровинскій занялся лишь однимъ точнымъ и подробнымъ описаніемъ всѣхъ имѣющихся въ настоящее время на лицо русскихъ лубочныхъ картинъ, то и тогда его заслуга была бы очень велика. Съ другой стороны, точно также, если бы онъ ничего другаго не сдѣлалъ, какъ только издалъ бы свой огромный атласъ, содержащій въ себѣ копіи съ большаго числа наиважнѣйшихъ лубочныхъ картинокъ, даже безъ самаго лучшаго текста—опять таки заслуга его была бы для насъ необыкновенно значительна. Наконецъ, еслибъ г. Ровинскій не представилъ ни полнаго описанія лубочныхъ картинокъ, ни ихъ воспроизведенія въ атласѣ, а только издалъ свое критическое изслѣдованіе о нихъ

(предоставляя другимъ двѣ первыя задачи), — онъ опять-таки имѣлъ бы право на полнѣйшую нашу признательность.

Но что же должно сказать про такой трудъ и про такое изданіе, гдѣ авторъ взялся за всѣ три задачи разомъ, и не побоявшись громадныхъ трудностей, представляемыхъ каждою изъ нихъ въ отдѣльности, одолѣлъ ихъ, и представилъ такое сочиненіе, которое блистательнымъ образомъ рѣшаетъ всѣ три задачъ?

На эту работу г. Ровинскій употребилъ цѣлыхъ 25 лѣтъ своей жизни, и какъ въ этомъ убѣждается тотчасъ всякій, кто ознакомится съ изданіемъ, не жалѣлъ при этомъ ни трудовъ, ни усилій, ни огромныхъ издержекъ.

Онъ началъ съ того, что просмотрѣлъ собственными глазами, не довѣряя прежнимъ описаніямъ, всѣ колекціи лубочныхъ картинокъ, какія существуютъ въ Россіи, — не только большія и малыя, но даже самамалѣйшія, иногда состоявшія изъ нѣсколькихъ паръ картинокъ, способныхъ показаться на первый взглядъ слишкомъ малозначительными или даже и совсѣмъ ничтожными. Такимъ образомъ г. Ровинскому до послѣдней тонкости извѣстны были слѣдующія собранія лубочныхъ картинокъ: 1) капитальное собраніе Императорской Публичной Библіотеки, гдѣ главную роль, въ числѣ нѣсколькихъ другихъ значительныхъ колекцій, играютъ колекціи Погодина и Даля, 2) великолѣпное собраніе Петровскихъ гравюръ въ Императорскомъ Эрмитажѣ, въ Кабинетѣ Петра Великаго, 3) небольшія численно, но важныя по содержанію собранія Библіотеки Императорской Академіи Наукъ, Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и Московскаго Румянцовскаго музея, 4) громадное собраніе лубочныхъ картинокъ статсъ-секретаря Екатерины II Олсуфьева, принадлежащее теперь князю Бѣлосельскому-Бѣлозерскому въ Петербургѣ, 5) хорошія и болѣе или менѣе значительныя, находящіяся въ разныхъ мѣстахъ Россіи собранія гг. Демидова, Ефремова, Голышева, князя Вяземскаго, Пыпина, Неустроева, Образцова, Тихонравова, Буслаева, Щапова, Хлудова, Забѣлина, Филимонова, Губерта, Зайцевскаго, Некрасова, князя Дундукова-Корсакова, Безсонова, Ваулина, Геннадіи, Семейскаго, Вольфа, Тевяшева. Какъ дополненіе ко всѣмъ этимъ собраніямъ являлось собственное собраніе г. Ровинскаго, накоплявшееся въ продолженіе цѣлой четверти столѣтія, посредствомъ розысковъ и покупокъ то цѣлыми собраніями, то отдѣльными листами.

Замѣтимъ при этомъ, что по просьбамъ и настояніямъ г. Ровинскаго, нарочно для него отпечатаны оттиски со всѣхъ уцѣ-

лѣвшихъ до нашего времени гравированныхъ досокъ, деревянныхъ и металлическихъ, сохраняемыхъ въ публичныхъ и частныхъ собранияхъ, какъ то: въ Древне-Христіанскомъ музеѣ Академіи Художествъ, въ Московской Синодальной типографіи, въ Кіевской Духовной Академіи, въ типографіи Кіево-печерской лавры, въ казначейской палатѣ Соловецкаго монастыря, и т. д.

Совокупляя все это вмѣстѣ, мы вправѣ сказать, что въ настоящее время врядъ ли существуетъ въ нашемъ отечествѣ такая лучочная картинка, напечатанная до 1839 г. которая осталась бы неизвѣстна г. Ровинскому. Если исключения и есть, то они могутъ быть только малочисленны; слишкомъ много было произведено розысковъ, сношеній, для открытія всего таящагося даже въ самыхъ отдаленныхъ и незнаемыхъ углахъ Россіи (не говоря уже о большихъ центрахъ), такъ что мало остается вѣроятности, чтобы еще много неизвѣстнаго матеріала могло быть открыто впоследствии.

Общій итогъ отдѣльныхъ картинокъ, описанныхъ въ сочиненіи г. Ровинскаго, доходитъ до 4,700 листовъ; если же включить въ это число разныя изданія одной и той же картинки, то число это дойдетъ до 8,000 листовъ.

Подробному описанію этого матеріала посвящены первые три тома изданія г. Ровинскаго, занимающіе 1740 страницъ, а если прибавить къ нимъ добрую половину IV тома, ту, что содержитъ въ себѣ «Дополненія», то выходитъ, что одно, такъ сказать, наружное описаніе лучочныхъ картинокъ занимаетъ далеко болѣе 2000 страницъ крупнаго формата.

При описаніи картинокъ, г. Ровинскимъ употреблены приемы самые рациональныя и вполне удовлетворительныя, а именно: скопированы заглавіе гравюры и текстъ (тамъ, гдѣ они существуютъ), обозначены размѣры картины, ея мѣстонахожденіе, способъ и качество гравирования, разныя изданія картинокъ; тутъ же вкратцѣ дано описаніе того, что на ней изображено.

Не довольствуясь одною этою, уже и такъ почтенною задачею — описанія существующаго, г. Ровинскій задумалъ представить, подъ видомъ громаднаго атласа, выборку всего важнѣйшаго, значительнѣйшаго и лучшаго изъ того, что онъ видѣлъ и изучилъ на своемъ вѣку по части русскихъ лучочныхъ картинокъ. Такое предпріятіе требовало, кромѣ знанія и труда, также и значительныхъ затратъ. Но г. Ровинскій не остановился предъ ними, и обо-

гатили науку такимъ пикографическимъ изданіемъ, какого у насъ еще никогда не появлялось. Атласъ г. Ровинскаго представляетъ богатѣйшій матеріалъ какъ для исторіи нашей гравюры на деревѣ, такъ и для исторіи древне-русской культуры. Авторъ совершенно правъ, когда говоритъ въ предисловіи къ атласу: «Въ атласѣ скопировано все, что могло представлять интересъ для русскаго человѣка, въ какомъ бы то ни было отношеніи». Дѣйствительно, здѣсь появляются, и должно замѣтить, въ первый разъ спустя лѣтъ полтораста послѣ перваго появленія ихъ на свѣтъ, богатыри нашихъ легендъ и сказокъ, въ большихъ размѣрахъ, можно сказать въ видѣ настоящихъ картинъ, Илья Муромецъ, Алеша Поповичъ, Буслай Буслаевичъ, Соловей-Разбойникъ, царь Салтанъ Салтановичъ и т. д. Далѣе мы встрѣчаемъ необыкновенно богатый и важный по культурному интересу отдѣлъ картинокъ сатирическихъ: здѣсь наиважнѣйшую роль играютъ листы раскольниковъ на сюжеты историческіе, каковы напр. «Драка Бабы-Яги съ крокодиломъ», «Мыши kota погребаютъ» — обѣ доказанныя сатиры на Петра Великаго и Екатерину I; также такія юмористическія изображенія, какъ «Повѣсть о Ершѣ Ершовичѣ», «Шемакинъ судъ», смѣхотворная «Просьба Колязинскихъ монаховъ», «Нѣмка верхомъ на старикѣ», «Судъ мужика надъ дворяниномъ» и т. д. Въ связи съ этимъ отдѣломъ находятся смѣхотворныя изображенія изъ войнъ прошлаго столѣтія съ пруссаками и турками, почти полное собраніе карикатуръ на Наполеона I и французовъ — карикатуръ, игравшихъ такую громадную роль во время народной войны 1812 г., а также юмористическіе листы на разныя другія историческія событія; множество картинокъ, имѣющихъ интересъ историческій или бытовой, каковы напр. «Казнь убійцъ Жуковыхъ», «Прививаніе оспы», «Кулачные бойцы», «Пляска», «Ппрушка», изображенія старинныхъ нашихъ кабаковъ и трактировъ, бань, перечисленія нарядовъ и скарба молодыхъ, поѣзды на саняхъ и колесахъ, цѣлая «Лицевая комедія», съ изображеніемъ древняго русскаго театра и публки XVII вѣка, разнообразныя гаданья и календари. Портреты историческихъ лицъ, карты и виды, легенды и сказки занимаютъ также значительное мѣсто въ атласѣ. Но наибольшее мѣсто отведено въ немъ, по всей справедливости, изображеніямъ религиознымъ, игравшимъ всегда такую крупную роль въ жизни русскаго народа: этотъ отдѣлъ такъ богатъ и такъ разнообразенъ, что одно даже перечисленіе частныхъ подраздѣленій заняло бы здѣсь много мѣста.

Составленный изъ такихъ элементовъ атласъ заключаетъ въ себѣ болѣе 500 картинокъ, воспроизведенныхъ различными способами: наиболѣе грубыя между ними воспроизведены простою литографіею; тѣ же, которыя представляли болѣе художественнаго достоинства, выполнены посредствомъ фотолитографіи или даже и фотогравюры. Раскраска производилась отъ руки, на манеръ иконнаго способа.

Бумага для атласа, подражающая старинной бумагѣ, отлита спеціально въ мастерскихъ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ бумагъ, которою выполнены также и вообще всѣ работы по изготовленію атласа.

Но, не смотря на всю значительность издержекъ, естественнымъ образомъ связанныхъ съ изданіемъ многихъ сотенъ картинокъ въ величину оригинала (размѣры котораго доходили иногда до $2\frac{1}{2}$ аршинъ, какъ на прим. въ «Мамаевомъ побойщѣ»), г. Ровинскій имѣлъ въ виду только одно — чтобы атласъ стоилъ какъ можно менѣе. Дѣйствительно, онъ представляетъ такую, сравнительно говоря, крайнюю дешевизну, которую не можетъ не оцѣнить каждый, кто знаетъ во-что обходятся у насъ изданія дѣйствительно точныхъ и вѣрныхъ гравюръ.

Въ предисловіи къ своему изданію г. Ровинскій говоритъ: «Примѣчанія напечатанныя въ IV томѣ, и «Заключеніе», замѣняющее обычное «предисловіе», помѣщенное въ V томѣ, имѣютъ чисто компилятивный характеръ. Держаться строгой системы было здѣсь почти невозможно: объ одномъ предметѣ свѣдѣній набиралось много, о другомъ гораздо меньше». Но не должно давать полную вѣру такому черезъ чуръ скромному отзыву автора о своемъ трудѣ; «Примѣчанія» IV тома и «Заключеніе» V тома представляютъ вовсе не одну только механическую компиляцію случайно попадавшихся подъ руку свѣдѣній и матеріаловъ, а такой рядъ отдѣльныхъ, систематически-предпринятыхъ, сложныхъ изслѣдованій, которыя обогащаютъ исторію русскаго народнаго искусства и русской національной культуры новыми и многообразными результатами.

Г. Ровинскій изучилъ для этого, можно сказать, цѣлую бібліотеку предметовъ, входившихъ въ кругъ его изслѣдованій; посѣтилъ всѣ главныя книгохранилища и эстампныя колекціи Европы; совершилъ нѣсколько путешествій въ чужіе края, побывалъ со своею спеціальною цѣлью даже въ Каирѣ, Китаѣ, Японіи и Индіи, и оттуда вывезъ кипы мѣстныхъ лубочныхъ картинокъ, казавшихся ему необходимыми при изслѣдованіи вопроса о коренномъ

происхожденіи той или другой русской лубочной картинки; наконецъ добылъ себѣ, цѣною долгихъ поисковъ, не малое количество старопечатныхъ нѣмецкихъ, голандскихъ и иныхъ лубочныхъ картинокъ, въ книгахъ и отдѣльными листами, все съ цѣлью найти первообразы иныхъ русскихъ лубочныхъ картинокъ, тѣхъ которыя были не отечественнаго нашего происхожденія. Неужели весь этотъ огромный систематическій трудъ розысканія и изслѣдованія можетъ быть названъ механическою «компиляціей»?

Нѣтъ, значеніе труда г. Ровинскаго совершенно иное, и полное его достоинство можетъ быть раскрыто только подробнымъ изученіемъ.

Превосходный и обширный алфавитный указатель именъ и предметовъ, приложенный къ изданію и занимающій цѣлыхъ 200 страницъ, много прибавляетъ къ достоинству, значенію и полезности сочиненія.

Сводя къ итогу свои замѣчанія о трудѣ г. Ровинскаго, рецензентъ высказываетъ убѣжденіе, что это сочиненіе должно считаться не только однимъ изъ очень крупныхъ явленій нашей художественно-научной литературы, но даже монументальнымъ. «Атласъ изъ 500 картинокъ, составленный изъ всего—говоритъ г. Стасовъ,—что только есть самаго важнаго, значительнаго и интереснаго, даетъ въ руки каждому изслѣдователю, русскому и иностранному, такой матеріалъ изъ области русскаго народнаго творчества, который былъ до сихъ поръ почти вовсе недоступенъ и который отъ настоящаго времени, можно сказать, застрахованъ отъ гибели и окончательнаго исчезновенія, слишкомъ неумолимо тяготѣвшихъ надъ русскими лубочными картинками. Описание же и изслѣдованіе ихъ г. Ровинскимъ вносятъ свѣтъ въ области, до него едва затронутыя. Конечно, сочиненіе г. Ровинскаго не свободно отъ недостатковъ. Между ними главное мѣсто занимаютъ нѣкоторая слабость систематизаціи, нѣкоторыя неточности въ сравненіяхъ и выводахъ, нѣкоторыя неисправности въ передачѣ текстовъ, и, въ особенности раскрашеніе въ атласѣ всѣхъ картинокъ сплошь, между тѣмъ какъ очень многія оригинальныя картинки вовсе не раскрашены, — значитъ у г. Ровинскаго эти картинки являются раскрашенными произвольно и наугадъ, вводя тѣмъ читателя въ заблужденіе насчетъ настоящаго вида и облика подлинника. Но всѣ эти недостатки должны быть признаны лишь частными и никоимъ образомъ столь существенными, чтобы отъ нихъ затемнялось и въ значительной степени

уменьшалось коренное достоинство какъ сочиненія, такъ и атласа. Изданіе г. Ровинскаго есть наиболѣе зрѣлое, полное и выдержанное изъ всѣхъ выпущенныхъ имъ до сихъ поръ въ свѣтъ сочиненій. Оно приноситъ нашей историко-художественной наукѣ, не только громадную пользу, но и великую честь. По этому, если Императорская Академія Наукъ присуждала за предыдущія сочиненія г. Ровинскаго вторыя награды, ей невозможно было бы, не присудить нынѣшнему его сочиненію первостепенной награды».

Вполнѣ соглашаясь съ такимъ заключеніемъ ученаго рецензента, Академія присудила г. Ровинскому большую Уваровскую награду, въ убѣжденіи, что она чрезъ это лишь исполнила долгъ справедливости въ отношеніи многозаслуженнаго знатока и неутомимаго изслѣдователя исторіи гравировальнаго искусства въ нашемъ отечествѣ.

Второе, увѣнчанное премією сочиненіе относится также къ еще малоразработанной наукѣ — русской археологіи. Оно принадлежитъ перу молодого любителя нумизматики, графа И. И. Толстаго, и имѣетъ своимъ предметомъ древнерусскія монеты время великаго князя Владиміра и двухъ его непосредственныхъ преемниковъ¹⁾.

Для оцѣнки этого сочиненія, Академія имѣла въ средѣ своей компетентнаго судью въ лицѣ Академика Куника. Сверхъ того она не могла не принять въ соображеніе, что другой знатокъ русскихъ древностей, нашъ почетный членъ графъ А. С. Уваровъ еще лѣтъ двадцать тому назадъ (въ Извѣстіяхъ Археологическаго Общества, т. IV, 1862 столб. 127—144), вызванный на то г. Куникомъ, высказалъ свое мнѣніе по предмету, которому посвященъ трудъ графа Толстаго, что впоследствии онъ занимался новыми розысканіями объ этомъ предметѣ и что, наконецъ, въ подписанной имъ програмѣ четвертаго археологическаго съѣзда въ Казани, были предложены слѣдующіе два вопроса: 1) монеты съ именемъ князя Владиміра могутъ ли быть приурочены къ Владиміру Святому, или должны быть отнесены къ эпохѣ болѣе поздней (пунктъ 35) и 2) какому Святополку принадлежатъ монеты Нѣжинскаго клада, съ именемъ Святополка (пунктъ 36). Редакція этихъ

¹⁾ Заглавіе сочиненія: *Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества Кіевскаго. Нумизматическій опытъ графа И. И. Толстаго. Съ 19 таблицами рисунковъ. СПб. 1862.*

вопросовъ давала поводъ заключать, что графъ Уваровъ не вполне соглашается съ выводомъ г. Куника, изложеннымъ въ 3-мъ томѣ Извѣстій Археологическаго Общества, а именно съ тѣмъ, что спорныя монеты могли быть выбиты только Владиміромъ Святославичемъ, а отнюдь не его внукомъ. Въ виду этого разногласія, Академія, согласно предложенію г. Куника, освѣдомлялась о томъ, не приметъ ли на себя графъ Уваровъ сообщить ей свой отзывъ о сочиненіи графа Толстаго, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ его согласія на то, задача г. Куника по отношенію къ этому труду ограничилась разсмотрѣніемъ и разъясненіемъ нѣкоторыхъ темныхъ пунктовъ предмета. На вопросъ, съ которымъ по этому поводу г. Куникъ обращался къ графу Уварову, послѣдній увѣдомилъ, что онъ, къ сожалѣнію своему, не можетъ, по недостатку времени, взять на себя оцѣнку книги графа Толстаго. За такимъ отзывомъ, Академія, считая всетаки необходимымъ, чтобы объ этой книгѣ высказался кто либо изъ постороннихъ ей специалистовъ, обратилась къ содѣйствію Д. И. Прозоровскаго, какъ лица, уже съ давнихъ поръ занимающагося русской нумизматикою и со стороны котораго можно было ожидать вполне объективнаго сужденія по трудному вопросу о времени чеканки Владиміровыхъ монетъ. Съ готовностью принявъ это приглашеніе, почтенный нумизматъ доставилъ намъ обстоятельную рецензію.

Первое извѣстіе о монетахъ съ именемъ Ярослава явилось въ литературѣ въ концѣ XVIII столѣтія, тогда какъ монеты съ надписью «Владиміръ» стали извѣстны въ ней только съ 1816 г. Если взять въ расчетъ тогдашнее состояніе науки о русскихъ древностяхъ, то не покажется удивительнымъ, что должно было пройти много времени прежде чѣмъ составилось нѣкоторое ясное воззрѣніе на эти памятники. Не было недостатка даже въ такихъ людяхъ, которые или подвергали сомнѣнію вообще русское происхожденіе этихъ монетъ, или рѣшительно приписывали ихъ южнославянскимъ князьямъ, хотя въ то время еще не имѣлось даже полного списка послѣднихъ. Этимъ объясняется также, почему А. Д. Чертковъ, признаваемый теперь вообще основателемъ древнерусской нумизматики, въ своемъ сочиненіи «Описаніе древнихъ русскихъ монетъ. Москва 1834 г.», разсматриваетъ только монеты XIV—XVI столѣтій и не говоритъ ни слова о монетахъ Владиміра и Ярослава.

Между тѣмъ, послѣ выхода въ свѣтъ сочиненія Черткова, были открыты новые экземпляры монетъ. Въ особенности обра-

тилъ на себя общее вниманіе нумизматовъ найденный въ 1852 г. въ Нѣжинѣ кладъ, состоявшій изъ сотни серебряныхъ монетъ съ означенными на нихъ именами князей Владиміра, Святополка и Ярослава. По замѣчанію г. Прозоровскаго, этимъ кладомъ окончательно устранено сомнѣніе въ дѣйствительной подлинности Владиміровыхъ и Ярославовыхъ монетъ. Не прошло десяти лѣтъ со времени Нѣжинской находки, какъ вновь распространились несомнѣнныя свѣдѣнія объ экземплярахъ подобныхъ монетъ, найденныхъ въ различныхъ мѣстахъ Швеціи, Мекленбурга и Польши. Это имѣло послѣдствіемъ, что вопросъ объ этихъ монетахъ, какъ выражается рецензентъ, сталъ вполне научнымъ, съ характеромъ системы. Тѣмъ не менѣе до сего времени не существовало такой монографіи, въ которой были бы всесторонне изслѣдованы эти памятники, столь важные для исторіи русской культуры. Для составленія подобной монографіи требовалось, сверхъ значительныхъ матеріальныхъ средствъ, много труда и времени. Кромѣ того, было совершенно необходимо, чтобы ея составитель видѣлъ собственными глазами и имѣлъ въ своихъ рукахъ по крайней мѣрѣ главные типы всѣхъ до настоящаго времени найденныхъ русско-византійскихъ монетъ.

Благопріятныя обстоятельства поставили графа И. И. Толстаго въ возможность взяться за разъясненіе столь обширнаго вопроса и рѣшить его съ желаемымъ успѣхомъ. Не только онъ самъ владѣлъ лучшею частью Нѣжинскаго клада и замѣчательнѣйшими Владиміровыми монетами, найденными въ 1878 г. въ Кіевѣ, но ему удалось также пользоваться всѣми экземплярами, хранящимися въ различныхъ публичныхъ учрежденіяхъ Петербурга, Москвы и Кіева. Кромѣ того онъ имѣлъ возможность изслѣдовать монеты, доставленныя ему для этого частными лицами въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Одессѣ. Такимъ образомъ онъ успѣлъ разсмотрѣть болѣе 180 экземпляровъ т. е. $\frac{5}{6}$ всего, извѣстнаго ихъ числа, чего было весьма достаточно для составленія о предметѣ отчетливаго понятія и для постановки его на твердой научной почвѣ.

Трудъ графа Толстаго состоитъ изъ предисловія, весьма обстоятельнаго, зрѣло обдуманнаго и отчетливо изложеннаго, и изъ шести главъ, съ дополненіями. Къ изданію приложены: а) библиографическій списокъ, обнимающій всю литературу Владиміровыхъ и Ярославовыхъ монетъ; б) указатели азбучные: именъ, предметовъ и легендъ; в) 15 таблицъ рисунковъ, изъ которыхъ четыре фотографическія, а остальныя прекрасно гравированныя.

Въ предисловіи авторъ, описывая составъ изслѣдованія, признаетъ главною, существенною частью своего труда первую главу, посвященную описанію монетъ. Дѣйствительно, все зданіе труда зиждется на этой главѣ, составленной съ образцовою старательностью и съ тонкимъ пониманіемъ дѣла, выказаннымъ въ умѣннн оцѣнить значеніе каждой подробности, чѣмъ для будущихъ изыскателей устранены многія трудности какъ въ чтеніи неясныхъ, неполныхъ или ошибочныхъ надписей, такъ и въ классификаціи изображеній. Хотя авторъ и оговаривается, что, по незавпсѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ, онъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не имѣлъ возможности соблюсти строгую систему, однако жъ оговорку эту, въ виду безукоризненности системы, надобно признать за выраженіе пристрастія къ совершенству системы, которое въ практикѣ едва ли достижимо. — Описанія начинаются золотыми монетами св. Владиміра, подведенными подъ четыре номера и признанными за несомнѣнно подлинныя; исторія этихъ монетъ, со времени ихъ находки, изложена во всей подробности, чрезъ что будущіе изслѣдователи получаютъ въ прекрасномъ сводѣ всю литературу тѣхъ монетъ и избавляются отъ лишнихъ и немалыхъ хлопотъ по розысканіямъ въ этой области. За тѣмъ серебряныя монеты св. Владиміра авторъ дѣлитъ на четыре типа, точно и подробно опредѣляя особенности каждаго типа. За монетами Владиміра слѣдуютъ монеты съ именами Святополка, приписываемыя авторомъ Святополку I. Серебряныя монеты Ярослава составляютъ три типа; изъ нихъ особенно выдаются монеты третьяго типа, исторію судьбы которыхъ авторъ излагаетъ съ особою обстоятельностью. Въ составъ этого типа вошли и появившіеся недавно мѣдныя экземпляры «Ярослава сребра». Хотя иные считаютъ такіе экземпляры за подлинники, однако графъ Толстой убѣжденъ, что они поддѣльные, отлитые въ новѣйшее или въ давнее время съ подлинниковъ. Съ своей стороны, рецензентъ находитъ, что по поводу взглядовъ, высказанныхъ при этомъ авторомъ, можно еще поспорить, и приводитъ причины такого несогласія своего съ нимъ.

Всѣ монеты, разсмотрѣнныя и описанныя авторомъ, тщательно взвѣшены и выведенъ средній вѣсъ каждаго типа, за что изслѣдователи древней русской метрологіи будутъ очень благодарны. Но выражая надежду, что его выкладки могутъ въ послѣдствіи послужить пособіемъ для открытія системы вѣса, по которой монеты дѣланы, онъ, по мнѣнію г. Прозоровскаго, напрасно не придаетъ въ своемъ трудѣ особаго значенія вѣсу и полагаетъ,

что монеты чеканены безъ всякой опредѣленной вѣсовой системы. Этимъ онъ предрѣшаетъ вопросъ и какъ бы вторгается въ область метрологіи, обязанной разъяснить все, что относится до вѣса, пробы и курса древнихъ цѣнностей.

Во второй главѣ сведены различныя мнѣнія о томъ: слѣдуетъ-ли монеты Владиміра признавать за русскія и на сколько вѣрно мнѣніе, что это не ходячія цѣнности, а медали, выбитыя въ честь русскихъ государей или въ память какихъ-либо событій? Рѣшеніе втораго вопроса зависитъ отъ рѣшенія перваго, но кромѣ того оказались археологическія данныя, устраняющія всякую мысль о медальномъ значеніи монетъ.

Третья глава представляетъ сводъ различныхъ объясненій загадочной фигуры, находящейся на означенныхъ монетахъ. Ей давали разныя значенія, признавая ее то за трезубецъ, то за трикирій или паникадило, то за хоругвь, то за птицу, за якорь, за франциску, за верхушку скиптра, за порталъ. Графъ Толстой принимаетъ ее въ значеніи хоругви. Впрочемъ авторъ не настаиваетъ на своемъ толкованіи, допуская его лишь временно и указывая на возбужденный г. Кунникомъ вопросъ: не слѣдуетъ-ли считать фигуру за родовой знакъ первыхъ нашихъ князей? Вопросъ важный и поставленный графомъ Толстымъ, по выраженію рецензента, весьма выукло.

Причины, побудившія автора распредѣлить монеты такъ, а не иначе, весьма обстоятельно изложены имъ въ четвертой главѣ. При ясности и отчетливости его системы, подобныхъ объясненій конечно никто бы отъ него не потребовалъ, но авторъ, понимая всю важность изслѣдуемаго имъ предмета, рѣшился опредѣлить его всесторонне и исчерпать до такой глубины, какая возможна въ настоящемъ положеніи вопроса. Онъ даетъ строгій отчетъ въ основаніяхъ, на которыхъ утверждаются его опредѣленія какъ старшинства штемпелей и времени чеканки монетъ, такъ и времени зарытія кладовъ въ землю. Самымъ виднымъ отличіемъ труда графа Толстаго рецензентъ признаетъ остроумное распредѣленіе монетъ по типамъ, чрезъ что для будущихъ изслѣдователей открылся гладкій и вѣрный путь къ разработкѣ тѣхъ частныхъ вопросовъ, для рѣшенія которыхъ въ настоящее время еще не представляется возможности. Вообще глава эта обличаетъ въ авторѣ большой археологическій тактъ.

Особенное вниманіе обращаетъ на себя пятая глава—о поддѣльныхъ монетахъ Владиміра Великаго,—предметъ, въ общемъ смыслѣ

почти еще не тронутъ въ русской нумизматкѣ. Глава эта представляетъ превосходный трактатъ о поддѣлкахъ первоначальныхъ русскихъ монетъ. Конечно, рассмотрѣнныя въ ней монеты несомнѣнно фальшивы уже по одному ихъ вѣсу, который ни мало не соотвѣтствуетъ вѣсу подлинныхъ монетъ; но авторъ этимъ не ограничился, а подвергъ строгому разбору ихъ выработку и исторію со времени появленія ихъ въ рукахъ нумизматовъ,—такому разбору, который на долго послужитъ руководствомъ для занимающихся русскою нумизматикою.

Сводя къ итогу свои замѣчанія, рецензентъ приходитъ къ заключенію, что трудъ графа Толстаго исполненъ тщательно и вполне исчерпываетъ предметъ. Главная же заслуга автора состоитъ въ томъ, что онъ сразу сильно двинулъ впередъ почти непечатой вопросъ, принадлежавшій къ числу трудныхъ, и что за тѣмъ этотъ вопросъ становится теперь открытымъ во всѣхъ его положеніяхъ. «Наукѣ», говоритъ г. Прозоровскій, «не часто достаются такія капитальныя приобрѣтенія, какъ изслѣдованіе графа Толстаго; еще рѣже она видитъ между этими приобрѣтеніями труды, столь ярко-освѣщающіе темныя области вопросовъ, на которые она взирала съ недоумѣніемъ. При этомъ надобно указать на то, что авторъ, издавая свой трудъ, не жалѣлъ издержекъ: изящество изданія вполне соотвѣтствуетъ внутреннимъ достоинствамъ изслѣдованія».

Въ виду такого приговора почтеннаго критика, Академія отличила это сочиненіе Уваровскою премією въ размѣрѣ 500 рублей.

Такой же награды удостоено изслѣдованіе В. Жмакина, подъ заглавіемъ: *Митрополитъ Даниилъ и его сочиненія*. Москва 1881 г.

Дабы возможно строже и правильнѣе исполнить возложенную на нее Уваровскими правилами обязанность оцѣнки этого сочиненія, Академія, по отсутствію въ ея средѣ специалистовъ по части русско-церковной исторіи, сочла необходимымъ обратиться въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи съ просьбою пригласить одного изъ профессоровъ этого учрежденія, по усмотрѣнію Совѣта, къ рассмотрѣнію книги г. Жмакина. Съ обычною своею готовностью содѣйствовать всякому научному дѣлу въ нашемъ отечествѣ, Московская Духовная Академія избрала для означенной цѣли профессора Е. Е. Голубинскаго, своими учено-литературными трудами заслужившаго извѣстность глубокаго знатока въ той области, къ которой относится сочиненіе г. Жмакина. Доставленная намъ

вслѣдствіе этого г. Голубинскимъ подробная рецензія послужила основаніемъ для сужденія о достоинствахъ этого сочиненія.

Изслѣдованіе г. Жмакина, какъ уже видно по его заглавію, распадается на двѣ части: на очеркъ жизни и дѣятельности митрополита Даніила и на обзоръ его сочиненій.

Дѣятельность его состояла главнымъ образомъ въ томъ, что онъ, будучи ученикомъ преп. Іосифа Волоколамскаго, продолжалъ борьбу своего учителя съ направленіемъ такъ называемыхъ заволжскихъ старцевъ или преп. Нила Сорскаго, представителями котораго въ ту пору были Нилъ ученикъ Вассіанъ Косой и преп. Максимъ Грекъ.

Прежде чѣмъ излагать борьбу Даніила съ Вассіаномъ и Максимомъ, авторъ объясняетъ происхожденіе двухъ враждебныхъ направленій, Іосифова и Нилова, и характеризуетъ ихъ, а также передаетъ исторію борьбы направленій до времени Даніила. Отсюда первая часть его изслѣдованія распадается на два отдѣла, изъ которыхъ первый посвященъ происхожденію и характеру двухъ направленій и изложенію исторіи ихъ борьбы въ лицѣ самихъ Іосифа и Нила.

Сущность направленія преп. Іосифа Волоколамскаго, усвоивъ ему название формальнаго, г. Жмакинъ полагаетъ въ отсутствіи критики, критическаго отношенія къ источникамъ христіанскаго вѣроученія и нравоученія, что обусловливалось отсутствіемъ у насъ въ XV вѣкѣ настоящаго образованія. Напротивъ того противникъ Іосифа и его консерватизма, преп. Нилъ Сорскій, выставленъ авторомъ, какъ дѣятель направленія, которое признано называть либеральнымъ. Но либерализмъ его, по мнѣнію г. Голубинскаго, авторъ понимаетъ въ необыкновенно широкомъ смыслѣ, представляя его такимъ либераломъ, какимъ онъ вовсе даже и не былъ, тогда какъ на оборотъ формализму и консерватизму преп. Іосифа онъ придаетъ размѣры и характеръ, которые рецензентъ не признаетъ возможнымъ допустить.

Превратное пониманіе сущности направленій Іосифова и Нилова отразилось и въ изложеніи дальнѣйшей борьбы этихъ направленій, въ лицѣ митрополита Даніила съ одной стороны и Максима Грека и Вассіана Косаго съ другой, равно какъ и въ характеристикѣ этихъ дѣятелей нашей церковной исторіи. Вообще за первую часть сочиненія рецензентъ не признаетъ особеннаго и слишкомъ большаго достоинства, причѣмъ подробно объясняетъ причины своего несогласія съ заключеніями автора, указываетъ на

его ошибки и выставляет на видъ отсутствіе новизны въ со-общаемыхъ имъ данныхъ. «Исторія дѣятельности Даниіла, замѣ-чаетъ почтенный професоръ, предметъ разработанный, и могла ли или не могла разработка быть продолжена далѣе, но авторъ этого не дѣлаетъ, являясь простымъ воспроизводителемъ своихъ предшественниковъ и не прибавляетъ отъ себя ничего новаго. При этомъ общее пониманіе дѣла должно быть признано несо-стоятельнымъ».

Въ противоположность первой части книги, вторая ея часть, посвященная литературной характеристикѣ сочиненій Даниіла и изложенію ихъ содержанія, съ подробнымъ комментариемъ къ этому изложенію, по свидѣтельству рецензента, отличается суще-ственными достоинствами. Хотя и здѣсь рецензентъ встрѣчаетъ мнѣнія, объясненія и взгляды, невыдерживающіе строгой критики, однако отзывается объ этой части съ большою похвалою, какъ объ ученомъ трудѣ, который, по своей общирности, со всею спра-ведливостью можетъ быть принимаемъ за особое, цѣлое сочине-ніе — трудъ весьма почтенномъ и представляющемъ собою серіоз-ный и важный вкладъ въ науку русской церковной исторіи. «Эта наука, говоритъ г. Голубинскій, остается до сихъ поръ еще не-вполнѣ разработанною даже и первичнымъ, такъ сказать, обра-зомъ, т. е. даже весь простой наличный ея матеріалъ не приведенъ еще въ полную извѣстность и не обработанъ настолько, чтобы стать годнымъ къ научному употребленію. Слѣдовательно, у насъ не закрыто еще и не отставлено (выражаясь по народному) поле для работъ даже подготовительныхъ. На этомъ то полѣ и оказы-ваетъ авторъ, второю частью своего сочиненія, весьма важную услугу русской церковной исторіи. О существованіи сочиненій ми-трополита Даниіла давно всѣ знали; но что такое они — это оста-валось очень мало извѣстнымъ, и всѣ должны были пробавляться кой-какими о нихъ свѣдѣніями въ ожиданіи, что кто-нибудь воз-метъ на себя специальный трудъ ихъ изслѣдованія. Желаемый трудъ взялъ на себя нашъ авторъ и выполнилъ его такъ, что со всею справедливостью ему должна быть воздана полная похвала. Матеріалы историческіе, опытъ обработки которыхъ представляетъ вторая часть сочиненія, какъ само собою понятно, бываютъ мел-кіе, требующіе очень немного работы, и крупныя, требующіе этой послѣдней очень много. Сочиненія митрополита Даниіла по своему объему и по содержанію представляли матеріалъ въ нашемъ смы-слѣ очень крупный, который требовалъ очень большой работы.

Принявъ на себя подобную работу, авторъ не старался какънибудь стюзить ее, обрѣзать и вообще облегчить для себя, но поставилъ ее такъ широко, какъ только можно, и добросовѣстнѣйшимъ и усерднѣйшимъ образомъ стремился къ ея выполнению въ предѣлахъ своей постановки. Сочиненія митрополита Даніила имѣютъ близкое отношеніе къ современной дѣйствительности, касаясь ея заблужденій и мнѣній и изображая пороки ея нравовъ. Коментарій автора къ сочиненіямъ Даніила состоитъ въ томъ, чтобы дать нарочитый и обстоятельный очеркъ относительно заблужденій и мнѣній и относительно сторонъ нравовъ времени, о которыхъ говоритъ и которыхъ касается своими рѣчами митрополитъ Даніилъ. А такъ какъ нравовъ времени съ порочной ихъ стороны Даніилъ касается многосторонне, то это поставило задачу автора такъ, что онъ далъ рядъ обстоятельныхъ очерковъ чуть не о всѣхъ порочныхъ сторонахъ нравовъ XVI вѣка. Ясно, что коментарій, который дѣлаетъ авторъ, потребовалъ отъ него обстоятельнаго изученія XVI вѣка, и что онъ долженъ былъ положить на это изученіе много труда. Какъ плодъ серіознѣйшаго отношенія къ дѣлу и замѣчательнѣйшаго трудолюбія (каковыя оба качества мы не найдемся достаточно похвалить, если припомнимъ, что авторъ изслѣдованія есть молодой и только что начинающій ученый), намъ дается возможно полный, возможно тщательный и обстоятельный обзоръ сочиненій митрополита Даніила, чрезъ который они становятся наконецъ вполне всѣмъ вѣдомыми, чтобы занять принадлежащее имъ мѣсто въ ряду памятниковъ церковно-литературныхъ и чтобы стать въ рядъ употребимыхъ источниковъ русской церковной исторіи XVI вѣка».

Почетнаго отзыва удостоены слѣдующія два сочиненія:

Сочиненіе А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, подъ заглавіемъ: *Графъ П. Д. Киселевъ и его время. Матеріалы для исторіи Императоровъ Александра I, Николая I и Александра II.* Спб. 1882 г. Четыре тома.

Для ближайшей оцѣнки этого сочиненія, Академія обращалась къ содѣйствію Декана Историко-Юридическаго Факультета Императорскаго Дерптскаго Университета Ив. Ег. Энгельмана, приобрѣтшаго своими трудами неоспоримое право считаться среди нашихъ ученыхъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ исторіи русскаго права. Въ составленной имъ обширной и основательной рецензіи многозаслуженный профессоръ выставляетъ сочиненіе г. Заблоцкаго-

Десятовскаго заслуживающимъ вниманія всѣхъ тѣхъ, кто интересуется отечественною исторіею нынѣшняго вѣка, но замѣчаетъ, что оно, не содержа въ себѣ ни полной біографіи графа Киселева, ни всесторонняго изображенія его времени, не можетъ претендовать на значеніе историческаго изслѣдованія. Въ немъ слишкомъ много пробѣловъ и упущены изъ виду многіе матеріалы, не заключающіеся въ тѣхъ архивахъ, разработкою которыхъ занимался авторъ; наконецъ оно страдаетъ отсутствіемъ почти всякой критики. Но съ другой стороны, въ этомъ сочиненіи издано множество весьма важныхъ и любопытныхъ историческихъ данныхъ и замѣтокъ, остававшихся до сихъ поръ неизвѣстными и представляющихъ собою богатый матеріалъ для историка. Конечно авторъ поступилъ бы гораздо лучше, если бы ограничился изданіемъ актовъ, извлеченныхъ изъ доступныхъ ему архивовъ, въ томъ числѣ Записокъ и Дневника Киселева, и присоединилъ къ этимъ матеріаламъ свои объясненія и замѣчанія, въ видѣ комментарія; тогда, большая часть нынѣшнихъ недостатковъ сочиненія устранилась бы сама собою, и оно получило бы болѣе цѣнное значеніе.

Древнія изображенія русскихъ царей и ихъ посольствъ за границу въ старинныхъ и новыхъ гравюрахъ. Сочин. Н. П. Собко.

Почетный членъ Академіи, баронъ Фед. Андр. Бюлеръ, написавшій по приглашенію Уваровской комисіи разборъ этого сочиненія, отзывается о немъ, какъ о трудѣ составленномъ съ крайнею добросовѣстностью, основанномъ на большомъ количествѣ матеріаловъ и содержащемъ въ себѣ много любопытныхъ свѣдѣній, но страдающему отъ недостатковъ метода въ изложеніи. Трудъ заслуживаетъ поощренія, которое могло бы побудить автора къ дальнѣйшимъ розысканіямъ по части древнихъ изображеній русскихъ историческихъ личностей.

Отличивъ сочиненіе г. Собко присужденіемъ ему почетнаго отзыва, комисія приняла въ соображеніе, что вторая часть этого сочиненія была представлена на Уваровскій конкурсъ въ рукописи, и поэтому нашла возможнымъ примѣнить къ нему тотъ пунктъ Положенія объ Уваровскихъ наградахъ, по которому авторъ рукописнаго сочиненія, удостоеннаго почетнымъ отзывомъ, можетъ вторично представить это сочиненіе, въ видѣ исправленной рукописи или отпечатанной книги, къ одному изъ слѣдующихъ двухъ

конкурсовъ, и согласно съ этимъ предоставила г. Собко право снова явиться съ тѣмъ же сочиненіемъ на Уваровское соисканіе 1883 г. или 1884 г.

По присужденіи наградъ, Комисія постановила благодарить именемъ Академіи всѣхъ тѣхъ ученыхъ, которые оказали ей содѣйствіе составленіемъ рецензій на сочиненія нынѣшняго конкурса и въ изъявленіе этой признательности тремъ изъ такихъ критиковъ, а именно В. В. Стасову, Е. Е. Голубинскому и И. Е. Энгельману присудила по золотой Уваровской медали, установленной для рецензентовъ.

Независимо отъ наградъ за представляемыя на судъ Академіи историческія сочиненія, Положеніемъ объ Уваровскихъ конкурсахъ установлена особая поощрительная премія за удовлетворительное рѣшеніе задачъ, предлагаемыхъ Академіею по различнымъ вопросамъ русской исторіи и древностей.

Съ цѣлью предоставить для соискателей этой преміи просторъ въ выборѣ предметовъ для ихъ изысканій, Академія, при назначеніи конкурсныхъ задачъ, постоянно заботилась о достаточности ихъ числа и о приданіи имъ разнообразія. Нѣкоторыя изъ предложенныхъ ею такимъ образомъ задачъ уже вызвали въ свое время отвѣтныя сочиненія; другіе же вопросы еще ждутъ для себя трудолюбивыхъ изслѣдователей. Тѣмъ не менѣе представлялось полезнымъ увеличить число уже объявленныхъ тѣмъ, присоединеніемъ къ нимъ новыхъ.

Учредитель премій, нашъ почетный членъ графъ А. С. Уваровъ, въ письмѣ отъ 14 апрѣля сего года, выразилъ свое желаніе, чтобы при выборѣ задачъ для соисканія поощрительной преміи было обращено вниманіе на задачи по отечественной археологіи. Академія могла только съ полнымъ сочувствіемъ отнестись къ этой мысли, и въ виду существенныхъ услугъ, оказанныхъ гр. Уваровымъ изученію русскихъ древностей, просила его указать ей на такія задачи по русской археологіи, которымъ, по его мнѣнію, слѣдуетъ отдать преимущество и съ которыхъ, по этому, можно было бы начать рядъ такихъ задачъ.

Избранныя вслѣдствіе этого графомъ Уваровымъ пять задачъ Академія доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, вызывая желающихъ заняться рѣшеніемъ той или другой изъ нихъ.

1) *Опытъ словаря древнихъ выражений по русскому искусству.*

Наша *древняя терминологія* почти совершенно забыта. Большая часть выражений, означающихъ предметы и издѣлія искусства, художествъ и даже ремеслъ, замѣнена или новыми или иностранными словами. Настоящее же значеніе древнихъ выражений и названій, относящихся до зодчества, ваянія, иконописи, металлическаго, финифтянаго, гончарнаго дѣла, до предметовъ быта домашняго, до одѣвья, до украшенія зданій и проч. остается большею частью необъясненнымъ и неизвѣстнымъ. Между тѣмъ богатый матеріалъ для точнаго опредѣленія всѣхъ такихъ наименованій имѣется въ изданныхъ актахъ, монастырскихъ описяхъ, строительныхъ книгахъ, столбцахъ, каталогахъ и описаніяхъ рукописей и т. д., изъ которыхъ слѣдуетъ извлечь особый словарь древнихъ выражений по русскому искусству, съ точнымъ объясненіемъ смысла cadaго слова примѣрами, а по возможности даже рисунками съ древнихъ памятниковъ. По письменнымъ памятникамъ мы видимъ, что не только каждая форма предметовъ имѣла свое особое названіе, но даже различныя украшенія, какъ на мелкихъ издѣліяхъ, такъ и на памятникахъ зодчества, отличались особыми выраженіями. Для такихъ формъ и украшеній приложеніе рисунковъ необходимо, и полагаться на ясность одного описанія невозможно.

Срокомъ доставленія въ Академію отвѣтовъ на эту задачу назначается 25 сентября 1886 года.

2) *О мѣстоположеніи древне-хазарскихъ городовъ Итиль, Саркела и Семендера.*

Въ нашей древней географіи, многія мѣстности первой важности по историческому ихъ значенію остаются доселѣ совершенно неизвѣстными. Гдѣ находились Итиль, Саркель, Семендеръ? Отрицать неоспоримую важность этихъ мѣстностей невозможно, а между тѣмъ мы съ точностію не знаемъ, гдѣ онѣ лежали. Въ самыхъ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ по русской исторіи довольствуются или приблизительнымъ указаніемъ на мѣстонахожденіе этихъ пунктовъ, или приведеніемъ разнорѣчивыхъ мнѣній авторовъ, упоминавшихъ о такихъ мѣстностяхъ. По этой причинѣ необходимо обратить вниманіе на изслѣдованіе такихъ историческихъ мѣстностей, наприм. изслѣдовать и опредѣлить мѣсто, гдѣ стоялъ Итиль. Собравъ всѣ свѣдѣнія объ Итилѣ, — снять планъ мѣстности и описать, на основаніи какихъ вещественныхъ доказательствъ авторъ

полагаетъ, что Итиль стоялъ именно на этомъ мѣстѣ. По возможности подкрѣпить доводы раскопками новыми или свѣдѣніями о прежде сдѣланныхъ находкахъ и т. д.

Срокъ присылки въ Академію рѣшенія этого вопроса—25 сентября 1886 года.

3) *Разъясненіе свѣдѣній Геродота и другихъ древнихъ писателей о Скивахъ посредствомъ найденныхъ доселѣ скивскихъ древностей.*

Насколько найденныя доселѣ скивскія древности пополняютъ или разъясняютъ свѣдѣнія объ этихъ народахъ, находящіяся у Геродота и другихъ древнихъ писателей? Желательно разъяснить насколько возможно, народность скивскихъ племенъ и степень культуры, на которой они находились?

Отвѣтъ на эту задачу Академія ожидаетъ къ 25 сентября 1884 г.

4) *Объ издѣльяхъ скивскаго происхожденія и о происхожденіи другихъ издѣлій, найденныхъ вмѣстѣ съ ними.*

Въ чемъ состоятъ признаки издѣлій, сработанныхъ скивами, или чужестранными мастерами для скивовъ; отличающіе ихъ отъ другихъ современныхъ имъ издѣлій? Что составляетъ своеобразность скивскаго стиля?

Рѣшеніе этого вопроса должно быть доставлено въ Академію къ 25 сентября 1885 г.

5) *Изслѣдованіе монетнаго дѣла въ Россіи съ XIV-го вѣка до Иоанна Грознаго.*

Доселѣ литература русской нумизматики, въ отношеніи къ удѣльнымъ княжествамъ, начиная отъ описанія русскихъ монетъ, сдѣланнаго кв. Щербатовымъ, и кончая каталогомъ, изданнымъ гр. Чапскимъ, довольствовалась или отрывочными описаніями монетъ, или каталогами цѣлыхъ собраній. При этомъ многія монеты возбудили различныя спорныя мнѣнія. Но мы не имѣемъ еще ни одного изслѣдованія, въ которомъ были бы критически разсмотрѣны какъ разныя опредѣленія русскихъ монетъ, такъ и разнорѣчивыя о нихъ мнѣнія ученыхъ, и въ которомъ, кромѣ того, монеты, какъ историческіе документы, примѣнены были къ самой исторіи. По этой причинѣ необходимо: во-первыхъ, собрать полную литературу всѣхъ описаній, свѣдѣній и изслѣдованій о русской нумизматикѣ; во-вторыхъ, критически разобрать точность опредѣленія нашихъ монетъ

удѣльнаго періода, и въ третьихъ, примѣнить эти нумизматическіе документы къ исторіи того времени.

Срокомъ доставленія отвѣтныхъ сочиненій на эту задачу назначено 25 сентября 1887 г.

Сверхъ того, Академія приглашаетъ русскихъ историковъ къ рѣшенію еще одной новой задачи, а именно сдѣлать:

Сводъ комментариевъ на записку Ибнъ-Фадлана о народѣ Русь въ 922 г.

Съ тѣхъ поръ, какъ благодаря академику Френу, записки о харазахъ, башкурдахъ, болгарахъ и руссахъ, составленныя Ибнъ-Фадланомъ (путешествовавшимъ въ 921 г. къ волжскимъ болгарамъ въ качествѣ посланника Багдадскихъ калифовъ) стали извѣстны ученымъ¹⁾, ими пользовались не однократно; тѣмъ не менѣе въ последнее время составилось убѣжденіе, что эти записки должны еще быть подвергнуты строгому критическому изслѣдованію. Въ особенности чувствовалась настоятельная потребность установить опредѣленный взглядъ на свидѣтельства этого писателя о народѣ, который онъ обозначаетъ названіемъ «Русь». Съ этою цѣлью, Академія предлагаетъ, въ видѣ задачи на поощрительную Уваровскую премию, составленіе свода существующихъ до сихъ поръ объясненій означенныхъ показаній, въ формѣ комментарія къ нимъ. Этому коментарію должна быть предпослана хотя бы и краткая, но мѣткая характеристика Ибнъ-Фадлана, какъ писателя и этнографа, причемъ должно быть обращено особенное вниманіе на употребляемую имъ и въ другихъ сочиненіяхъ этнографическую терминологию. Черезъ это получится возможность опредѣлить, въ какомъ смыслѣ употреблены названія народовъ: въ обширномъ ли или тѣсномъ смыслѣ, въ смыслѣ ли національностей или же политическихъ единицъ. вмѣстѣ съ тѣмъ должно быть сдѣлано строгое различіе того, о чемъ Ибнъ-Фадланъ говоритъ, какъ очевидецъ, отъ тѣхъ извѣстій, которыя онъ заимствуетъ отъ другихъ писателей или передаетъ тольکو по слухамъ.

Что касается собственно до комментарія, то составитель долженъ представить по возможности въ сжатомъ видѣ сводъ всѣхъ

¹⁾ См. библиографическія указанія—въ Ученыхъ Запискахъ по I и III Отдѣленіямъ Академіи, т. III 1855, стр. 495; русскій переводъ Ибнъ-Фадлана, по исправленному арабскому тексту, напечатанъ г. Гаркави въ Сказаніяхъ мусульманскихъ писателей о славянахъ и руссахъ. Спб. 1870, стр. 85—102.

извѣстныхъ въ печати мнѣній объ отдѣльныхъ мѣстахъ въ запискѣ Ибнъ-Фадлана о руссахъ и указать на слабыя стороны, встрѣчающіяся у прежнихъ комментаторовъ. Вниманіе автора должно быть обращено также на сдѣланныя до сего времени попытки опредѣлить, изъ показаній арабскаго писателя, народныя черты торговыхъ людей изъ руссовъ, видѣнныхъ имъ на Волгѣ. Ихъ до сихъ поръ принимали то за настоящихъ нормановъ, то за потомковъ поселившихся въ Россіи варяго-руссовъ, то за славянъ и наконецъ даже за волжскую чудь. Авторъ самъ собою увидитъ необходимость разъяснить вопросъ о томъ, отчего происходитъ это крайнее разнообразіе взглядовъ: отъ самаго ли свойства извѣстій Ибнъ-Фадлана, какъ магометанна, или же отъ неудовлетворительности методовъ, принятыхъ комментаторами. Достиженіе этой цѣли онъ значительно облегчитъ себѣ, если: 1) соберетъ данныя о томъ, какое вліяніе имѣли другъ на друга различныя языческія племена на берегахъ Балтійскаго моря и къ востоку отъ онаго и 2) уяснитъ себѣ исторію балтійско-каспійской торговли въ IX, X и XI столѣтіяхъ, о которой свидѣтельствуютъ многочисленныя находки восточныхъ монетъ и предметовъ домашняго обихода не только вдоль русскихъ рѣкъ, но и по берегамъ и на островахъ Балтійскаго моря.

Желающихъ заняться рѣшеніемъ этой задачи, Академія проситъ доставить ей ихъ сочиненія не позже 25 сентября 1885 г.

Наконецъ, Академія вновь обращаетъ вниманіе русскихъ историковъ на слѣдующія, предложенныя ею въ прежнее время задачи, для отвѣта на которыя опредѣленнаго срока не назначено. Рѣшенія ихъ должны быть однако доставляемы въ Академію не позже 25 сентября того года, который предшествуетъ тому или другому конкурсному году.

1) *Исторія древне-русскихъ княжествъ.*

Монографіи, касающіяся исторіи древне-русскихъ княжествъ, вообще не многочисленны и не всѣ удовлетворяютъ условіямъ современной науки. Принимая это во вниманіе, Академія приглашаетъ желающихъ заняться изслѣдованіями по этому предмету. Имѣя въ виду обширность предлагаемой задачи, Академія предоставляетъ конкурентамъ — самимъ избрать себѣ предметомъ то или другое княжество и дать своему сочиненію болѣе или менѣе обширный объемъ. Хотя наша историческая литература еще нуждается въ хорошихъ сочиненіяхъ касательно исторіи княжествъ: Кіевскаго,

Полоцкаго, Смоленскаго, Владимірскаго и пр., однако къ конкурсу допускаются, кромѣ сочиненій объ этихъ достоиніяхъ Рюриковой династіи, изслѣдованія и о литовско-русскихъ княжествахъ Гедиминовой династіи.

2) *Объ историческихъ отношеніяхъ Польскаго народа и государства къ Русскому племени.*

Предметъ этотъ уже самъ по себѣ столь богатъ важными эпизодами, что, предлагая соискателямъ Уваровской преміи заняться имъ, Академія предоставляетъ ихъ произволу избрать себѣ какой либо спеціальнѣй предметъ по этой отрасли исторической науки. Не излишне однако замѣтить, что здѣсь подѣ историческими отношеніями разумѣются не исключительно войны и дипломатическія сношенія Польши съ Россіей, но литературныя, юридическія и церковныя дѣла, преимущественно Великаго Княжества Литовскаго, въ которыхъ отразилась борьба Польскаго и Русскаго элементовъ. Само собою разумѣется, что авторъ, разбирая эту борьбу, долженъ соблюдать строгое безпристрастіе въ оцѣнкѣ историческихъ личностей и событій.

3) *Историко-литературное обозрѣніе печатныхъ полемическихъ сочиненій, статей и брошюръ, изданныхъ въ свѣтъ русскими въ Северо- и Юго-западныхъ краяхъ Россіи съ конца XVI до начала XVII столѣтій.*

Сочиненія эти хотя и касаются по большей части богословскихъ предметовъ, однако въ то же время заключаютъ въ себѣ не мало характеристическихъ чертъ и указаній для исторіи политическихъ отношеній, нравовъ и просвѣщенія помянутой эпохи. Въ свѣтъ съ тѣмъ тамъ сохранены свѣдѣнія о писателяхъ и дѣятеляхъ, въ настоящее время или забытыхъ или очень мало извѣстныхъ. Все это имѣетъ значеніе не только по отношенію къ исторіи русской литературы, но и для уразумѣнія духа и направленія умовъ въ тѣхъ краяхъ. Само собою разумѣется, что въ подобномъ изслѣдованіи нельзя пройти безъ вниманія польско-латинскія книги и брошюры, которыя или вызывали, или преслѣдовали полемическія сочиненія бѣлорусскія и малорусскія; но такъ какъ о первыхъ есть уже обстоятельныя описанія въ польской литературѣ (въ трудахъ Гохера, Вишневецкаго, Мацѣевскаго и друг.), то о нихъ въ обозрѣніи можно уже говорить лишь настолько, на сколько эти книги и бро-

шюры послужать матеріаломъ для разъясненія бѣлорусскихъ и малорусскихъ произведеній.

4) *Исторія мореплаванія у Славянскихъ народовъ до XIII вѣка.*

Между многочисленными пробѣлами, которые замѣчаются въ отечественной исторіи, особенно чувствителенъ недостатокъ исторіи русской торговли и связаннаго съ нею плаванія по рѣкамъ и морямъ до Петра Великаго. Восполнить этотъ пробѣлъ—становится одной изъ главныхъ задачъ для всѣхъ понимающихъ тѣсную связь, которая существуетъ между культурною жизнью древней Россіи и расширеніемъ ея торговыхъ сношеній.

Чтобы обратить вниманіе на этотъ предметъ, Академія предлагаетъ задачу объ исторіи мореплаванія у славянскихъ народовъ до XIII вѣка. Форма изложенія этой задачи совершенно предоставляется соискателямъ награды.

При разнообразіи и частію при малой извѣстности источниковъ о началѣ славянскаго мореплаванія, точныя ссылки на гѣтописи и другіе документы необходимы.

Сравнительное изученіе мореплаванія славянскихъ народовъ не можетъ не быть плодотворнымъ, особенно при оцѣнкѣ перваго періода его. Вотъ почему не лишнимъ будетъ собраніе и разборъ древнихъ терминовъ, касающихся морскаго дѣла, общихъ всѣмъ славянамъ или заимствованныхъ въ упомянутый періодъ отъ другихъ народовъ. Кромѣ того отъ составителя такой спеціальной исторіи нельзя не желать точнаго изложенія причинъ, по которымъ тотъ или другой славянскій народъ, хотя жившій по большій рѣкѣ или на берегу моря, не успѣлъ ознаменовать себя морскими предпріятіями какъ для военныхъ, такъ и для торговыхъ цѣлей.

Хотя морскіе набѣги и торговыя предпріятія на морѣ Македонскихъ, Далматинскихъ и Померанскихъ славянъ должны занять видное мѣсто въ исторіи славянскаго мореплаванія до XIII вѣка, тѣмъ не менѣе необходимо обратить особенное вниманіе на происхожденіе и первоначальное развитіе русскаго мореплаванія на Черномъ, Каспійскомъ и Балтійскомъ моряхъ, при чемъ слѣдуетъ ясно указать обстоятельства, вслѣдствіе которыхъ, уже во время удѣльнаго періода нашей исторіи, мореходное дѣло приходило въ упадокъ еще до нашествія татаръ.

При малочисленности имѣющихся по предмету такого изслѣдо-

ванія матеріаловъ, настоящая задача не можетъ, кажется, представить особенныхъ затрудненій.

5) *Коментарій на договоры великихъ князей Киевскихъ въ Византійской имперіи.*

Давно уже признано, что договоры 907, 911, 944 и 972 годовъ, дошедшіе до насъ въ славяно - русскомъ переводѣ, и то только по сохранившимся позднимъ спискамъ, представляютъ для изслѣдователей много затрудненій и даже совершенно темныхъ мѣстъ. Одна изъ главныхъ тому причинъ, которыхъ, какъ извѣстно, не мало — та, что переводчики слишкомъ заботились о дословной передачѣ содержанія византійскаго подлинника.

Много уже сдѣлано для объясненія этихъ драгоценныхъ памятниковъ русской старины. Но для полнаго пониманія и систематическаго изложенія содержанія ихъ предстоитъ еще предварительная обработка нѣкоторыхъ отдѣльных, болѣе или менѣе темныхъ вопросовъ. Конечно, все это, при современномъ положеніи бытовой исторіи какъ Византіи, такъ и славянскаго племени, не по силамъ одному лицу. Академія же, считая своевременнымъ пригласить изслѣдователей къ критической оцѣнкѣ всего того, что до сихъ поръ уже сдѣлано по этому предмету, предлагаетъ задачу о составленіи филологическаго и историческаго коментарія на упомянутые договоры. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, не желая сбѣснять соискателей особою программой, Академія полагаетъ однако не лишнимъ указать на нѣкоторыя условія, которыя необходимо имѣть въ виду будущему комментатору договоровъ.

Прежде всего текстъ договоровъ долженъ быть восстановленъ по всѣмъ дошедшимъ до насъ спискамъ, заслуживающимъ вниманія, и раздѣленъ на статьи. Само собою разумѣется, что, при разбросанности трудовъ, касающихся языка и содержанія договоровъ, необходимо сколько возможно полное исчисленіе этихъ предварительныхъ разысканій въ связи съ критическимъ разборомъ тѣхъ изъ нихъ, которыя способствовали къ научному пониманію договоровъ. Коментарій же долженъ представить краткій сводъ всего того, что до сихъ поръ сдѣлано для объясненія заключающихся въ договорахъ статей или особенно важныхъ терминовъ. Это критическое сравненіе, безъ сомнѣнія, поведетъ комментатора къ новымъ соображеніямъ; но весьма желательно, чтобы онъ при этомъ не пренебрегалъ другими памятниками славяно-русской и византійской письменности, могущими служить новымъ подспорьемъ пред-

мету, тѣмъ болѣе, что въ послѣднія двадцать лѣтъ число византійскихъ договорныхъ и другихъ грамотъ значительно увеличилось. Исчерпать этотъ запасъ источниковъ—дѣло времени, но приращеніе паралельныхъ мѣстъ въ договорахъ и подобныхъ памятникахъ значительно облегчитъ задачу будущихъ историковъ произвести переводъ договоровъ на официально-литературномъ языкѣ, бывшемъ въ употребленіи въ Византіи.

Въ концѣ комментарія слѣдуетъ приложить алфавитный указатель словъ и именъ, заключающихся въ договорахъ, съ указаніемъ на мѣсто, гдѣ то или другое изъ нихъ объяснено.

Относительно вообще отвѣтныхъ сочиненій на означенныя предлагаемыя Академіею задачи должно замѣтить, что на основаніи положенія о наградахъ графа Уварова, автору подобнаго сочиненія предоставлено право не подписывать своего имени подъ рукописью сочиненія, а снабжать ее какимъ либо девизомъ, который долженъ также находиться на особомъ, приложенномъ къ рукописи запечатанномъ пакетѣ, содержащемъ въ себѣ означеніе имени и мѣста жительства автора. Въ случаѣ одобренія сочиненія, этотъ пакетъ распечатывается въ публичномъ собраніи Академіи для присужденія Уваровскихъ наградъ, 25 сентября; въ противномъ же случаѣ, онъ сжигается не распечатаннымъ.

Рукописное сочиненіе, доставляемое для рѣшенія задачи, если оно окажется хоть приблизительно удовлетворяющимъ требованіямъ програмы, можетъ быть сперва удостоено почетнаго отзыва, съ предоставленіемъ автору права вторично представить сочиненіе въ напечатанномъ видѣ на одинъ изъ двухъ слѣдующихъ Уваровскихъ конкурсовъ.

I.

РАЗБОРЪ СОЧИНЕНІЯ В. ЖМАКИНА: „МИТРОПОЛИТЬ ДАНИИЛЬ И ЕГО СОЧИНЕНІЯ“.

Составленный профессоромъ Е. Е. Голубинскимъ.

Изслѣдованіе г. Жмакина, какъ даетъ знать его заглавіе, состоитъ изъ двухъ частей: 1) очерка жизни и дѣятельности митр. Данила и 2) обзора его сочиненій.

Дѣятельность митр. Данила заключалась главнымъ образомъ въ томъ, что онъ, будучи ученикомъ преп. Іосифа Волоколамскаго, продолжалъ борьбу своего учителя съ направленіемъ такъ называемыхъ заволжскихъ старцевъ или преп. Нила Сорскаго, представителями котораго въ его — Данилово время были ученикъ Нилъ Вассіанъ Косой и преп. Максимъ Грекъ.

Прежде чѣмъ излагать борьбу Данила съ Вассіаномъ и Максимомъ, авторъ объясняетъ происхожденіе двухъ враждебныхъ направленій — Іосифова и Нилова и характеризуетъ ихъ, а также передаетъ исторію борьбы направленій до времени Данила. Отсюда первая часть его изслѣдованія распадается на два отдѣла, изъ которыхъ первый посвященъ рѣчамъ о происхожденіи и характерѣ двухъ направленій и изложенію исторіи ихъ борьбы въ лицѣ самихъ Іосифа и Нила.

Сущность направленія преп. Іосифа Волоколамскаго, усвоивъ ему названіе формальнаго, авторъ полагаетъ въ отсутствіи критики, критическаго отношенія къ источникамъ христіанскаго вѣроученія и нравоученія, что условливалось отсутствіемъ у насъ въ XV вѣкѣ настоящаго образованія. Наше образованіе въ XV вѣкѣ, говоритъ авторъ, состояло единственно въ такъ называемой книжности, въ простомъ чтеніи существовавшихъ церковно-учительныхъ книгъ.

Слѣдствіемъ сего было то, что у насъ обряды были приравнены къ догматамъ и что на первомъ планѣ у насъ стало внѣшнее выполнение нравственныхъ предписаній, а не внутреннее значеніе и живое искреннее религиозное чувство (стр. 12 вѣд.); а по отношенію въ частности и въ особенности къ нашимъ книжникамъ слѣдствіемъ сего было то, что послѣдніе, не будучи въ состояніи оцѣнивать относительные достоинство и авторитетъ учительныхъ книгъ, начали усвоить названіе и значеніе божественнаго писанія всѣмъ безъ изъятія существовавшимъ учительнымъ книгамъ, со включеніемъ въ то число даже и апокрифовъ. Все, что читали наши книжники въ своихъ учительныхъ книгахъ, принималось ими за божественное и богодухновенное, хотя бы книги, въ которыхъ читали, не имѣли никакого дѣйствительнаго авторитета и хотя бы читаемое въ нихъ было противно настоящему ученію церкви. Преп. Іосифъ Волоколамскій былъ представителемъ нашихъ книжниковъ въ сейчасъ указанномъ смыслѣ и этимъ объясняется его направленіе: изъ учительныхъ книгъ, не имѣющихъ авторитета, онъ усвоилъ себѣ нѣкоторыя неправильныя мнѣнія и горячо ихъ защищалъ, какъ будто-бы онѣ основывались на дѣйствительномъ божественномъ писаніи и составляли дѣйствительное ученіе церкви.

Совершенною правдою говоритъ авторъ, что въ XV в. у насъ не было настоящаго научнаго образованія и что наше образованіе состояло тогда единственно въ книжности (какъ онъ выражается) или въ простомъ чтеніи учительныхъ книгъ. Очень близкое къ правдѣ говоритъ онъ и о слѣдствіяхъ, которыми должно было сопровождаться отсутствіе у насъ настоящаго образованія по отношенію ко взгляду на учительныя книги, т. е. чтобы распространять значеніе богодухновенности и божественности на всѣ ихъ (не со включеніемъ апокрифовъ вѣдомыхъ, — «отреченныя книги»). Но, во первыхъ, сказанное авторомъ не приложимо къ Іосифу Волоколамскому, во вторыхъ и главное — сказанное вовсе не можетъ быть признано за удовлетворительное объясненіе его направленія.

Іосифъ Волоколамскій, какъ всѣ такъ называемые образованные русскіе люди XV вѣка, былъ простой книжникъ или книжный начетчикъ, а не человѣкъ научно образованный. Но онъ не только не принадлежалъ къ числу худшихъ между книжниками, но и къ числу рядовыхъ: онъ былъ книжникъ исключительный. Не только былъ онъ необыкновеннымъ образомъ (говоря сравнительно) начитанъ въ книгахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и начетчикомъ ни сколько не слѣпымъ, который бы только брелъ по черниламъ и пись-

мени и для котораго бы были одинаково божественны и да и нѣтъ написанные въ книгахъ. Онъ надѣленъ былъ замѣчательно сильною и острою способностью сужденія и вовсе не представлялъ изъ себя полнаго раба книгъ, какъ это было съ заурядными книжниками, а напротивъ возвышался надъ ними настолько, чтобы быть свободнымъ и достаточно компетентнымъ ихъ судіей. При силѣ и остротѣ сужденія онъ надѣленъ былъ такою незаурядною смѣлостью этого послѣдняго, что является не только свободнымъ судіей ихъ, но и критикомъ неожиданно и такъ сказать радикально смѣлымъ (Собраніе о вдовствующихъ попѣхъ и о діаконѣхъ, составляющее 79 главу Стоглава и немалое количество мѣстъ въ Просвѣтителѣ, когда онъ опровергаетъ возражателей и толкуетъ свидѣтельства книгъ въ свою пользу). Вообще, представлять Іосифа Волоколамскаго слѣпымъ книжникомъ, низводя его въ разрядъ нашихъ книжниковъ заурядныхъ, и объяснять его направленіе тѣмъ, будто совлекли его съ праваго пути худыя учительныя книги, совершенно несостоятельно. Нѣкоторыя теоретическо-богословскія мнѣнія и нѣкоторыя нравственныя положенія Іосифа своеобразны; но объяснять всякое своеобразіе изъ невѣжества — способъ слишкомъ простой.

Если мы обратимся къ тому положительному, въ чемъ состояло направленіе Іосифа Волоколамскаго, какъ направленіе враждебное Нилу, то ясно увидимъ, что объясненіе, которое даетъ дѣлу авторъ, нисколько не служитъ къ объясненію послѣдняго. Іосифъ вопреки Нилу, во первыхъ, настаивалъ на томъ, чтобы противъ еретиковъ жидовствующихъ употреблять смертную казнь и чтобы не принимать покаянія тѣхъ изъ нихъ, которые приносили послѣднее послѣ осужденія; во вторыхъ, онъ защищалъ право монастырей владѣть недвижимыми имѣніями или вотчинами. Требованіе Іосифа, чтобы еретики были предаваемы смертной казни, должно ли быть объясняемо такъ, что онъ былъ русскій книжникъ XV вѣка, который вычиталъ подобное требованіе въ какомъ-нибудь апокрифѣ, принимавшемся имъ за богодухновенное писаніе? Требованіе это основывалось на положительныхъ законахъ греческихъ императоровъ, внесенныхъ въ Кормчюю книгу. Отстаиваніе Іосифомъ права монастырей владѣть недвижимыми имѣніями должно ли быть объясняемо изъ побужденій, подобныхъ сейчасъ указаннымъ? Право это было ни болѣе ни менѣе какъ право, канонически признанное и утвержденное вселенскою церковію. Такимъ образомъ, то, что было предметомъ защиты Іосифа Волоколамскаго противъ Нила

Сорскаго и что составляло особенность его направленія (въ сравненіи съ направленіемъ враждебнымъ ему) вовсе не было слѣдствіемъ невѣжественнаго усвоенія имъ обязательнаго авторитета какимъ-нибудь книжнымъ свидѣтельствомъ, не имѣющимъ дѣйствительнаго авторитета. Относительно нетерпимости къ жидовствующимъ Іосифа Волоколамскаго и Геннадія, архіепископа Новгородскаго, авторъ говоритъ: «главная и существенная причина нетерпимости Іосифа и Геннадія кроется въ ихъ общемъ умственномъ складѣ воззрѣній, образовавшемся подъ руководствомъ стариннаго исключительно только книжнаго образованія; какъ Іосифъ, такъ и Геннадій принадлежали къ школѣ древнихъ русскихъ книжниковъ, совершенно незнакомыхъ съ началами критики и относившихся съ одинаковымъ благоговѣніемъ къ каждому церковному авторитету и съ полнымъ убѣжденіемъ и искренностію всегда готовыхъ утверждать, что «градскіе законы подобни суть пророческимъ и апостольскимъ и святыхъ отецъ писаніямъ» (стр. 59 sub fin.). Чтобы видѣть, до какой степени несправедливо сейчасъ сказанное по отношенію къ Іосифу, стоить только сдѣлать справку въ Просвѣтителѣ, изъ котораго приводятся авторомъ отмѣченныя слова. Преп. Іосифъ вовсе не утверждаетъ съ полнымъ убѣжденіемъ и искренностію, чтобы градскіе законы, какъ таковыя или сами по себѣ, были подобны пророческимъ и апостольскимъ и святыхъ отецъ писаніямъ, а доказываетъ, что градскіе законы, относящіеся къ церкви и принятыя соборами и отцами въ Кормчую книгу, имѣютъ такую же обязательную силу въ смыслѣ законовъ, какъ самыя каноническія правила соборовъ и отцовъ, и доказываетъ это именно въ отвѣтъ на возраженіе противниковъ, что градскіе законы не суть апостольская ниже отеческая писанія. Это вовсе не полное убѣжденіе въ слѣдствіе наивнаго и невѣжественнаго смѣшенія градскихъ законовъ съ апостольскими и отеческими писаніями, а предъявленіе такъ сказать канонически-научнаго положенія, которое принимается за твердо обоснованное. Правда, что основаніе, которое приводитъ Іосифъ, опираясь на авторитеты (Никона Черногорца), можетъ быть оспариваемо (ибо въ Греціи градскіе законы императоровъ, относящіеся къ церкви, имѣли одну силу съ канонами не потому, чтобы они внесены были въ Кормчую книгу соборами и отцами, чего не было, а потому что они были законы греческихъ императоровъ); но во всякомъ случаѣ тутъ рѣчь никакъ не о невѣжествѣ, смѣшивающемъ градскіе законы съ писаніями апостольскими и отеческими (вопросъ о томъ, обязательны

или необязательны были для Россіи законы греческихъ императоровъ и до сихъ поръ составляетъ предметъ спора между нашими канонистами). Іосифъ Волоколамскій по своему направленію и по своимъ стремленіямъ былъ консерваторъ; но консерватизмъ, какъ это очень хорошо извѣстно, бываетъ слѣдствіемъ никакъ не одного только невѣжества, иначе въ обществахъ консервативны были бы только массы, а люди образованные всѣ принадлежали бы къ либераламъ, а такъ какъ дѣла обществъ ведутъ люди образованные, то у народовъ съ образованными высшими классами совсѣмъ бы не было консерватизма; консерватизмъ бываетъ слѣдствіемъ не одного только невѣжества, но еще, и едвали не гораздо чаще, слѣдствіемъ расположеній и наклонностей человѣка, причемъ умъ и знаніе, если они имѣются, бываютъ употребляемы на защиту того, къ чему человѣкъ имѣетъ стремленіе помимо ихъ. И преп. Іосифъ былъ консерваторъ не безсознательно - невѣжественный, а напротивъ сознательно - просвѣщенный (насколько послѣднее возможно было тогда въ Россіи), который взялъ на себя ту задачу, чтобы при помощи знаній, ума и діалектики оправдать и защитить консерватизмъ. Кто былъ болѣе правъ, — Іосифъ или его противникъ Нилъ Сорскій, и направленіе котораго изъ нихъ заслуживаетъ большаго сочувствія, это совсѣмъ другой вопросъ; но борьба Іосифа съ Ниломъ не была борьбою невѣжества съ просвѣщеніемъ, а борьбою направленія консервативнаго съ явившимся направленіемъ либеральнымъ, причемъ первое въ лицѣ Іосифа старалось отстоять себя при помощи разумныхъ доказательствъ нисколько не менѣе, чѣмъ послѣднее.

Противникъ Іосифа Волоколамскаго и его консерватизма преп. Нилъ Сорскій былъ человѣкъ того направленія, которое принято называть либеральнымъ. Но авторъ понимаетъ его либерализмъ необыкновенно широко и представляетъ его такимъ либераломъ, какимъ на самомъ дѣлѣ онъ вовсе не былъ. Въ противоположность невѣжественной книжности Іосифа видя въ немъ человѣка въ настоящемъ смыслѣ образованнаго, каковымъ онъ сталъ будто бы во время своего пребыванія на Востокѣ, и характеризуя его либерализмъ названіемъ критицизма, авторъ утверждаетъ, будто Нилъ принималъ только евангеліе и апостолъ, а писанія отцовъ допускалъ лишь настолько, насколько онѣ согласуются съ евангеліемъ и апостоломъ. Между монахами Заволжья или Бѣлозерья и нѣсколько поздиѣ Нила подобные либералы какъ будто дѣйствительно были. Но несомнѣнно, что вовсе не былъ такимъ либера-

ломъ и чѣмъ нибудь похожимъ на такого либерала преп. Нилъ Сорскій. Онъ былъ либераломъ въ несравненно болѣе узкомъ смыслѣ слова. У насъ въ Россіи, въ слѣдъ за Греціею, монастыри владѣли недвижимыми имѣніями или вотчинами. Жизнь современнаго русскаго монашества привела Нила къ убѣжденію, что владѣніе этими имѣніями несовмѣстимо съ истиннымъ монашествованіемъ, и онъ сталъ его противникомъ, возвысивъ противъ него свой голосъ. Но писанія отеческія говорятъ и противъ владѣнія и за него. И вотъ Нилъ и отвергаетъ одну категорію писаній, какъ небожественныхъ, чтобы сохранить это значеніе исключительно за другой ихъ категоріей. «Писанія многа, говоритъ онъ, но не вся божественна». Это значитъ не то, чтобы были божественны только евангеліе и апостолъ, какъ толкуетъ Нила авторъ, а то, что между писаніями отеческими божественны только тѣ, которыя говорятъ противъ владѣнія недвижимыми имѣніями. Но и это отрицаніе Ниломъ одной категоріи отеческихъ писаній не имѣетъ у него смысла именно отрицанія отеческихъ писаній. Онъ вовсе не отвергаетъ авторитета отеческихъ писаній ни вообще ни частію; но такъ какъ онъ находилъ вотчиновладѣніе совершенно непримиримымъ съ истиннымъ монашествомъ, а между тѣмъ извѣстная часть отеческихъ писаній была въ пользу этого вотчиновладѣнія, то, не отвергая авторитета отцовъ, онъ нашелъ выходъ для себя въ томъ, чтобы заподозрить подлинность и достовѣрность сейчасъ указанной части отеческихъ писаній (и сказаній объ отцахъ). Такимъ образомъ «критицизмъ» Нила по отношенію къ отцамъ состоялъ въ томъ, что онъ, вовсе не посягая на ихъ авторитетъ, только заподозривалъ существованіе между ихъ писаніями (и въ особенности между сказаніями о нихъ) существованіе писаній (и сказаній) подложныхъ, вымышленныхъ съ тенденціозною цѣлію защитить права монастырей на вотчиновладѣніе. Когда авторъ говоритъ о Нилѣ, что чрезъ всѣ его воззрѣнія проходитъ одна общая идея—идея свободы, что теоретическія воззрѣнія его на источники и церковные авторитеты открываютъ обширное поле для человѣческаго ума, освобождая его отъ узъ односторонняго консерватизма, что въ воззрѣніяхъ Нила открываются для русской мысли начала живой мысли, начала болѣе свободнаго и разумнаго развитія русскаго народа (стр. 33): то все это должно быть отнесено къ области не имѣющихъ ничего похожаго на дѣйствительность свободно парящихъ фантазій. Къ своимъ крайне фантастическимъ представленіямъ о либерализмѣ Нила авторъ увлеченъ былъ, какъ нужно думать, своимъ совершенно

превратнымъ пониманіемъ такъ называемаго умнаго дѣланія, которое Нилъ перенесъ изъ Греціи въ Россію. Мы видѣли выше, что плодомъ нашего невѣжества по отношенію къ области нравственной авторъ считаетъ то, что въ этой области на первомъ планѣ стало у насъ внѣшнее выполненіе нравственныхъ предписаній, а не внутреннее значеніе и живое искреннее религіозное чувство. Умное дѣланіе, принесенное Ниломъ къ намъ изъ Греціи и поставившее свою задачу въ постепенномъ очищеніи и усовершеніи помысловъ, авторъ принимаетъ за вѣчто такое, что какъ разъ составляло врачевство противъ нашей болѣзни, и отсюда указанное нами великое значеніе, усвояемое имъ либерализму Нилову. Но какъ совершенно неправильно понимаетъ и характеризуетъ авторъ нашу болѣзнь, ибо она состояла не въ томъ, чтобы на первомъ планѣ было поставлено внѣшнее выполненіе нравственныхъ предписаній, а не внутреннее значеніе и пр., а въ томъ, что обязанности внѣшней набожности были приравнены по своему значенію къ обязанностямъ собственнаго нравственнаго закона и даже поставлены выше послѣднихъ (что на крайнѣйшей своей степени выражается въ той формулѣ, что поѣсть скоромнаго въ постъ — смертельный грѣхъ, а убить человѣка — грѣхъ не особенно важный): такъ и о воображаемомъ врачевствѣ болѣзни авторъ держится совершенно неправильныхъ представленій. Умное дѣланіе не есть что-нибудь, имѣющее отношеніе къ общей христіанской нравственности, не есть какой-нибудь совершеннѣйшій кодексъ этой послѣдней или совершеннѣйшее руководство къ ней, а есть подвигъ монашескій; его значеніе — частно монашеское и нисколько не общехристіанское, такъ что съ этимъ умнымъ дѣланіемъ у Нила не соединялось ни малѣйшихъ помысловъ о томъ, чтобы доставить мірскому русскому христіанству какое-нибудь врачевство отъ какой-нибудь болѣзни. Авторъ могъ бы заподозрить вѣрность своихъ представленій объ умномъ дѣланіи преп. Нила, если бы вспомнилъ о преп. Максимѣ Грекѣ (къ которому въ весьма значительной степени идетъ то, что онъ говоритъ о Нилѣ): Максимъ со всею силою ратовалъ противъ болѣзни русскаго общества въ отношеніи христіанской нравственности, вѣрнымъ врачевствомъ противъ которой авторъ считаетъ умное дѣланіе, и однако у Максима объ этомъ умномъ дѣланіи — ни единого слова. Преп. Нилъ Сорскій принадлежалъ къ числу тѣхъ не рядовыхъ людей, изъ которыхъ выходятъ единицы, поднимающія протесты противъ современныхъ имъ злоупотребленій. Въ Кирилловомъ Бѣлозерскомъ монастырѣ, въ которомъ онъ при-

нялъ монашеское постриженіе, уже прежде него были люди (какъ это даетъ знать житіе преп. Кирилла, написанное Пахоміемъ Сербіномъ), которые находили, что вотчиновладѣніе нашихъ монастырей несовмѣстимо съ истиннымъ монашествомъ, такъ какъ монаховъ, давшихъ обѣтъ отреченія отъ міра, снова возвращаетъ къ мірскимъ заботамъ, суетамъ и страстямъ, — и преп. Нилъ, принявшій монашество со всею искренностію и надѣленный чуткостью къ истинѣ, свойственной исключительно натурамъ, сдѣлаяс горячимъ адептомъ проповѣди, направленной противъ этого «яда смертнаго» нашего монашества, какъ выражается онъ въ своемъ Преданіи о пустынномъ безмолвномъ житіи (жительствѣ скитскомъ). Владѣніе вотчинами до такой степени дѣлало тщетнымъ и суетнымъ отреченіе отъ міра большинства нашихъ монаховъ, до такой степени дѣлало ихъ мірянами болѣе самихъ мірянъ, заставляя ихъ отдавать все свое время хозяйственнымъ заботамъ, заставляя ихъ стараться о вниманіи возможно большихъ оброковъ съ крестьянъ, ссориться и тягаться съ сосѣдями и для послѣдняго таскаться по судамъ, заставляя ихъ непрестанно обходить дома богатыхъ людей для выпрашиванія со всякимъ ласкательствомъ земель и деревень, — что человѣкъ, подобный Нилу, послѣ того какъ разъ онъ понялъ дѣло въ его истинномъ смыслѣ и увидѣлъ въ истинномъ свѣтѣ, не могъ не находить нашего монашества монашествомъ только по имени. Не считая возможнымъ допустить, чтобы такой порядокъ, противорѣчившій, на его взглядъ, здравому смыслу, (ибо въ одно и тоже время и совершенное отреченіе отъ міра и вся полнота мірской суеты), былъ введенъ и узаконенъ святыми отцами, Нилъ и пришелъ къ убѣжденію, что писанія отцовъ, въ которыхъ признается вотчиновладѣніе, и сказанія о нихъ, въ которыхъ они представляются вотчиновладѣтелями, суть писанія и сказанія подложныя, сочиненныя съ цѣлію защиты злоупотребленія, проникшаго въ монашество вопреки святымъ отцамъ. Такимъ образомъ, его либерализмъ выразился въ заподозрѣніи подлинности писаній отеческихъ и сказаній объ отцахъ, которые служили къ защитѣ права монастырей владѣть недвижимыми имѣніями. Будучи горячимъ поборникомъ истиннаго, а не фальшиваго монашества, преп. Нилъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкомъ строгой, не подкупаемой никакими соображеніями, христіанской правды въ обширномъ смыслѣ этого слова. Это общее его нравственное качество привело его въ столкновеніе съ защитниками пользы или консерваторами по другимъ вопросамъ, которые поставило время. Защит-

ники пользы церкви или консерваторы, съ преп. Иосифомъ Волоколамскимъ во главѣ, ревнуя объ очищеніи русскаго общества отъ ереси жидовствующихъ, настаивали на употребленіи противъ еретиковъ самыхъ крайнихъ мѣръ, — преданія смертной казни виновнѣйшихъ между ними и неисходнаго заключенія въ темницахъ тѣхъ между ними, которые, бывъ осуждены на заключеніе, принесли бы раскаяніе. Эти крайнія мѣры съ своей точки зрѣнія христіанской правды, которая не допускаетъ, чтобы жестокость была оправдываема какими-нибудь соображеніями, преп. Нилъ признавалъ несправедливо суровыми и возсталъ противъ нихъ. Св. митрополитъ Петръ не видѣлъ въ свое время другаго средства положить конецъ соблазнамъ, которые производили своею жизнію вдовы священники, кромѣ того, чтобы всѣмъ имъ безъ изыятія запретить священствованіе и всѣхъ обязать къ поступленію въ монастыри, и это узаконеніе св. Петра было подтверждено на соборѣ 1503 года. Мотивированное требованіями пользы, но одинаково обрушавшееся на виновныхъ и невинныхъ, узаконеніе преп. Нилъ находилъ несправедливымъ и возсталъ противъ него. Во всемъ сейчасъ указанномъ, конечно, онъ является либераломъ, потому что во всемъ этомъ идетъ противъ защиты другими и такъ называемымъ общепринятымъ мнѣніемъ; его горячій протестъ противъ права монастырей владѣть недвижимыми имѣніями, приводящій его къ тому, чтобы заподозрить подлинность извѣстной части писаній отеческихъ и сказаній объ отцахъ, не есть нѣчто совсѣмъ обыкновенное: но все это, какъ очевидно, весьма далеко — не тотъ либерализмъ и критицизмъ, которые представляются нашему автору. Онъ полагаетъ, что преп. Нилъ дошелъ до своего, воображаемаго имъ, свободомыслия путемъ общаго теоретическаго (философскаго) мышленія и что выработанныя этимъ путемъ свои общія воззрѣнія онъ прилагалъ къ частнымъ случаямъ (стр. 28 sqq). На самомъ дѣлѣ это было вовсе не такъ и преп. Нилъ вовсе не былъ теоретикомъ - мыслителемъ. Онъ былъ приведенъ къ своему либерализму путемъ практическимъ и былъ либераломъ въ ограниченной и такъ сказать локализованной области того, къ чему былъ приведенъ этимъ путемъ. Обладаніе вотчинами сдѣлало изъ большинства нашихъ монаховъ то, что рознь между идеей монашества, какъ всецѣлымъ отреченіемъ отъ міра, и нашимъ дѣйствительнымъ монашествомъ въ этомъ большинствѣ монаховъ, преданныхъ міру болѣе самихъ мірянъ, не могла не поражать людей, надѣленныхъ способностію замѣчать аномальное. Это, слишкомъ ясно и ярко обнаружившееся,

вызвало протестъ (противъ крайности наконецъ реакція). Преп. Нилъ горячо присталъ къ сторонѣ протестующихъ и сталъ во главѣ ихъ; этимъ ограничивались истинные предѣлы его либерализма, по своему происхожденію вовсе не теоретическаго, а практическаго (а что касается до увѣренія автора, будто съ Востока возвратился Нилъ тѣмъ либераломъ, какимъ онъ себѣ представляетъ его, — стр. 26, то авторъ понялъ бы несостоятельность своихъ словъ, если бы припомнилъ, что на Востокѣ въ то время, какъ и никогда, — подразумѣваемъ: въ средѣ православныхъ — вовсе не было подобныхъ либераловъ). Преп. Нилъ не только возставалъ противъ вотчиновладѣнія монастырей, но и ввелъ въ Россіи новый видъ монашеской жизни, такъ называемое скитское житіе (пустынное безмолвіе), причемъ главный подвигъ монаховъ поставлялся въ такъ называемомъ умномъ дѣланіи, — въ постепенномъ очищеніи и усовершеніи помысловъ души при помощи извѣстныхъ молитвенныхъ упражненій. Мы уже сказали выше, что совершенно несправедливо понимать объ этомъ умномъ дѣланіи такъ, будто въ немъ Нилъ хотѣлъ дать всему русскому обществу врачевство отъ нравственныхъ болѣзней послѣдняго; но точно также вовсе несправедливо думать и то, будто посредствомъ умнаго дѣланія Нилъ хотѣлъ исправить и преобразовать все наше монашество. На Востокѣ и въ частности на Аѳонѣ вмѣстѣ съ настоящими монастырями большими и малыми, въ которыхъ монахи жили или истиннымъ монашескимъ житіемъ — общинножитно или неистинно монашескимъ и «своевольнымъ житыишкомъ» — особножитно, существовали малыя пустыньки, въ которыхъ подвизалось монаха по два — по три, — старецъ съ однимъ — двумя учениками. Въ настоящихъ монастыряхъ съ истинно монашескою жизнію главнымъ подвигомъ монаховъ считалась общественная церковная молитва; въ малыхъ пустынькахъ таковымъ подвигомъ считалась частная молитва, соединенная съ упражненіемъ въ непрестанномъ богомыслии, что превратилось въ опредѣленный и строго оформленный подвигъ этого умнаго дѣланія, имѣвшій своею конечною цѣлю доведенія себя до способности къ благодатнымъ «изступленіямъ» (выраженіе Нила) или экстазамъ. Во время своего пребыванія на Востокѣ, — на горѣ Аѳонской, въ странахъ Царьграда и въ иныхъ мѣстахъ, Нилъ плѣнился этимъ пустыннымъ житіемъ съ его умнымъ дѣланіемъ, потому что, какъ онъ говоритъ, оно приходилось ему по праву. Возвратившись съ Востока въ Россію, онъ и рѣшился устроить свое подвижничество въ видѣнной имъ на Востокѣ и плѣнившей его

формѣ пустынножитія съ упражненіемъ въ умномъ дѣланіи. Но устроивъ самага себя пустынножитно, потому что этотъ образъ монашеской жизни находилъ для себя за лучшей, преп. Нилъ вовсе не проповѣдывалъ того, чтобы пустынножитіе было единственнымъ истиннымъ образомъ монашеской жизни и чтобы всѣ монахи, подобно ему, должны были превратиться въ пустынножителей. Общинножитіе, подразумѣвается—настоящее и строгое и безъ вотчинновладѣнія съ свойственными ему подвигами, Нилъ признавалъ столько же истиннымъ образомъ монашеской жизни, сколько и пустынножитіе съ его подвигомъ умнымъ дѣланіемъ: «не вси бо всегда дѣлатели, — говоритъ онъ, принимая одинаково общинножитіе и пустынножитіе и только указывая на ихъ различіе,—нынѣ или древле той же путь шествоваша..., ино же есть дѣланіе безмолвія (пустыннаго) и ино общаго житія, всяка убо мѣра изящна по словеси премудрыхъ» (Преданія слово 2-е). Если Нилъ не рѣдко выражается объ общинножитіи съ отгѣнкомъ пренебреженія, то это нужно понимать такъ, что онъ разумѣетъ не вообще общинножитіе, а общинножитіе русское, соединенное съ вотчинновладѣніемъ и со всѣмъ происходящимъ отъ него вредомъ для истинно монашеской жизни. Подвигъ, свойственный пустынному безмолвію, — умное дѣланіе, выше ли и духовнѣе ли общественной церковной молитвы, подвига свойственнаго общежитію, это составляетъ весьма вопросъ, ибо въ умномъ дѣланіи также весьма много внѣшне-вещественнаго, только такъ сказать ухищреннаго (и при томъ оно привело къ такой экстраваганціи, какъ «пупозрѣніе», подробное знаменитое наставленіе о чемъ у Сумеова, новаго богослова). Очень можетъ быть, что самъ преп. Нилъ считалъ умное дѣланіе выше и совершеннѣе общественной церковной молитвы, что вполнѣ вѣроятно; но во всякомъ случаѣ онъ вовсе не имѣлъ въ виду того, чтобы навязать его всему нашему монашеству, чтобы чрезъ то одухотворить послѣднее, какъ не имѣлъ въ виду того, чтобы превратить всѣхъ нашихъ монаховъ въ безмолвныхъ пустынножителей, что одно съ другимъ нераздѣльно. Богѣ совершеннымъ путемъ онъ желалъ идти самъ и не отталкивалъ отъ него желающихъ и произволящихъ. Но чтобы произвести реформу всего нашего монашества въ семъ смыслѣ, къ этому онъ вовсе не стремился и объ этомъ вовсе не помышлялъ.

Ненавистно было преп. Нилу въ нашемъ монашествѣ его вотчинновладѣніе, какъ ядъ монашества, по его мнѣнію, смертоносный, и онъ выступилъ противъ него съ своимъ рѣшительнымъ протестомъ.

стомъ; чувство христіанской правды заставило его подать свой голосъ противъ защитниковъ вотчинновладѣнія или — что тоже — консерваторовъ по дѣлу жидовствующихъ и о вдовыхъ священникахъ: а затѣмъ онъ весь сосредоточенъ былъ на своемъ умномъ дѣланіи безмолвнаго пустынножительства, которое онъ встрѣтилъ на Восгокѣ и въ которомъ онъ увидѣлъ свою часть или дѣло своего призванія. Говорить о немъ, какъ будто бы рѣчь шла о какомъ-нибудь Бэконѣ Веруламскомъ, написавшемъ *Novum organon*, будто въ его возрѣніяхъ открывались для русской мысли начала живой дѣятельности, начала болѣе свободнаго и разумнаго развитія русскаго народа, въ высшей степени странно и несостоятельно. Авторъ утверждаетъ, будто въ возрѣніяхъ Нила вмѣсто безусловнаго довѣрія къ давнимъ традиціямъ, вмѣсто слѣпаго благоговѣнія ко всякому церковному авторитету, выступаетъ въ качествѣ одного изъ критеріевъ истины собственное личное убѣжденіе, самоубѣжденіе. Между тѣмъ преп. Нилъ, который вовсе не разсуждалъ объ истинѣ въ ея общемъ смыслѣ и полномъ объемѣ и для котораго она ограничивалась извѣстнымъ количествомъ конкретныхъ или частныхъ вопросовъ, въ своемъ Преданіи о пустынномъ жителствѣ настоятельнѣйше заявляетъ то, что руководствуется не личнымъ убѣжденіемъ, но богодухновенными писаніями божественныхъ отцовъ.

То или иное пониманіе причинъ и смысла борьбы между Іосифомъ и Ниломъ распространяется на все представленіе дѣла объ этой борьбѣ. Превратное пониманіе авторомъ причинъ и смысла борьбы дѣйствительно отражается на всемъ его послѣдующемъ изображеніи какъ непосредственно въ лицѣ самихъ Іосифа и Нила, такъ и въ лицѣ ихъ учениковъ и сторонниковъ. Разширяя либерализмъ Нила до размѣровъ, которыхъ онъ вовсе не имѣлъ, и видя въ борьбѣ Нила съ Іосифомъ болѣе теоретическую борьбу мнѣній о томъ, что правильно или неправильно, чѣмъ практически — жизненную борьбу о томъ, чему быть или не быть, авторъ съ одной стороны иногда видятъ въ борьбѣ просто свои иллюзіи, а съ другой стороны онъ недостаточно рельефно выставляетъ ту страстность, съ которою должны были вести ее защитники вотчинновладѣнія.

Послѣ смерти преп. Нила Сорскаго остался продолжателемъ его проповѣди противъ вотчинновладѣнія монастырей ученикъ его Василіанъ Косой, къ которому присоединился преп. Максимъ Грекъ. Во главѣ защитниковъ вотчинновладѣнія на мѣсто Іосифа Волоко-

ламскаго сталъ ученикъ послѣдняго митр. Даниилъ. Борьба Даниила съ Вассіаномъ и Максимомъ и составляла главнымъ образомъ его правительственную дѣятельность въ санѣ митрополита. Тяжкая и страшная кара, съ которою обрушился Даниилъ на Максима, до сихъ поръ составляетъ нѣчто спорное, т. е. остается спорнымъ то, какъ смотрѣть на причины этой кары и на нравственную отвѣтственность за нее со стороны Даниила. Нашъ авторъ въ семъ случаѣ какъ-то нерѣшителенъ,—воспроизводя и нѣсколько видоизмѣняя одно новѣйшее мнѣніе, онъ какъ будто склоняется къ тому, чтобы видѣть въ Максимѣ жертву недоразумѣній. Онъ признаетъ, что Максимъ былъ невиненъ въ взведенныхъ на него обвиненіяхъ, но думаетъ, что обвинители его, съ митрополитомъ во главѣ, дѣйствительно принимали обвиненія за столько важныя, за сколько важныя выдавали. Очень трудно согласиться съ авторомъ относительно такого представленія дѣла. Когда Максимъ по случаю своей неудачной замѣны въ канонѣ на Вознесеніе словъ: сѣде, сѣдшаго, словами: сѣдѣвъ, сѣдѣлъ еси, сѣдѣвшаго, былъ обвиняемъ въ той ереси, что проповѣдуетъ сѣдѣніе Христова одесную Отца мимопедшее и когда онъ на обоихъ бывшихъ противъ него соборахъ (1525 и 1531 гг.) отвѣчалъ на обвиненіе: «въ томъ разствіи некотораго нѣтъ, а то-вѣдь минувшее и мимопедшее», то мудрено было не понять, что онъ упорствуетъ не въ ереси, а въ незнаніи русской грамматики,—въ непризнаніи различія между сѣлъ и сѣдѣлъ, и если бы не искали его обвиненія, то, конечно, легко могли бы объяснить ему это различіе. Когда Максимъ обвиняемъ былъ совсѣмъ въ нелѣпой ереси, будто «говорилъ многожды многимъ людямъ такъ: Христось взыде на небеса, а тѣлю свое на земли оставилъ и то-де тѣлю промежъ нѣкихъ горъ ходитъ по пустымъ мѣстамъ и отъ солнца погорѣло и почернѣло, аки главня»: то невозможно повѣрять, чтобы эту нелѣпую ересь, возникшую изъ перевранья словъ Максимовыхъ, митрополитъ съ прочими архіереями дѣйствительно усвоилъ Максиму. На соборѣ 1531 г. Даниилъ говорилъ о Максимѣ одному изъ его сотрудниковъ, котораго обвинялъ въ его укрывательствѣ: «столько много время (зналъ ты) Максима иногда Грека, а невѣдомаго и незнаемаго челоуѣка, новопришедшаго изъ Турскія земли, и книги переводяща и писанія составляюща хульная и еретическая и во многіе люди и народы сѣюща и распространяюща жидовская и еллинская ученія, и аріанская и македонская нетлѣнноимительная и прочая пагубныя ереси»: возможно ли допустить, что Даниилъ искренно считалъ Максима ви-

новнымъ во всемъ этомъ, а не намѣренно клѣветалъ на него? Мы знаемъ, что Даниилъ питалъ ожесточенную злобу противъ Максима: когда онъ добылъ его въ свои руки, то съ нескрываемымъ злорадствомъ говорилъ: «достигоша тебя, окаянне, грѣси твои»; онъ не хотѣлъ разрѣшить его отъ наложеннаго на него церковнаго запрещенія, даже когда низверженъ былъ съ престола, и такъ и умеръ не разрѣшивъ его и не простившись съ нимъ. Какъ изъ сейчасъ сказаннаго, такъ и изъ всего исключительно-безпощаднаго поведенія Даниила по отношенію къ Максиму совершенно ясно, что послѣдній чѣмъ-то привлекъ на себя личную непримиримую ненависть митрополита. Этимъ «что-то» могло быть и очевидно было то, что Максимъ, присоединившись къ Вассіану, выступилъ горячимъ противникомъ вотчиновладѣнія монастырей (а когда Даниилъ говорилъ Максиму, что «достигоша тебе, окаянне, грѣси твои, о немже отрекался превести ми священную книгу блаженнаго Феодорита», то это нужно понимать такъ, что въ слѣдствіе чьихъ-то указаній митрополитъ надѣялся найти въ Церковной исторіи блаженнаго Феодорита свидѣтельства въ пользу вотчиновладѣнія). Собственнымъ противникомъ вотчиновладѣнія былъ Вассіанъ, — и митрополитъ питалъ къ нему ненависть и добрался таки до него. Но несравненно опаснѣе Вассіана, а слѣдовательно — и ненавистнѣе его, былъ Максимъ. Находясь въ величайшемъ приближеніи къ великому князю, Вассіанъ могъ убѣждать государя, чтобы этотъ отнялъ у монастырей вотчины; но тутъ опасность была не велика: нельзя было опасаться, чтобы послѣ только-что неудавшейся попытки отца Василій Ивановичъ рѣшился снова возобновить ее, и съ совершенною вѣроятностію предполагаютъ, что онъ, вопреки отцу, предпочиталъ отобранію у духовенства вотчинъ то, чтобы посредствомъ вотчинъ держать духовенство въ своихъ рукахъ какъ послушное орудіе. Но совсѣмъ другое дѣло былъ Максимъ. Этотъ былъ публицистъ, котораго слушала вся Россія и которому относительно основательности и ѣдкости слова невозможно было противопоставить ничего подобнаго: онъ могъ возстановить противъ вотчиновладѣнія общественное мнѣніе Россіи, и вотъ тутъ-то была дѣйствительная и серьезнѣйшая опасность, привлекавшая на публициста всю ненависть Даниила и настоятельно требовавшая, чтобы онъ былъ удаленъ со сцены (а когда авторъ называетъ рѣдкимъ публицистомъ и Вассіана, то — это только въ самомъ ограниченномъ и самомъ условномъ смыслѣ). Если бы Максимъ ограничивалъ всю свою дѣятельность только тѣмъ, чтобы ратовать

противъ вотчиновладѣнія, то Данилъ, не смотря на всю свою ненависть къ нему, никогда бы не вырвалъ его изъ рукъ великаго князя, ибо для послѣдняго весьма выгодно было, чтобы подрывалось право вотчиновладѣнія монастырей: чѣмъ болѣе подрывалось бы право этого вотчиновладѣнія, тѣмъ болѣе оно представлялось бы покоющимся безъ права единственно на милости государя. Но оказалось возможнымъ обвинить Максима въ такой хулѣ на русскую церковь, къ которой всѣ въ одинаковой мѣрѣ были весьма чувствительны и вмѣстѣ съ тѣмъ оказалось возможнымъ привлечь на него страшную личную ненависть великаго князя. Вызванный въ Россію вовсе не для исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ, какъ прежде всѣ думали и какъ продолжаютъ думать нѣкоторые и доселѣ (мнясь учено основаться на предположеніи Герберштейна, высказанномъ въ видѣ положительнаго свидѣнія), а въ качествѣ временнаго книжнаго переводчика для перевода Толковой Псалтыри, вовсе не бывъ приглашаемъ къ исправленію книгъ со стороны правительства гражданскаго или церковнаго и по прибытіи въ Россію, Максимъ взялъ на себя это исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ: неисправность книгъ была указана ему нѣкоторыми греками, давно до него жившими въ Россіи, прибывшими въ Москву съ Софьей Ооминичной, и онъ, взявъ на себя исправленіе книгъ, думалъ оказать этимъ большую услугу русскимъ и заслужить столько же большую съ ихъ стороны благодарность (относительно исправленія Максимомъ книгъ нашъ авторъ, помѣшанный на критикѣ и критицизмѣ, говорить, — стрр. 166 и 167, нѣчто совсѣмъ несостоятельное). Но дѣло въ данномъ случаѣ имѣло себя вовсе не такъ, какъ оно представлялось ему при его незнаніи Россіи. По своимъ взглядамъ на предметъ, русскіе совершенно не могли допустить, чтобы ихъ церковь въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ могла существовать при погрѣшительныхъ богослужебныхъ книгахъ; кромѣ того, со времени Флорентійскаго собора (хотя и не въ слѣдствіе его какъ прямой и собственной причины, а обстоятельное разъясненіе дѣла увлекло бы насъ въ слишкомъ большое отступленіе) ими началъ исповѣдываться церковно-политическій догматъ, что у новѣйшихъ грековъ погибла чистота истиннаго православія и что эта чистота, причемъ, конечно, подразумевалась и исправность текста богослужебныхъ книгъ, остается у насъ однихъ — русскихъ. Предзаянто, но твердо увѣренны въ исправности своихъ богослужебныхъ книгъ (по каковой увѣренности вовсе и не могли поручить ихъ исправленія Максиму) русскіе до

крайности враждебно должны были отнестись къ заявленію послѣдняго, что книги ихъ неисправны, и встрѣтить это заявленіе какъ тяжкую хулу на русскую церковь. Не питай Данилъ личной вражды къ Максиму и не имѣй личныхъ побужденій отдѣлаться отъ него, онъ могъ бы такъ сказать потушить это дѣло частнымъ образомъ, келейно наложивъ печать молчанія на уста Максима въ отношеніи къ книгамъ и не привлекая его къ суду соборному съ тѣмъ, чтобы подвергнуть осужденію: но Данилу желательно было это осужденіе Максима, и онъ рѣшилъ воспользоваться поданными поводами. Нужно было за симъ достигнуть того, чтобы великій князь относительно Максимовой хулы на богослужебныя книги не имѣлъ охоты поступить такъ, какъ сейчасъ указано, — чтобы онъ выдалъ его на судъ и на осужденіе соборное. И Максимъ подалъ поводы и къ тому, чтобы и это въ полной мѣрѣ было достигнуто. Нѣтъ совершенно достовѣрныхъ свидѣтельствъ, протестовалъ или не протестовалъ Максимъ противъ развода великаго князя; но и безъ этого протеста онъ далъ Данилу нужное противъ себя оружіе. Онъ былъ человѣкъ весьма неосторожный и невоздержный (въ смыслѣ житейскаго благоразумія) на языкъ, который былъ у него какъ бритва, и простеръ свою смѣлую критику со всѣми другими и на великаго князя. Между тѣмъ великій князь Василій Ивановичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые щекотливы къ критикѣ до самой послѣдней степени и которые не терпятъ о себѣ ни малѣйшаго сужденія. Какъ скоро доказано было великому князю (и доказано, нѣтъ сомнѣній, съ всевозможными преувеличеніями), что Максимъ въ отношеніи къ нему есть дерзкій критикъ, Василій Ивановичъ тотчасъ же превратился въ отношеніи къ нему изъ благорасположеннѣйшаго покровителя въ злѣйшаго врага, такъ что возымѣлъ охоту не только выдать его митрополиту, но и обрушиться на него карами вмѣстѣ съ митрополитомъ за самаго себя. Личная ненависть къ Максиму митр. Данила, успѣвшая создать для себя орудіе въ личномъ чувствѣ мести къ нему великаго князя, и воспользовалась Максимовой хулой на русскія богослужебныя книги и его мнимыми ересями, какъ предлогами къ его осужденію.

Такимъ образомъ, намъ съ увѣренностію думается, что единственное, удовлетворительное, чѣмъ можетъ быть объясняема крайне трагическая судьба, постигшая Максима, это — что своимъ протестомъ противъ вотчиновладѣнія монастырей онъ создалъ себѣ личнаго заклятаго врага въ митрополитѣ Данилѣ.

Не рѣшаемся мы прямо оспаривать взглядъ автора на Вассіана

Косаго, совершенно благоприятный послѣднему. Но весьма подозрѣвается намъ, что онъ не совпадаетъ съ истиной. Намъ подозрѣвается, что Вассіанъ смѣнилъ Нила въ качествѣ борца противъ вотчинновладѣнія не столько по искреннему убѣжденію, что вотчинновладѣніе есть ядъ смертоносный для монашества, которымъ одушевлялся Нилъ, сколько изъ желанія состоять въ роли реформатора и пользоваться его славой, сколько изъ своей склонности громить и обличать весь этотъ людъ... (къ чему онъ имѣлъ такую большую и своеобразную способность). Высоко нравственный человѣкъ, какимъ мы должны были бы представлять себѣ Вассіана въ случаѣ указанной совершенной искренности протеста, обыкновенно бываетъ дѣльнымъ человѣкомъ, между тѣмъ въ этой дѣлности Вассіана есть достаточныя основанія сомнѣваться. Послѣ извѣстныхъ отзывовъ о немъ Зиновія Отенскаго вотъ еще мелочи, на которыя не обращается вниманія, но которыя вовсе не составляютъ мелочей, когда вопросъ идетъ о нравственномъ характерѣ человѣка. Іосифовскіе старцы Діонисій Звенигородскій и Нилъ Полевъ, жившіе въ Заволжьи, сдѣлали доносъ въ ереси на Вассіановыхъ пустынниковъ: чтобы свести доносъ съ своихъ пустынниковъ Вассіанъ не затруднился допустить то, чтобы умеръ на пыткѣ свидѣтель. Максимъ по отношенію къ Вассіану былъ такой человѣкъ, за котораго онъ долженъ бы былъ полагать свою душу: между тѣмъ на соборѣ 1531 г., когда ему сдѣлали очную ставку съ Максимомъ, онъ отвѣчалъ: «миѣ до Максима дѣла нѣтъ никакого и не говаривалъ еси съ нимъ ничего».

Въ ряду нашихъ писателей допетровскаго времени митр. Даніилъ занимаетъ одно изъ весьма выдающихся мѣстъ. Между этими писателями нашими, — разумѣя писателей московскихъ, безъ кievскихъ или южнорусскихъ, — слишкомъ не велико количество писателей «большихъ», которые оставили послѣ себя столько обширныхъ сочиненій или по такому количеству необширныхъ сочиненій, чтобы сочиненія или собранія послѣднихъ представляли изъ себя дѣльную книгу. Митр. Даніилъ принадлежитъ къ числу этихъ очень немногихъ, извѣстныхъ наперечетъ и по именамъ, нашихъ писателей. Послѣ него сохранились: 1) сборникъ 16-ти пространныхъ учительныхъ словъ, которые соединены въ одно мѣсто и въ одну дѣльную книгу подъ именемъ «Сборника» самимъ авторомъ; 2) поученіе читаемое въ отдѣльномъ видѣ, и 3) рядъ учительныхъ посланій, числомъ 18 ть, которыя, подобно словамъ, или самимъ авторомъ или кѣмъ-нибудь стороннимъ также соединены въ одно мѣсто и одинъ сборникъ.

Обзоръ сочиненій митр. Даниіла, составляющій вторую часть изслѣдованія автора, послѣ литературной характеристики сочиненій, представляетъ подробное изложеніе ихъ содержанія съ подробнымъ комментариемъ этого послѣдняго. Учительныя слова митр. Даниіла, отчасти посвященныя теоретическому церковному ученію, отчасти нравоученію, имѣютъ весьма близкое отношеніе къ современной ему дѣйствительности: въ первомъ случаѣ рѣчь его посвящена предметамъ, говорить о которыхъ вызывало время, требуя или защиты православнаго ученія церкви отъ современнаго неправомыслія или обстоятельнѣйшаго разъясненія ученія въ виду современныхъ нетвердыхъ сужденій и сомнѣній; во второмъ случаѣ онъ является какъ ревностный обличитель худыхъ нравовъ своихъ современниковъ. Обстоятельные экскурсы о тѣхъ предметахъ вѣроученія, о которыхъ говоритъ Даниілъ, и о тѣхъ порокахъ нравовъ, которые онъ обличаетъ, и составляютъ комментарий автора. Къ этому присоединяется еще дополнительная работа, которую можно назвать справкой. Всѣ слова митр. Даниіла, имѣющія своеобразный внѣшній планъ, состоятъ изъ трехъ частей и средняя часть каждаго слова представляетъ изъ себя голый, болѣе или менѣе длинный, рядъ выписокъ изъ твореній отеческихъ. Выписки Даниіла авторъ повѣряетъ по источникамъ, изъ которыхъ онѣ взяты. Планъ, которому слѣдуетъ авторъ въ своемъ обзорѣ словъ и посланій Даниіла, есть систематическій. Не обзорѣвая каждаго слова и каждаго посланія, какъ каждое изъ нихъ есть, авторъ раздѣляетъ на группы тѣ предметы, рѣчь о которыхъ составляетъ содержаніе словъ и посланій Даниіла, и производитъ обзорѣніе по этимъ группамъ.

Съ представленіями автора относительно вида пастырскихъ заботъ, которыя выражаютъ собою слова митр. Даниіла, едва ли можно согласиться. Утверждая, будто у насъ дѣло ученія народа вѣрѣ и нравственности посредствомъ церковнаго проповѣдничества всегда считалось самою священною изъ всѣхъ пастырскихъ обязанностей (стр. 299 *fn.*) и будто церковная проповѣдь совсѣмъ не прекращалась у насъ даже и въ XVI в., во время тогдашняго упадка просвѣщенія, авторъ считаетъ слова митр. Даниіла за настоящія церковныя проповѣди и признаетъ его за ревностиѣйшаго церковнаго проповѣдника въ собственномъ смыслѣ этого слова. Что говоритъ авторъ вообще о состояніи церковнаго проповѣдничества въ древней и старой Руси, вовсе несостоятельно. Можно было бы принимать митр. Даниіла за одно изъ исключеній; но и это крайне сом-

нительно. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что слова Даниила не суть церковныя слова въ собственномъ смыслѣ этого названія, а суть учительныя писанія, составленныя для чтенія, и озаглавлены словами по древнему и старому употребленію этого названія въ его обширномъ смыслѣ, въ какомъ смыслѣ оно значило вообще всякое учительное писаніе. Авторъ находитъ въ словахъ Даниила прямыя указанія на то, что онѣ произносимы были въ церкви (стр. 295 нп.); но указанія, состоящія въ обращеніяхъ Даниила — неизвѣстно и невидно: къ слушателямъ или къ читателямъ, очень неопредѣленны; а между тѣмъ форма и обширность словъ Даниила какъ будто ясно говорятъ за то, что онѣ не суть церковныя слова въ собственномъ смыслѣ, а суть учительныя писанія (а когда авторъ находитъ указанія, что Даниилъ произносилъ свои слова даже безъ приготовленія, — стр. 297, то это отъ неправильнаго пониманія слова «не нарочито»).

Форма словъ митр. Даниила, какъ мы отчасти дали знать, совсѣмъ своеобразная: каждое слово состоитъ изъ трехъ частей, которыя представляютъ изъ себя какъ бы три отдѣльныя слова; въ первой части рядъ собственныхъ вѣроучительныхъ или нравоучительныхъ наставленій автора, большею частію не отличающійся единствомъ содержанія и не имѣющій отношенія къ послѣдующему; вторая часть представляетъ изъ себя болѣе или менѣе длинный рядъ выписокъ изъ твореній отеческихъ, доказывающихъ какую-нибудь вѣроучительную или нравоучительную истину; третья часть есть тоже что первая, но также какъ та, большею частію не имѣющая отношенія къ предъидущему. Авторъ не дѣлаетъ никакихъ разъясненій относительно этой своеобразной и непонятной формы.

Изображая пороки и порочность русскаго общества XVI вѣка на основаніи обличеній Даниила и поступая при этомъ такъ, чтобы принимать обличенія совершенно буквально и обобщать ихъ, авторъ слишкомъ вдается въ крайность: вѣроятно — не замѣчавъ имъ русская натура выходить у него до того нехорошею, что можетъ приводить въ совершенное отчаяніе.

Превратное пониманіе сущности направленій іосифовскаго и ниловскаго заставляетъ автора быть несправедливымъ къ митр. Даниилу. Принимая его за представителя формализма въ противоположность воображаемому критицизму враждебной стороны (собственно въ русскихъ ея представителяхъ) авторъ постоянно хочетъ видѣть у него недостатокъ формальнаго пониманія вѣры и нравственности, хотя самъ же въ нѣкоторыхъ случаяхъ принужденъ

говорить о немъ такъ, что какъ будто бы говорилъ о представителяхъ критицизма (стр. 707).

Прочитавъ изложеніе жизни митр. Данила и обзоръ его сочиненій, живо чувствуешь отсутствіе общей характеристики его какъ человѣка и какъ лица, которой авторъ не дѣлаетъ. Данилъ принадлежалъ къ числу людей двойственныхъ: одно онъ въ своихъ сочиненіяхъ, гдѣ онъ является пастыремъ заботливѣйшимъ объ исполненіи своего долга ученія паствы, и другое онъ въ своей жизни и дѣятельности, гдѣ далеко не является пастыремъ подающимъ безъукоризненный примѣръ назиданія и подражанія. Съ несовѣмъ легкой задачей соединить двухъ человѣкъ въ одно живое лицо безъ нарушенія истины и правды въ пользу или во вредъ послѣдняго, авторъ предоставляетъ справляться самому читателю. Кстати сказать здѣсь, что авторъ дѣлаетъ странную характеристику частныхъ монашескихъ нравовъ митр. Данила. У него читаемъ: «Данилъ принадлежалъ къ числу аскетовъ, но аскетизмъ его былъ не такой, какого держался митр. Варлаамъ (его предшественникъ); у того аскетизмъ былъ болѣе внутренній, духовный; у Данила аскетизмъ отличался своимъ специфическимъ характеромъ: Данилъ удачно умѣлъ примирять требованія монашескаго аскетизма съ внѣшними благами, какія представляло для него его высокое положеніе» (стр. 131). О специфическомъ аскетизмѣ говорится не въ насмѣшку надъ Даниломъ, и однако это есть настоящая насмѣшка.

Въ отношеніи замѣчаній на сочиненіе позволяя себѣ ограничиться сказаннымъ и обращаясь къ вопросу объ его научной цѣнности, мы должны заявить, что, по нашему мнѣнію, различаются въ семь случаевъ первая часть его и вторая. За первую частію сочиненія мы не можемъ признать особеннаго и слишкомъ большаго достоинства. Исторія дѣятельности митр. Данила есть предметъ разработанный и могла или не могла разработка быть продолжена далѣе, но авторъ этого не дѣлаетъ, являясь простымъ воспроизводителемъ своихъ предшественниковъ и не прибавляя отъ себя ничего новаго. При этомъ общее пониманіе дѣла, какъ мы говорили, должно быть признано несостоятельнымъ. О второй части сочиненія, которая по своей обширности со всею справедливостію можетъ быть принимаема за цѣлое сочиненіе, мы должны отозваться съ очень большою похвалою, какъ объ ученомъ трудѣ весьма почтенномъ и представляющемъ собою серьезный и важный вкладъ въ науку русской церковной исторіи. Эта наука русской церковной ис-

торіи остается до сихъ поръ еще не вполне разработанною и первичнымъ такъ сказать образомъ, т. е. что еще не приведенъ въ полную извѣстность и не обработанъ настолько, чтобы стать годнымъ къ научному употребленію, и весь простой наличный ея матеріалъ. Слѣдовательно, у насъ не закрыто еще и не отставлено (выражаясь по народному) поле для работъ даже подготовительныхъ. На этомъ-то полѣ и оказываетъ авторъ второю частью своего сочиненія весьма важную услугу русской церковной исторіи. О существованіи сочиненій митр. Даніила давно всѣ знали; но что такое они, это оставалось очень мало извѣстнымъ и всѣ должны были пробавляться кой-какими о нихъ свѣдѣніями въ ожиданіи, что кто-нибудь возьметъ на себя специальный трудъ ихъ изслѣдованія. Желаемый трудъ взялъ на себя нашъ авторъ и выполнилъ его такъ, что со всею справедливостью ему должна быть воздана полная похвала. Матеріалы историческіе, опытъ обработки которыхъ представляетъ вторая часть сочиненія, какъ само собою понятно, бываютъ мелкіе, требующіе очень немного работы, и крупныя, требующіе этой послѣдней очень много. Сочиненія митр. Даніила по своему объему и по содержанію представляли матеріалъ въ нашемъ смыслѣ очень крупный, который требовалъ очень большой работы. Принявъ на себя подобную работу, авторъ не старался какъ-нибудь съузить ее, обрѣзать и вообще облегчить для себя; но поставилъ ее такъ широко, какъ только можно и добросовѣстнѣйшимъ и усерднѣйшимъ образомъ стремился къ ея выполненію въ предѣлахъ своей постановки. Сочиненія митр. Даніила имѣютъ близкое отношеніе къ современной дѣйствительности, касаясь ея заблужденій и мнѣній и изображая пороки ея нравовъ. Комментарій автора къ сочиненіямъ Даніила состоитъ въ томъ, чтобы дать нарочитый и обстоятельный очеркъ относительно заблужденій и мнѣній и относительно сторонъ нравовъ времени, о которыхъ говорить и которыхъ касается своими рѣчами митр. Даніиль. А такъ какъ нравовъ времени съ порочной ихъ стороны Даніиль касается многосторонне, то это ставитъ задачу автора такъ, чтобы онъ далъ рядъ обстоятельныхъ очерковъ чуть не о всѣхъ порочныхъ сторонахъ нравовъ XVI вѣка. Ясно, что комментарий, который дѣлаетъ авторъ, потребовалъ отъ него слишкомъ обстоятельнаго изученія XVI вѣка и что онъ долженъ былъ положить на это изученіе слишкомъ много труда. Какъ плодъ серьезнѣйшаго отношенія къ дѣлу и замѣчательнѣйшаго трудолюбія (каковыя оба качества мы не найдемся достаточно похвалить, если при-

помнимъ, что авторъ изслѣдованія есть молодой и только что начинающій ученый) намъ дается возможно полный, возможно тщательный и обстоятельный обзоръ сочиненій митр. Данила, чрезъ который они становятся наконецъ вполне всѣмъ вѣдомыми, чтобы занять принадлежащее имъ мѣсто въ ряду памятниковъ церковно-литературныхъ и чтобы стать въ рядъ употребимыхъ источниковъ русской церковной исторіи XVI вѣка.

II.

РАЗБОРЪ СОЧИНЕНІЯ ГРАФА И. И. ТОЛСТАГО

«Древнѣйшія русскія монеты великаго княжества Кіевскаго».

Составленъ Д. И. Прозоровскимъ.

Появленіе, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, монетъ Владиміра и Ярослава произвело въ русской исторической наукѣ не малое замѣшательство. Подъ вліяніемъ установившихся въ прошломъ вѣкѣ понятій о первыхъ временахъ Русскаго государства, монеты были встрѣчены учеными частію сомнѣніемъ, частію недоумѣніемъ, вообще же были приняты въ качествѣ простаго курьеза, а не историческаго факта. Потерять одну изъ такихъ монетъ не считалось очень большимъ научнымъ грѣхомъ, а появленіе новыхъ экземпляровъ никого особенно не радовало; напротивъ того, съ умноженіемъ ихъ числа, недоумѣніе росло и сомнѣнія усиливались. Нумизматы хвастали попавшими имъ въ руки экземплярами и издавали рисунки этихъ курьезовъ, но дѣло оставалось въ той же темнотѣ, которая окружала первый найденный экземпляръ. Только въ послѣдствіи нумизматы стали относиться къ монетамъ серьезнѣе и начали приписывать имъ сербское и болгарское происхожденіе. Открытіе въ 1852 году Нѣжинскаго клада поставило вопросъ на почву, достаточно твердую; этимъ кладомъ нанесенъ окончательный ударъ сомнѣнію въ дѣйствительной подлинности Владиміровыхъ и Ярославовыхъ монетъ, къ которымъ присовокупились монеты Святополка. Чтò касается недоумѣнія, то и ему данъ урокъ тѣмъ, что монеты оказались не сербскими и не болгарскими, а чисто русскими, и хотя оно еще крѣпится кое-какъ, но видимо отживаетъ свой вѣкъ и скоро должно исчезнуть подъ неотразимымъ напоромъ фактовъ, которыми обогащается наука. Такъ, Мекленбургскій кладъ, открытый въ 1858 году, уничтожилъ всякое недоумѣніе въ томъ: кому слѣдуетъ приписать Владимірово серебро? Въ этомъ кладѣ,

между западными денарами, изъ которыхъ самый младшій относится ко времени около 1030 года, нашелся экземпляръ Владимірова серебра давно знакомаго русскимъ нумизматамъ типа. Отсюда стало ясно, что эту монету нельзя приписать никакому другому Владиміру, кромѣ Равноапостольнаго, жившаго не болѣе какъ лѣтъ за 20—30 до зарытія клада въ землю.

Такимъ образомъ вопросъ о загадочныхъ монетахъ оставался подъ вліяніемъ случайностей, которымъ онъ обязанъ по крайней мѣрѣ тѣмъ, что не подвергался полному застою, но отъ времени до времени заявлялъ о себѣ съ немалою силою и вызывалъ ученыхъ на его разработку болѣе широкую, чѣмъ та, которою они ограничивались, усиливаясь мелкими замѣтками рѣшать его частности, тогда какъ онъ долженъ быть обнятъ въ полной его совокупности. Настоящее движеніе вопроса началось съ составленнаго г. Волошинскимъ описанія тѣхъ монетъ изъ Нѣжинскаго клада, которыя поступили въ минц-кабинетъ Кіевскаго университета. Болѣе сильный толчокъ данъ вопросу возникшимъ между академикомъ А. А. Куникомъ и г. Кёне споромъ о монетѣ Олега, открытой послѣднимъ и оказавшейся монетою Ярослава. Слѣдствіемъ этого спора, къ которому примкнули многіе ученые и нумизматы, было превосходное изслѣдованіе г. Куника о Русско-Византійскихъ монетахъ Ярослава I. Какъ трудомъ г. Волошинскаго началась нумизматическая разработка вопроса, такъ сочиненіемъ г. Куника открыта разработка археологическая, чрезъ что вопросъ весьма неопредѣленный, темный, вдругъ сдѣлался вопросомъ строго опредѣленнымъ, вопросомъ вполне научнымъ, съ характеромъ системы, съ выясненнымъ приемомъ въ распоряженіи матеріаломъ. Но за всѣмъ тѣмъ, до всесторонняго изслѣдованія вопроса во всемъ его объемѣ было еще далеко, потому что г. Куникъ преслѣдовалъ все-таки частную цѣль; для общей же монографіи матеріала было мало, да если какой и былъ подъ рукою, то, можно сказать, сырой необдѣланный. Между тѣмъ при развившемся стремленіи къ изслѣдованію древнихъ русскихъ цѣнностей, въ связи съ древнимъ вѣсомъ, потребность въ монографіи чувствовалась все болѣе и болѣе, но никто не рѣшался за нее приняться, такъ какъ для этого требовалось много времени, труда и средствъ.

Приобрѣтеніе графами И. И. и Д. И. Толстыми отъ г. Юзефовича лучшей части Нѣжинскаго клада побудило перваго изъ нихъ заняться составленіемъ простаго описанія монетъ; но какъ, при самомъ началѣ такого труда, владѣлецъ коллекціи отнесся къ пред-

мету критически и вслѣдствіе того напалъ на счастливыя мысли, то и рѣшился приступить къ полному изслѣдованію этого труднаго предмета въ нумизматическомъ, археологическомъ и литературномъ отношеніяхъ. Надобно много терпѣнія, настойчивости, усилій, жертвъ, чтобы справиться съ столь широкою задачею, и графъ Толстой блистательно исполнилъ принятую имъ на себя обязанность. При всѣхъ затрудненіяхъ въ собраніи свѣдѣній объ экземплярахъ Владиміровыхъ и Ярославовыхъ монетъ, разсѣянныхъ—можно сказать—повсюду, графъ Толстой успѣлъ разсмотрѣть болѣе 180 экземпляровъ, т. е. слишкомъ $\frac{5}{6}$ всего извѣстнаго ихъ числа, чего весьма достаточно, чтобы составить себѣ о предметѣ общее отчетливое понятіе въ духѣ научной опредѣленности, основанное на твердомъ убѣжденіи. Предпринять такой важный трудъ заставило графа Толстаго, по его словамъ, несогласіе его съ классификаціею г. Волошинскаго, для опроверженія которой требовалось какъ внимательное, и даже очень кропотливое, разсмотрѣніе монетъ, вообще дурно отчеканенныхъ или дурно сохранившихся, такъ и достаточная сила доводовъ въ пользу новой классификаціи. Такимъ образомъ явилась замѣчательная монографія предмета сколько загадочнаго, столько же и запутаннаго, — явилось изслѣдованіе, тщательно обработанное, отличающееся полнотою и осторожнымъ отношеніемъ къ дѣлу и въ русской нумизматической литературѣ не имѣющее себѣ равнаго. Конечно, ни какое дѣло ума и рукъ человѣческихъ не можетъ быть съ разу доведено до степени безусловнаго совершенства; самое солнце не безъ пятенъ. А несовершенство монографіи главнымъ образомъ состоитъ въ томъ, что въ ней есть мѣста, вызывающія на споръ; впрочемъ подобныя мѣста въ такомъ темномъ предметѣ желательны, такъ какъ они могутъ способствовать выясненію частныхъ вопросовъ.

Трудъ графа Толстаго состоитъ изъ предисловія, весьма обстоятельнаго, зрѣло обдуманнаго и отчетливо изложеннаго; и изъ шести главъ, съ дополненіями. Къ изданію приложены: а) библиографическій списокъ, обнимающій всю литературу Владиміровыхъ и Ярославовыхъ монетъ; б) указатели азбучные: именъ, предметовъ и легендъ; в) 15 таблицъ рисунковъ, изъ которыхъ четыре фототипографическія, а остальные—прекрасно гравированныя.

Въ предисловіи своемъ авторъ, описывая составъ изслѣдованія, признаетъ главною, существенною, частью своего обширнаго труда первую главу, составляющую описаніе монетъ. Дѣйствительно, все

зданіе труда зиждется на этой главѣ, составленной съ образцовою старательностью и съ тонкимъ пониманіемъ дѣла, выказаннымъ въ умѣньи оцѣнить значеніе каждой подробности, чѣмъ для будущихъ изыскателей устранены многія трудности какъ въ чтеніи неясныхъ, неполныхъ или ошибочныхъ надписей, такъ и въ классификаціи изображеній. Хотя графъ Толстой и оговаривается, что, по неза- висѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ, онъ въ нѣкоторыхъ случа- яхъ, не имѣлъ возможности соблюсти строгую систему, однакожъ ого- ворку эту, въ виду безукоризненности системы, надобно признать за выраженіе пристрастія къ совершенству системы, которое въ практикѣ едвали достижимо. — Описанія начинаются золотыми монетами св. Владиміра, подведенными подъ четыре номера и признанными за несомнѣнно подлинныя; исторія этихъ монетъ, со времени ихъ находки, изложена во всей подробности, чрезъ что будущіе изслѣдователи получаютъ въ прекрасномъ сводѣ всю литературу тѣхъ монетъ и избавляются отъ лишнихъ и немалыхъ хлопотъ по розысканіямъ въ этой области. За тѣмъ серебряныя монеты св. Владиміра авторъ дѣлитъ на четыре типа, точно и подробно опредѣляя особенности каждаго типа. Наибольшее вни- маніе обращаютъ на себя III и IV типы, изъ которыхъ первый признанъ былъ Волошинскимъ за принадлежащій не св. Влади- міру, а иному Владиміру и скорѣе всего Владиміру Мономаху. По опредѣленію графа И. И. Толстаго, типъ этотъ отличается отъ про- чихъ значительными особенностями, а именно: наклоненіемъ креста на лѣвое плечо, застежкою у плаща, спинкою сѣдалища, отсутствіемъ вѣнчика вокругъ головы и особою формою наверхія фигуры, кото- рую авторъ называетъ хоругвью. Но это все такіе признаки, которые, можно сказать, заставляють признать III типъ принадлежащимъ не св. Владиміру, а иному, при которомъ рисунокъ штемпеля былъ очевидно измѣненъ. Особенно бросаются въ глаза примкнутіе кре- ста къ лѣвому плечу и устраненіе вѣнчика. Крестъ, держимый на другихъ типахъ правою рукою, подобно римскому лабару на визан- тійскихъ монетахъ, держимому также правою рукою императора, означаетъ, конечно, торжество христіанства; но держаніе того же креста обѣими руками, на подобіе оружія, есть, безъ сомнѣнія, знакъ побѣдоносности надъ невѣрными, которою отличался именно Мономахъ, успѣшно воевавшій съ Половцами тогда, когда и Западъ крестомъ же побѣждалъ мусульманъ. Касательно вѣнчика надобно замѣтить, что онъ находится на тѣхъ монетахъ, на которыхъ нѣтъ изображенія Спасителя, изъ чего можно заключить, что вѣнчикъ

перенесенъ на лицевую сторону какъ знакъ святости христіанства, а не для означенія святости лица. Третій типъ есть явное подражаніе золотымъ монетамъ Владиміра I, точно также, какъ монеты Святополка суть копіи съ монетъ этого великаго князя, на которыхъ удержанъ и вѣнчикъ, нисколько не означающій святости Святополка. Изъ гѣтописи не видно, чтобы Владиміръ I былъ причтенъ къ лику святыхъ до Мономаха или при этомъ послѣднемъ; видно только, что въ то время «мольбы приносили Богу за нь въ день преставленья его», и что люди рускіе держали память его «поминающе святое крещенье», слѣдовательно, не какъ память святаго угодника Божія. Поэтому вѣнчикъ на монетахъ не былъ символомъ святости лица, а означалъ святость христіанства въ этомъ лицѣ. Вообще третій типъ, какъ спорный, слѣдовало бы зачислить четвертымъ. Въ IV типѣ замѣчательны монеты съ именемъ *святаго Василя*. Чтеніе графомъ Толстымъ надписей на этихъ монетахъ едвали вполне удачно. Онъ читаетъ:

ВЛАДИМІРЪ А СЕР(Р?)Є | +СВѢТАГО ВАСИЛА...

и оговаривается, что окончательныхъ трехъ буквъ онъ не разобралъ и не знаетъ значенія первой буквы С на оборотѣ. Но по рисунку № 9 на 6 таблицѣ надписи читаются, кажется, довольно отчетливо. Такъ окончательныя три буквы суть не что иное, какъ переносъ съ лица: БРО а знакъ Σ можно толковать двояко: а) онъ, въ соединеніи съ стоящею подлѣ него кривою чертою, есть, можетъ быть, неловкое изображеніе буквы Б на оборотъ (Я), у которой не достаетъ нижней косой черты; б) либо, что всего вѣроятнѣе, знакомъ Σ рѣшчикъ изобразилъ букву Ы на оборотъ (Д') изъ чего вышло слово: *святаго*; это, кажется, можно бы признать за несомнѣнное въ виду слова «сребро», изображеннаго на нѣкоторыхъ монетахъ Ярослава съ буквою Ы: *сребро*. Такимъ образомъ надписи прочтутся такъ:

лиц. ВЛАДИ — МИРСЕРЄ

об. БРО + СВѢТАГО — ВАСИЛА

т. е. Владиміре ¹⁾ сере | :бро + *святаго Васил'я* ²⁾

¹⁾ Владимірово.

²⁾ Тутъ, кажется, не было бы лишнимъ указаніе на такъ называемую Черниговскую гривну съ надписью: *и помози рабу своему Василю*. Медаль эта несомнѣнно очень древняя.

За монетами Владиміра слѣдуютъ монеты съ именемъ Святополка, приписываемыя графомъ Толстымъ Святополку I. Авторъ нашелъ эти монеты сходными съ IV типомъ монетъ Владиміра, отличающимся отъ прочихъ тщательностью отдѣлки какъ рисунка, такъ и формы буквъ, видимо уже установившейся. Надобно прибавить, что нѣкоторыя монеты Святополка совпадаютъ съ нѣкоторыми Владиміровыми монетами IV типа еще и по находящемуся на нихъ слову *серебро*, вм. «сребро». Отсюда позволительно заключить, что IV типъ моложе прочихъ, кромѣ, бытъ можетъ, III типа, что IV типу современны монеты Святополка, и что знакъ, признаваемый авторомъ за хоругвь, одинъ рогъ которой превращенъ въ крестъ, съ перенесеніемъ средней стрѣлки внутрь другаго рога, едва ли могъ быть знакомъ Святополка I, не отличавшагося христіанскимъ духомъ и княжившаго при особенныхъ обстоятельствахъ, да и то не долго. Впрочемъ едва ли можно отвергать, что нѣкоторыя монеты (напримѣръ, монета Святополка безъ креста на лѣвомъ рогѣ хоругви) могли быть выбиты одновременно съ славянскими монетами Болеслава, въ изображеніи котораго, именно въ одеждѣ, примѣтно нѣчто общее съ нѣкоторыми русскими монетами.

Монеты Ярослава составляютъ три типа, изъ которыхъ ко второму причислены монеты, приписанныя Волошинскимъ Юрію (?). Особенно выдаются монеты III типа, судьба которыхъ имѣетъ довольно сложную исторію. Графъ Толстой излагаетъ эту исторію весьма обстоятельно и къ описанію присовокупляетъ все важнѣйшее изъ того, что о нихъ было писано и что нынѣ сдѣлалось библиографическою рѣдкостью, каковы статьи Кёне, графа Строганова, Жила, Ланглау и Гильдебранда, относящіяся къ знаменитому спору о мнимой Олеговой монетѣ. Въ составъ III типа вошли появившіеся недавно мѣдные экземпляры Ярославля серебра. Хотя иные считаютъ эти экземпляры за подлинники, но авторъ убѣжденъ, что они поддѣльные, отлитые въ новѣйшее время съ подлинниковъ, такъ какъ, по его мнѣнію, самъ Ярославъ не могъ дѣлать подобныхъ отливокъ съ своего серебра; при чемъ графъ Толстой замѣчаетъ, что если эти отливки суть подлинники, то въ нихъ должно предположить древнія воровскія деньги, но въ томъ онъ впрочемъ не увѣренъ. Однакожъ съ этими взглядами можно поспорить. Такъ, если мы примемъ въ соображеніе, что куны были до чрезмѣрности начетною дѣвностью, въ родѣ нынѣшняго самаго низкаго билона, что мѣдное серебро не было какою-либо новостью, такъ какъ въ Римѣ, еще во времена тридцати тирановъ, вышускались мѣдные побѣленные денары, что даже

въ позднѣйшія времена польскіе полугроши были посеребренною мѣдью, что даже при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ еще была возможность выпустить *мѣдное серебро*, т. е. мѣдныя деньги въ цѣнности серебряныхъ, чему потомъ послѣдовала и Швеція, и что Ярославъ, въ началѣ своего государствованія, нуждался въ серебрѣ, то, кажется, едвали можно категорически отвергать выпускъ при немъ мѣдныхъ, вмѣсто бѣлоновыхъ, денегъ для удовлетворенія чрезвычайной государственной надобности, тѣмъ болѣе, что сама казна должна была принимать эти деньги по ихъ курсовой цѣнности, чѣмъ и обезпечивалось ихъ обращеніе въ народѣ, по крайней мѣрѣ до полного ихъ паденія и вслѣдствіе того истребленія. Если же на взглядъ графа Толстого мѣдное серебро представляется отливкою, совершенство которой онъ признаетъ, то на другой взглядъ монеты представляются несомнѣнно чеканными, не имѣющими на себѣ даже тѣхъ признаковъ отливки, которые примѣчаются на лучшихъ серебряныхъ отливкахъ съ древнихъ греческихъ и римскихъ монетъ.

Всѣ монеты, разсмотрѣнныя и описанныя графомъ Толстымъ, тщательно взвѣшены и выведенъ средній вѣсъ каждого типа, за что изслѣдователи древней русской метрологіи будутъ ему очень благодарны. Но выражая надежду, что его выкладки могутъ въ послѣдствіи послужить пособіемъ для открытія системы вѣса, по которой монеты дѣланы, онъ напрасно не придаетъ вѣсу особаго въ своемъ трудѣ значенія и полагаетъ, что монеты чеканены безъ всякой опредѣленной вѣсовой системы. Этимъ онъ предрѣшаетъ вопросъ и какъ бы вторгается въ область метрологіи, обязанной разъяснить вопросъ о древнихъ цѣнностяхъ по ихъ вѣсу, пробѣ и курсу въ совокупности. Нумизматика именная и должна снабдить метрологію всѣми относящимися къ вещественнымъ памятникамъ цѣнности данными, на основаніи которыхъ можно судить о вѣсѣ и пробѣ монетъ, и затѣмъ, при пособіи памятниковъ письменныхъ, метрологія уже сама рѣшитъ вопросъ какъ о размѣрѣ курса, такъ и о причинахъ различія въ вѣсѣ монетъ, равно какъ и о вѣсовой единицѣ, служившей основаніемъ для монетной системы.

Во второй главѣ сведены различныя мнѣнія о томъ: слѣдуетъ ли монеты Владиміра признавать за русскія? и на сколько вѣрно мнѣніе, что это не ходячія цѣнности, а медали, выбитыя въ честь русскихъ государей, или въ память какихъ-либо событій? Рѣшеніе втораго вопроса зависитъ отъ рѣшенія перваго, но кромѣ того

оказались археологическія данныя, устраниющія всякую мысль о медальномъ значеніи монетъ; доводы автора можно дополнить замѣчаніемъ, что въ тѣ отдаленныя времена не существовало обычая изготовлять почетныя или памятныя медали, да и самыя надписи: «се его злато», «се его сребро» указываютъ прямо на денежное значеніе монетъ. Сопоставленіе мнѣній, относящихся къ первому вопросу, вполне обнаруживаетъ всю несостоятельность теоріи, отвергающей русское происхожденіе монетъ, а доводы автора противъ этой теоріи, упирающіе на всѣ пункты вопроса, на столько тверды, что едвали найдется какая-либо возможность къ опроверженію ихъ; напротивъ того письменные памятники подкрѣпляютъ мысли автора. Такъ напримѣръ, въ послѣдней четверти XII вѣка еще ходили въ Новѣгородѣ «старыя» куны, стоявшія вдвое дороже *новыя* кунъ, которыя со второй четверти того же вѣка выпускались Домажиричемъ изъ Онега, а «старыя» куны, ходившія долгое время, нельзя признавать ни за что иное, какъ за металлическую русскую монету, представляемую монетами Владиміра, Святополка и Ярослава.

Третья глава представляетъ сводъ различныхъ объясненій загадочной фигуры, находящейся на означенныхъ монетахъ. Ей давали много значеній, признавая ее то за трезубецъ, то за трикирій или паникадило, то за хоругвь, то за птицу, за якорь, за Франциску, за верхушку скипетра, за порталъ. Графъ Толстой принимаетъ фигуру въ значеніи хоругви, но и это мнѣніе едвали удобопріемлемо, такъ какъ правильное положеніе фигуры—вверхъ рогами, чего для хоругви допустить нельзя. Впрочемъ авторъ не настаиваетъ на своемъ толкованіи, а допускаетъ его пока, до окончательной разгадки фигуры, указывая на возбужденный г. Кунікомъ вопросъ: не слѣдуетъ ли считать фигуру за родовой знакъ первыхъ нашихъ князей? Вопросъ очень важный и поставленъ весьма выпукло. Въ самомъ дѣлѣ, рассматривая фигуру въ этомъ направленіи, нельзя не замѣтить что слова: «се его злато», «се его сребро» приурочены на монетахъ именно къ ней, такъ что надписи представляются указаніями на *знакъ* принадлежности князю *серебра*, заклеяменнаго этимъ знакомъ, который поэтому очень могъ быть родовымъ, въ качествѣ великокняжеской печати. Но трудно допустить, чтобы происхожденіемъ своимъ онъ былъ обязанъ фантазіи; скорѣе всего онъ взятъ былъ съ природы, и именно съ какой-нибудь утвари. Изъ связи его съ упомянутыми надписями надобно заключить, что онъ знаменовалъ княжескую власть и потому очень

могъ помѣщаться на верху княжескаго державнаго жезла ¹⁾, который находился бы въ правой рукѣ князя, если бы послѣдній былъ изображенъ въ языческомъ видѣ. А такъ какъ онъ изображенъ въ видѣ христіанскаго царя, по византійски, съ крестомъ въ правой рукѣ, то жезлу мѣста не оставалось, наверхіе же этой утвари, какъ знаменованіе княжеской власти, не могло быть устраниено, почему и помѣщено: на золотыхъ монетахъ надъ лѣвымъ плечомъ князя, а на серебряныхъ на оборотѣ монетъ. Слѣдуетъ обратить вниманіе на среднюю черту въ фигурѣ, оканчивающуюся внизу развилкою: когда лѣвый рогъ фигуры превращенъ былъ въ крестъ, при чемъ черту понадобилось удалить съ ея мѣста, тогда она переведена внутрь праваго рога, а отсюда слѣдуетъ, что черта эта составляла существенную принадлежность фигуры. На монетахъ Ярослава фигура совершенно преобразована, и къ ней приурочено слово: «ампн», какъ бы утверждающее связь ея съ надписью: «ярославле сребро». На сколько удачно сдѣланное графомъ Толстымъ сравненіе ея частей съ рунами, покажетъ время.

Причины, побудившія автора распредѣлить монеты такъ, а не иначе, весьма обстоятельно изложены имъ въ четвертой главѣ. При ясности и отчетливости его системы, подобныхъ объясненій, конечно, никто бы отъ него не потребовалъ, но графъ Толстой, понимая всю важность изслѣдуемаго имъ предмета, рѣшился опредѣлить его всесторонне и исчерпать до такой глубины, какая возможна въ настоящемъ положеніи вопроса. Онъ дастъ строгій отчетъ въ основаніяхъ, на которыхъ утверждаются его опредѣленія какъ старшинства штемпелей и времени чеканки монетъ, такъ и времени зарытія кладовъ въ землю. Авторъ замѣтилъ то, чего прежніе изслѣдователи не примѣчали и что можно было открыть только при самомъ напряженномъ разсматриваніи монетъ: на нѣкоторыхъ монетахъ онъ замѣтилъ перечеканку ихъ и слѣды на нихъ прежняго штемпеля; это-то и послужило ему указаніемъ на старшинство штемпелей. Затѣмъ составъ находимыхъ кладовъ и выработанныя въ нумизматикѣ правила для опредѣленія времени этихъ кладовъ послужили доказательствами тому, что Нѣжинскій кладъ зарытъ былъ въ землю въ началѣ Ярославова княженія, почему, и въ виду най-

¹⁾ Въ изображеніяхъ древнихъ царей утварь эта представляется въ видѣ очень длиннаго жезла, съ какимъ-либо наверхіемъ, которое впрочемъ не было принадлежностью прежнихъ царей. Державный жезлъ Іоанна Грознаго, какъ великаго князя, имѣлъ видъ костыли, образовавшагося, вѣроятно изъ креста, вслѣдствіе устраниенія верхняго рога.

денной перечеканки, авторъ счелъ необходимымъ всѣ монеты съ именемъ Святополка отнести къ Святополку I. Въ постановкѣ этихъ данныхъ и въ сдѣланныхъ по нимъ выводахъ нельзя не признать логической послѣдовательности, но тѣмъ не менѣе вопросъ о монетахъ Святополка останется открытымъ впредь до точнаго опредѣленія загадочной фигуры (хоругви). Самымъ виднымъ отличіемъ труда графа Толстаго надобно признать остроумное распредѣленіе монетъ по типамъ, чрезъ что для будущихъ изслѣдователей открылся гладкій и вѣрный путь къ разработкѣ тѣхъ частныхъ вопросовъ, для рѣшенія которыхъ въ настоящее время еще не представляется возможности. Вообще глава эта обличаетъ въ авторѣ большой археологическій тактъ.

Особенное вниманіе обращаетъ на себя пятая глава о поддѣльныхъ монетахъ Владиміра Великаго, о предметѣ, въ общемъ смыслѣ почти еще не тронутомъ въ русской нумизматикѣ, если не считать началомъ разработки этого предмета бѣглыхъ замѣчаній князя Гагарина о поддѣлкахъ монетъ средняго времени. Хотя графъ Толстой и оговаривается, что онъ не имѣлъ намѣренія писать полный трактатъ о русскихъ поддѣлкахъ, однакожь глава эта представляетъ превосходный трактатъ о поддѣлкахъ первоначальныхъ русскихъ монетъ. Конечно, разсмотрѣнныя въ ней монеты несомнѣнно фальшивы уже по одному ихъ вѣсу, который ни мало не соотвѣтствуетъ вѣсу подлиннымъ монетъ; но авторъ этимъ не ограничился, а подвергъ строгому разбору ихъ выработку и исторію со времени появленія ихъ въ рукахъ нумизматовъ, такому разбору, который надолго послужитъ руководствомъ для занимающихся русскою нумизматикою. Опредѣливъ отношеніе поддѣльныхъ монетъ къ подлиннымъ со стороны палеографіи, авторъ весьма удачно разрѣшаетъ три существенно важные и доселѣ не стоявшіе на виду вопроса: 1) съ какихъ оригиналовъ скопированы поддѣлки? 2) когда, хотя приблизительно, изготовлены поддѣлки? 3) на сколько близко онѣ скопированы съ оригиналовъ? Доказательства автора такъ убѣдительны, что съ ними никакъ нельзя не согласиться, а разработку вопроса о копировкахъ съ принадлежавшаго Бунге и давно потеряннаго Владимірова злата можно по справедливости назвать образцовой. Этою главою оканчиваются розысканія графа Толстаго о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ.

Послѣдняя шестая глава составляетъ не что иное, какъ приложеніе къ тѣмъ розысканіямъ, съ которыми она органической связи не имѣетъ. Въ этой главѣ описаны монеты Болеслава съ

славянскими надписями, монеты кievскаго князя Владимiра Ольгердовича и печать Ратибора; все это присоединено къ изслѣдованiю собственно потому, что нѣкоторыми прежними изслѣдователями Болеславовы монеты были приняты въ соображенiе при разсмотрѣнiи монетъ Владимiра и Ярослава, и что на монетахъ Владимiра Ольгердовича находится знакъ, побуждающiй къ сопоставленiю его съ загадочною фигурою на монетахъ Нѣжинскаго клада. Впрочемъ, если предположить, что монеты Болеслава и та монета Святополка, на которой фигура (хоругвь) безъ креста на лѣвомъ рогѣ, биты одновременно, то шестая глава будетъ неизбѣжнымъ дополненiемъ изслѣдованiй о русскихъ монетахъ и можетъ послужить пособiемъ для рѣшенiя вопроса о монетахъ Болеслава, если эти послѣднiя не окажутся болѣе древними, чѣмъ время Святополка I. Что касается печати Ратибора, то она имѣетъ извѣстную степень важности въ палеографическомъ отношенiи, такъ какъ время ея происхожденiя опредѣляется историческими данными съ достаточною точностью, чрезъ что получается возможность опредѣлить: на сколько измѣнилась форма буквъ между временами монетъ и временемъ печати.

Такимъ образомъ изъ всего сказаннаго нельзя не убѣдиться, что трудъ графа И. И. Толстаго исполненъ съ замѣчательною тщательностью; во всѣхъ отдѣлахъ изслѣдованiя сохранено строгое единство мысли; предметъ исчерпанъ вполне и разобранъ всесторонне, чѣмъ едва ли могутъ похвалиться многiя изъ монографiй, особенно нумизматическихъ. Но главная заслуга автора состоитъ въ томъ, что онъ сразу сильно двинулъ впередъ почти непочатой вопросъ, принадлежавшiй къ числу наиболѣе трудныхъ, и что за тѣмъ этотъ темный вопросъ становится теперь открытымъ во всѣхъ его положенiяхъ. Наукѣ не часто достаются такiя капитальныя приобрѣтенiя, какъ изслѣдованiе графа Толстаго; еще рѣже она видитъ между этими приобрѣтенiями труды, столь ярко освѣщающiе темныя области вопросовъ, на которые она взирала съ недоумѣнiемъ. Въ виду столь крупныхъ достоинствъ монографiи автора и въ особенноти ея большаго значенiя для науки, я полагаю, что трудъ этотъ имѣетъ преимущественное право на увѣнчанiе его полною Уваровскою премiею. При этомъ надобно указать на то, что графъ И. И. Толстой, издавая свой трудъ, не жалѣлъ издержекъ: изящество изданiя вполне соотвѣтствуетъ внутреннимъ достоинствамъ изслѣдованiя.

III.

ГРАФЪ П. Д. КИСЕЛЕВЪ И ЕГО ВРЕМЯ. МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ИСТОРИИ ИМПЕРАТОРОВЪ АЛЕКСАНДРА I. НИКОЛАЯ И АЛЕКСАНДРА II. СОЧ. А. П. ЗАБЛОЦКАГО-ДЕСЯТОВСКАГО. I—IV. СПБ. 1882. 8.

Рецензія професора И. Е. Энгельмана.

Сочиненіе покойнаго А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго справедливо обращаетъ на себя вниманіе лицъ, интересующихся исторіею нынѣшняго вѣка, и вызвало собою уже нѣсколько рецензій: въ *Journal de St. Pétersbourg*, 1881, №№ 342 и 344, въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1882, Январь, въ *Русской Старинѣ* 1882, Февраль. Главное значеніе сочиненія состоитъ въ сообщаемомъ въ немъ богатомъ историческомъ матеріалѣ. Въ немъ недостаетъ плавнаго, равномернаго историческаго изложенія и встрѣчается много пробѣловъ по весьма важнымъ вопросамъ, такъ что сочиненіе не представляетъ собою ни полной біографіи графа Киселева, ни всесторонняго изображенія характера его времени. Такъ напр. о его молодости, о его воспитаніи, о его семейныхъ отношеніяхъ сообщается слишкомъ мало, отношеніе его къ женѣ остается почти совершенно неразъясненнымъ. Между тѣмъ послѣднее имѣло очевидно сильное вліяніе на него и на особенности его характера. Но авторъ только вскользь указываетъ на размолвку между супругами — размолвку, которая имѣла послѣдствіемъ, что они разошлись на всю жизнь. Объ этомъ впрочемъ упоминается мимоходомъ, по случаю назначенія Киселева посломъ въ Парижъ. Неразъясненнымъ остается также отношеніе Киселева къ брату его, Николаю Дмитріевичу. На этого младшаго брата Павелъ Дмитріевичъ перенесъ всю свою любовь, всю нѣжность, къ которой былъ способенъ. Желая помѣстить своего брата

въ Риппельевскій лицей онъ вникаетъ въ дѣла лица, предлагаетъ лучшую организацію, наконецъ самъ готовъ принять на себя надзоръ надъ нимъ. Позже, когда братъ его пошелъ по дипломатической карьерѣ, онъ постоянно слѣдитъ за нимъ, находится въ дѣятельной перепискѣ съ нимъ, свиданія съ братомъ почти единственное утѣшеніе его. Въ III т. на стр. 423 мы читаемъ въ письмѣ Н. В. Ханькова, «въ концѣ 71 года послѣдовало разочарованіе графа на счетъ его брата»—и только.

Пробѣлы относятся не только къ личнымъ отношеніямъ Павла Дмитріевича, но и къ дѣламъ политическимъ. Такъ на примѣръ, мы слишкомъ мало узнаемъ о вѣшателствѣ Наполеона III по польскимъ дѣламъ и рѣшительно ничего не узнаемъ о мексиканской экспедиціи ¹⁾.

¹⁾ Отмѣтимъ нѣкоторыя погрѣшности и ошибки, которыя встрѣчаются въ сочиненіи.

Въ I томѣ авторъ, неизвѣстно почему, пишетъ боярм, бояроєз, вмѣсто бояре, боярь. Румыскій бояринъ такой-же какъ и русскій, поэтому нѣтъ никакой причины склонять это слово особеннымъ образомъ.

Въ III т. на стр. 24 авторъ называетъ власть короля Пруссаго, который въ то же время былъ княземъ Пешательскимъ, гегемонію, между тѣмъ какъ этимъ словомъ означаетъ положеніе государства первенствующаго между своими союзниками. Надо было сказать: власть короля Пруссаго упразднилась.

На стр. 68 авторъ переводитъ enclaves — замкнутыя земли, между тѣмъ это слово означаетъ: чрезполосныя владѣнія или, если это слово неудобно примѣнять къ междугосударственнымъ отношеніямъ: земли или владѣнія включенныя въ другія, чужія.

На стр. 85 предложеніе: *il gagne sa cause, qui lui assure son portefeuille* переводится: «онъ служитъ дѣлу, которое оставить за нимъ управленіе», между тѣмъ оно значитъ: «онъ выигрываетъ дѣло и этимъ сохраняетъ за собою министерство».

На стр. 253 выраженіе: должно стараться сохранить его (т. е. союзъ съ Франціею) не *контролируя* онаго нескромною и по меньшей мѣрѣ бесполезною болтовнею—непонятно, оно или неправильно переведено или слѣдуетъ читать: «не компрометируя».

На стр. 297: *esprit* переводится партія, должно быть: духъ.

» » 376 *senneur privé* переводится: приватный цензоръ, м. т. должно быть: тайный цензоръ.

На стр. 312 Киселевъ пишетъ, что будто *Тиберій* сказалъ *O Vire etc.*; это сказалъ *Авустъ*.

На стр. 236 авторъ отмѣтилъ, что Краковская газета Часъ ошибочно назвала брата Павла Дмитріевича графомъ, не зная, что лишь послѣдній былъ пожалованъ въ графы, а на стр. 129 онъ самъ величалъ Бисмарка графомъ въ такое время (1859 г.), въ которое тотъ графомъ еще не былъ. Бисмаркъ былъ пожалованъ въ графы въ тотъ день, когда княжество Лауенбургъ дѣйствительно перешло къ Пруссіи, въ 1865 году.

Если авторъ такимъ образомъ и не даетъ намъ ни біографіи графа Киселева, ни изображенія его времени, то всетаки сообщаетъ весьма любопытный и весьма важный матеріалъ для исторіи трехъ Русскихъ Государей и для характеристики многихъ европейскихъ современниковъ, напр. Императора Наполеона III, его супруги и разныхъ государственныхъ людей Франціи.

Въ I томѣ изображаются первые годы и начало службы Киселева, служба его начальникомъ главнаго штаба второй арміи, участіе въ войнѣ съ Турціей и правленіе Дунайскими княжествами.

II томъ содержитъ въ себѣ: управленіе министерствомъ государственныхъ имуществъ и участіе въ крестьянскомъ вопросѣ.

III томъ: дипломатическую службу въ Парижѣ съ 1856 по 1862 годъ и послѣдніе годы его 1863—1872.

IV т. содержатъ въ себѣ приложенія, т. е. самые документы, на которыхъ основано большею частію то, что изложено въ первыхъ трехъ томахъ.

Обратимся теперь къ источникамъ, которыми пользовался авторъ. Къ сожалѣнію, мы узнаемъ объ нихъ весьма мало, а то что мы узнаемъ, весьма неудовлетворительно. Мы узнаемъ, что авторъ пользовался для своего сочиненія архивомъ самого Киселева, принадлежащимъ нынѣ графу Д. А. Милютину, а также и архивомъ Е. И. Высочества Великаго князя Константина Николаевича, и что архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ остался для него закрытымъ. Послѣднее случилось не смотря на то, что авторъ—членъ Государственнаго Совѣта и сочиненіе его обратило на себя вниманіе Его Величества Государя Императора Александра II. Весьма важную часть архива графа Киселева составляютъ дневникъ и записки его; значеніе ихъ тѣмъ важнѣе, что, по свидѣтельству автора, они не имѣли никакой преднамѣренной цѣли, и графъ Киселевъ, ведя ихъ, удовлетворялъ лишь потребности ума пытливаго, постоянно дѣятельнаго, привычкѣ отдавать самому себѣ ежедневно отчетъ въ томъ что онъ видѣлъ и слышалъ замѣчательнаго; въ нихъ авторъ представляется такимъ, какимъ былъ въ дѣйствительности.—Изъ этихъ архивовъ и главнымъ образомъ изъ архива самого графа Киселева авторъ заимствовалъ свой матеріалъ, но онъ не сообщаетъ о томъ, чѣмъ руководствовался онъ при выборѣ матеріаловъ изъ этихъ архивовъ вообще и въ частности при выборѣ для помѣщенія въ приложеніяхъ къ своему сочиненію?

Между тѣмъ изъ того, что сообщаетъ авторъ, можно, кажется, не ошибаясь, предположить, что архивъ графа Киселева содержитъ

въ себѣ много документовъ, которыми, по разнымъ причинамъ, не пользовался авторъ. Такъ, по всей вѣроятности, въ архивѣ найдется переписка его съ женою, съ матерью, съ братомъ и т. д. Впрочемъ это только предположеніе; можетъ быть что такихъ бумагъ въ архивѣ вовсе нѣтъ. Мы этого не знаемъ. Знаемъ только, что авторъ работалъ по архивнымъ документамъ и что изъ числа ихъ сдѣлалъ выборку и напечаталъ въ приложеніяхъ. Какими началами онъ руководствовался при выборѣ мы не знаемъ. Не знаемъ помѣстилъ ли онъ напр. всю переписку съ княземъ А. Ѳ. Орловымъ, съ гр. Закревскимъ, съ княземъ Волконскимъ или только нѣкоторыя болѣе важныя письма. Естьли въ архивѣ письма другихъ лицъ или къ другимъ лицамъ, или ихъ вовсе нѣтъ? Естьли вообще въ этихъ архивахъ другіе документы, имѣющіе отношеніе къ графу Киселеву, или нѣтъ? Такъ какъ авторъ при своихъ предварительныхъ разысканіяхъ долженъ былъ убѣдиться во всемъ этомъ, то онъ во всякомъ случаѣ былъ въ состояніи, точными и ясными указаніями на свойство и объемъ источниковъ, устранить всѣ подобныя вопросы и сомнѣнія, между тѣмъ какъ теперь для разрѣшенія ихъ необходимо новое обозрѣніе тѣхъ архивовъ.

Что-же касается до самаго важнаго источника его сочиненія «дневника и записокъ графа Киселева», то этотъ источникъ вовсе не помѣщенъ авторомъ въ приложеніяхъ. Хотя авторъ, указавъ на особенную важность этого источника, и объясняетъ, что дневникъ вошелъ почти цѣликомъ въ его сочиненіе, но такое помѣщеніе дневника въ отрывкахъ въ самомъ сочиненіи, при чемъ нѣкоторыя мѣста вовсе опущены, никакъ не можетъ замѣнить изданіе самого подлинника на языкѣ, на которомъ былъ написанъ. Чѣмъ болѣе дневникъ и записки составлены безъ преднамѣренной цѣли, тѣмъ важнѣе для интересующихся дѣломъ возможность прочесть ихъ въ подлинникѣ, въ той самой формѣ, въ какой ведены были. Для изученія характера автора дневника даже важно какъ и въ какой мѣрѣ, онъ помѣстилъ, рядомъ съ историческими и политическими явленіями, мелочи обыденной жизни.

Перейдемъ теперь къ оцѣнкѣ изложенія автора, къ рѣшенію вопроса, на сколько изображеніе служебной дѣятельности графа Киселева соотвѣтствуетъ тѣмъ источникамъ, которые намъ пока доступны. Авторъ объявляетъ, что, составляя жизнеописаніе графа Киселева, онъ отстранялъ отъ себя всякую мысль писать ему похвальное слово; цѣль его—представить замѣчательнаго историческаго человѣка такимъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Онъ

желалъ сохранить достойное памяти въ прошедшемъ и могущее служить поученіемъ въ будущемъ. Похвалы его графу Киселеву будто состояли развѣ въ отрицаніяхъ несправедливаго: тамъ гдѣ нельзя было не коснуться порицаній, раздававшихся еще при жизни Киселева, порицаній, по мнѣнію автора, несправедливыхъ, близкихъ къ клеветѣ, авторъ противопоставлялъ имъ будто только факты, доказывающіе, что источникъ порицаній былъ въ самыхъ порицателяхъ, или непонимавшихъ его стремленій, или несочувствовавшихъ имъ. Наконецъ авторъ объявляетъ: «что графъ Киселевъ былъ изъ тѣхъ избранныхъ натуръ, опустѣвшее мѣсто которыхъ въ обществѣ не замѣняется скоро и воспоминаніе о которыхъ не изглаживается никогда. Жизнь такихъ людей не есть скопленіе безцѣльныхъ случайностей, въ ней проходитъ постоянное стремленіе къ достиженію нравственныхъ идеаловъ. У графа Киселева такой идеалъ состоялъ въ водвореніи законности и правды въ тѣхъ сферахъ жизни, въ которыхъ приходилось ему дѣйствовать».

«Исторія не забудетъ что Павелъ Дмитриевичъ первый изъ государственныхъ людей Россіи сталъ утверждать, что наступило время обратить вниманіе на несчастное положеніе крестьянъ, этихъ жертвъ своего невѣжества и безучастнаго къ нимъ отношенія со стороны властей. Одного этого уже достаточно для того, чтобы имя его сохранило почетное мѣсто въ русской исторіи».

Въ этихъ строкахъ авторъ является какъ онъ есть. Это былъ человѣкъ весьма симпатичный; добросовѣстность его не можетъ подлежать никакому сомнѣнію: онъ былъ убѣжденъ въ томъ, что писалъ. Но, при мягкости нрава, онъ въ друзьяхъ видѣлъ одно хорошее. При близкихъ, дружественныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ онъ находился къ графу Киселеву, онъ смотрѣлъ на него и на всю дѣятельность его съ благоговѣніемъ. Для него очевидно было невозможно—стать на точку зрѣнія хладнокровнаго, безучастнаго зрителя и критика. Между тѣмъ для дѣйствительной оцѣнки дѣятельности какого либо лица, безпристрастное, трезвое даже холодное отношеніе къ нему и къ оцѣниваемымъ фактамъ безусловно необходимо; иначе нѣтъ возможности подмѣчать его недостатки; а не изображая, рядомъ съ хорошими, свѣтлыми сторонами его характера, его недостатковъ, не представишь его «какъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ». Пороки замѣчательнаго историческаго лица суть тѣни, бросаемыя его добродѣтелями, свѣтлыми сторонами его характера. Изображеніе тѣней необходимо для полной характеристики его. Но Андрей Пареевичъ никакъ не могъ свыкнуться съ мыслью,

что у Павла Дмитріевича были недостатки! При томъ, при составленіи его сочиненія была у него своя особая цѣль: онъ желалъ сохранить достойное памяти— а недостатки недостойны памяти,— или могущее служить поученіемъ въ будущемъ, а недостатки только въ отрицательномъ смыслѣ могутъ служить поученіемъ, наконецъ, по его мнѣнію, всякаго рода порицанія противъ Павла Дмитріевича несправедливы, даже просто клевета. Авторъ отвергаетъ не только отдѣльныя порицанія, но прямо добросовѣстность всѣхъ порицателей огуломъ, объявляя, что всѣ порицанія близки къ клеветѣ. Если бы авторъ порицаніямъ дѣйствительно только противопоставилъ факты, то противъ этого нечего было бы возразить. Но, къ сожалѣнію, не такъ поступаетъ авторъ. Дѣйствительно, рассказывая факты, изображая дѣйствія, онъ поступаетъ съ большою точностію и весьма осторожно. Но какъ скоро дѣло идетъ объ оцѣнкѣ характера своего героя и побудительныхъ причинъ его дѣяній, изложеніе обращается въ апологію, и авторъ становится одностороннимъ и пристрастнымъ, при чемъ, въ своемъ ослѣплѣніи, вовсе не замѣчаетъ, что его защитительскія замашки приносятъ защищаемому болѣе вреда, чѣмъ пользы.

Такова напр. полемика его противъ сужденій графа М. А. Корфа о характерѣ и дѣйствіяхъ Киселева. Этимъ сужденіямъ авторъ противопоставляетъ не факты, а свои же сужденія, голословныя утвержденія и увѣренія. Хотя нѣкоторые сужденія графа Корфа очевидно несправедливы, другія слишкомъ рѣзки, однако вообще факты, приведенные самимъ же авторомъ, подтверждаютъ сужденія графа Корфа, а не апологію автора ¹⁾. Кромѣ того читатель непріятно поражается тѣмъ, отчасти явнымъ, отчасти глухимъ, раздраженіемъ, которымъ проникнута полемика автора противъ М. А. Корфа. Между тѣмъ раздражаться тутъ не чѣмъ. М. А. Корфъ былъ очевидно вполне убѣжденъ въ основательности и справедливости своихъ сужденій. А его добросовѣстность явствуетъ изъ того, что, гдѣ онъ убѣдился въ ошибочности своихъ сужденій, откровенно о томъ заявляетъ (II. 156), наконецъ изъ того, что самъ сообщилъ автору

¹⁾ См. также рецензію на сочиненіе А. П. Заблоцкаго-Десятковскаго, помѣщенную въ Отечественныхъ Запискахъ 1882. Январь; хотя нѣкоторые изъ приведенныхъ въ ней доводовъ не убѣдительны, напр. непріязненная осторожность и сдержанность, проявляющаяся будто бы въ перепискѣ гр. Киселева съ кн. А. Ѳ. Орловымъ, между тѣмъ какъ напечатанныя въ изданіи Заблоцкаго письма производятъ впечатлѣніе откровенности и дружбы, существовавшей между обоими сановниками.

выписку тѣхъ мѣстъ своихъ записокъ, въ которыхъ говорится о Киселевѣ, между тѣмъ какъ записки пока недоступны публикѣ и графъ Корфъ могъ бы и не сообщать ихъ автору.

Авторъ видитъ въ графѣ П. Д. Киселевѣ некое совершенство, приписываетъ ему всякаго рода добродѣтели. Мы не могли бы опредѣлить отличительныя черты характера графа Киселева болѣе отчетливо, чѣмъ это сдѣлано рецензентомъ Отечественныхъ Записокъ въ приведенной выше статьѣ: тонкій и ясный умъ, огромная энергія, привычка и любовь къ труду. Человѣку съ такими качествами можно простить многое. Можно понять, что у такой личности, при отсутствіи строгой работы надъ собою, при отсутствіи постоянного стремленія къ самопознанію, чувство собственнаго достоинства мало по малу можетъ переходить въ высокомеріе и надменность, и что, въ концѣ концовъ, въ немъ можетъ образоваться чувство какой то непогрѣшимости. Говорятъ: *Tout comprendre c'est tout pardonner!* Но авторъ объ этомъ и слышать не хочетъ; по его мнѣнію, графъ Киселевъ никогда не переступалъ границы необходимаго охраненія своего достоинства!

Посмотримъ, такъ ли это?

П. Д. Киселевъ сдѣлалъ блестящую карьеру: двадцати шести лѣтъ отъ роду онъ былъ уже флигель-адъютантомъ, заслужилъ личное расположеніе Государя, успѣлъ удачно окончить нѣсколько важныхъ порученій; двадцати семи лѣтъ произведенъ въ полковники а въ тридцать лѣтъ былъ уже генераломъ (время назначенія въ сочиненіи не означено). На 31 году назначенъ начальникомъ штаба южной арміи. Вблизи Государя находились люди, состоявшіе въ дружескихъ отношеніяхъ къ нему. «Такая обстановка», пишетъ авторъ (I. 21) «способствовала тому, что всѣ представленія его получали ходъ, а это развивало въ немъ пытливость, потому что былъ увѣренъ, что результаты его изслѣдованій не пропадутъ даромъ, а принесутъ пользу». Замѣчаніе автора вполне справедливо, но онъ упускаетъ изъ виду, что удача во всемъ и всегда можетъ въ тоже время содѣйствовать развитію высокомерія и надменности, особенно въ людяхъ, въ которыхъ безъ того сильно сознаніе собственнаго достоинства. Высокомѣріе и надменность П. Д. Киселева видны изъ фактовъ, сообщаемыхъ самимъ авторомъ. Такъ напр. на стр. 158 т. II сообщается, какъ онъ въ засѣданіи Государственнаго Совѣта прямо заявилъ, что только одинъ изъ членовъ, бывший одного съ нимъ мнѣнія, исполнилъ свой долгъ. Въ этомъ случаѣ зазорное выраженіе его высокомерія прорвалось

въ пылу преній, въ другомъ же случаѣ оно высказалось въ гораздо сильнѣйшей степени по самому ничтожному поводу. Въ 1862 году король и королева нидерландскіе были въ Трианонѣ въ гостяхъ у императора и императрицы Французовъ; графъ Киселевъ, русскій посолъ, не былъ въ числѣ приглашенныхъ, между тѣмъ какъ были приглашены, какъ выражается авторъ, нѣкоторые «молодые» дипломаты: князь Меттернихъ, принцъ Рейсъ, Муру. «Я не былъ въ числѣ приглашенныхъ» пишетъ по этому поводу графъ¹⁾, «это понятно; но было бы совершенно прилично прислать приглашеніе и мнѣ, отъ котораго я конечно отказался бы. Господи! прости имъ, ибо не вѣдаютъ, что»... Графъ Киселевъ на столько компетентенъ въ вопросахъ этикета, что мы вѣримъ ему на слово, что дѣйствительно, по отношенію къ нему, этикетъ былъ нарушенъ и онъ совершенно правъ. Но что графъ Киселевъ, по случаю вопроса этикета, въ состояніи былъ примѣнить къ себѣ изреченіе Спасителя, произнесенное послѣ того какъ тѣ же самые люди, для спасенія конхъ Онъ шелъ на смерть, распинали Его—это доказываетъ высокоуміе по истинѣ колоссальныхъ размѣровъ!

Это его высокоуміе проявлялось не только въ рѣчахъ и по отношенію къ такимъ внѣшностямъ, каковы вопросы этикета, но въ концѣ концовъ и въ дѣйствіяхъ и въ упорной, глухой борьбѣ противъ прямаго своего начальника, при томъ на поприщѣ дипломатической службы, гдѣ подобная оппозиція меньше всего можетъ быть терпима, такъ какъ непосредственно можетъ невыгодно отзываться на политическихъ отношеніяхъ государствъ между собою. На эту непростительную, никоимъ образомъ не оправдываемую оппозицію посла противъ состоящаго въ главѣ русской дипломатіи министра было уже указано въ рецензій, помѣщенной въ *Journal de St. Pétersbourg* и составленной лицомъ очевидно компетентнымъ и вполнѣ знакомымъ со всѣмъ этимъ дѣломъ.

Чрезмѣрное развитіе самоуміи и чувства непогрѣшимости у графа Киселева объясняется опять таки тѣми благопріятными отношеніями, въ которыхъ онъ состоялъ къ императору Николаю Павловичу. Государь, убѣдившись разъ на всегда, что взглядъ Киселева на крестьянское дѣло совершенно совпадаетъ съ его мыслями и намѣреніями, узнавши на дѣлѣ, что Киселевъ никогда не отступится отъ дѣла изъ личныхъ или другихъ постороннихъ видовъ, но что также никогда не пойдетъ дальше предѣловъ, ука-

¹⁾ IV. 294.

занныхъ намѣреніями и желаніями Государя — оказывалъ ему почти неограниченное довѣріе. Такимъ образомъ Киселевъ привыкъ управлять Министерствомъ государственныхъ имуществъ совершенно самостоятельно и независимо отъ другихъ государственныхъ учреждений, считаясь только съ личною волею Государя. Онъ управлялъ своимъ министерствомъ какъ совершенно особымъ учрежденіемъ, не имѣющимъ ничего общаго съ прочими частями, какъ будто отдѣльнымъ государствомъ въ государствѣ. По сообщаемымъ авторомъ фактамъ можно прослѣдить, какъ эта привычка, не звать никакихъ посредниковъ между собою и Государемъ, и воспитанное симъ положеніемъ высокомѣріе, привели его къ скрытой борьбѣ противъ своего начальника и его политики, т. е. противъ политики Государя и Россіи!

Авторъ говоритъ (III. 6.): «что графъ Киселевъ, пользовавшійся такъ долго драгоценнымъ для подданнаго правомъ обращаться письменно и словесно непосредственно къ самому монарху, не могъ идти охотно на поприще, ставившее его въ зависимость, особенно въ общемъ направленіи дѣлъ, отъ министерства иностранныхъ дѣлъ». Дѣло шло о назначеніи его посломъ въ Парижъ послѣ заключенія мира въ 1856 году, гдѣ чрезвычайнымъ посломъ, почти самостоятельнымъ и съ обширными полномочіями, былъ пріятель и товарищъ его князь А. Ѳ. Орловъ. Для Россіи было тогда дѣломъ первой важности, установить отношенія къ Франціи на дружеской ногѣ. Слѣдовало продолжать дѣло сближенія, сначала правительства и дворовъ, а затѣмъ и самихъ государствъ, столь удачно начатое княземъ Орловымъ. Избираемый для достиженія этой цѣли посолъ, по этому, по положенію своему, долженъ былъ быть лице съ вѣсомъ, знакомое съ дѣлами, близкое къ Государю, по личнымъ качествамъ человекъ способный играть первую роль между дипломатами при дворѣ, наконецъ какъ представитель Россіи, побѣжденной въ послѣдней войнѣ, лице съ тактомъ и проникнутое чувствомъ собственнаго достоинства, чтобы при случаѣ легко и безъ особеннаго напряженія поддержать достоинство Россіи какъ великой державы. Трудно было бы выбрать, для исполненія этихъ задачъ, лице болѣе соответствующее всѣмъ необходимымъ требованіямъ, чѣмъ графъ Киселевъ. Назначеніе его было ему сообщено самимъ Государемъ въ самой лестной формѣ, какую только можно было придумать, въ формѣ просьбы о пожертвованіи. Графъ Киселевъ вездѣ и во всемъ являлся пламеннымъ патріотомъ. Своему патріотизму пожертвовалъ онъ отношеніями къ люби-

мой когда-то женѣ, по крайней мѣрѣ насколько намъ извѣстно. Итакъ его патріотическое чувство требовало, чтобы онъ вполнѣ и цѣликомъ отдалъ себя возложенной на него новой задачѣ. Съ самаго начала онъ дѣйствительно правильно смотрѣлъ на новое свое назначеніе: что, какъ ни тяжело ему было рѣшиться, онъ не вправѣ отказать и изъ преданности Государю долженъ былъ принять на себя эту новую должность.

Онъ писалъ тогда брату (III. 7.): «Я никогда ничего не просилъ для себя, не искалъ ни мѣстъ ни должностей и никогда не позволялъ себѣ отказываться отъ тѣхъ, которыя на меня возлагали». Рѣшившись разъ принять новую должность изъ патріотизма и преданности Государю, заявивши, что отстраняетъ отъ себя отвѣтственность за могущіе быть неуспѣхи и просить Государя принять оную на себя — онъ ужъ долженъ былъ вполнѣ, во всемъ и всегда, подчиняться условіямъ новаго положенія, отдаться весь обязанностямъ своей должности и подчиняться вполнѣ указаніямъ и руководству министра.

Къ сожалѣнію, графъ Киселевъ не такъ дѣйствовалъ. Въ упомянутой уже рецензій въ *Journal de St. Pétersbourg* изложены весьма основательныя соображенія по этому дѣлу и въ связи представленъ весь ходъ русской политики за время посольства Киселева; не желая повторять то, что такъ отчетливо и ясно изложено въ этой статьѣ, мы ограничимся указаніемъ на факты, которые рисуютъ образъ дѣйствія графа Киселева.

Онъ пишетъ брату, 8 августа 1856 г. (III. 8), т. е. въ то время, когда онъ еще управлялъ Министерствомъ государственныхъ имуществъ и вовсе еще не вступилъ въ должность посла: «Затрудненія ожидаютъ меня въ Парижѣ, но въ нихъ не будетъ недостатка и въ Петербургѣ; въ настоящую минуту я на заднемъ планѣ. Горчаковъ и Морни совѣщаются о дѣлахъ непосредственно. Я не мѣшаюсь теперь, но позже мы увидимъ». Въ послѣднихъ словахъ слышится его честолюбіе. Подчиненіе князю Горчакову ему очевидно тягостно. Князь А. М. Горчаковъ былъ десятью годами моложе Киселева и началъ свою служебную карьеру въ то время, когда Киселевъ былъ уже генераломъ. Когда послѣдній давно былъ Министромъ, Горчаковъ назначался посланникомъ при небольшомъ государствѣ, долгое время занималъ подобныя должности и лишь въ 1854 году назначенъ былъ посланникомъ въ Вѣну. Здѣсь, при непріязненномъ для Россіи направленіи австрійской политики, умѣлъ отстоять русскіе интересы съ такою настойчивостію и ловкостію,

что Государь, по заключеніи Парижскаго мира, назначилъ его Министромъ иностранныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ, въ концѣ служебной карьеры своей, графъ Киселевъ очутился подчиненнымъ лицу младшему лѣтами и службою. Въ царствованіе Императора Николая Павловича старшинство службы соблюдалось съ такою заботливостью и даже мелочностью, что оно породило чуть ли не мѣстническіе споры и расчеты. Графъ Киселевъ, который шелъ довольно скоро въ гору и оставлялъ за собою многихъ сверстниковъ, кажется не хотѣлъ допускать подобнаго повышенія за личныя заслуги въ другихъ, когда замѣшано было его честолюбіе. Кромѣ того онъ очевидно не могъ забыть, что князь Орловъ, котораго онъ привыкъ считать своимъ, хотя старшимъ, товарищемъ, не давно былъ въ Парижѣ посломъ совершенно самостоятельнымъ. Очевидно, его честолюбіе заставляло его мечтать, что онъ фактически будетъ играть подобную же первенствующую роль. Между тѣмъ на первыхъ же порахъ пребыванія въ Парижѣ ему готовилась непріятность — тяжелая для его щекотливаго самолюбія, пишетъ авторъ. Это было извѣстное дѣло о Болградѣ. Дѣло шло объ истолкованіи точнаго смысла ст. 20 Парижскаго трактата и поэтому положено было, рассмотреть этотъ вопросъ вновь въ конференціи изъ тѣхъ уполномоченныхъ, которые участвовали въ подписаніи мирнаго договора. Если бы даже неучастіе посла въ этомъ дѣлѣ ставило его въ неловкое положеніе, все же такъ какъ это неучастіе основывалось на обстоятельствахъ, вытекавшихъ изъ сущности разсматриваемаго вопроса, то онъ могъ *faire bonne mine au malvaïs jeu*. Однако гр. Киселевъ глубоко раздраженъ; онъ пишетъ брату (III 12—13): «я нахожусь въ минуту кризиса... я не могу и не хочу быть куклою; я отстранился и написалъ князю Горчакову, что можно отозвать посла, но не отстранять его временно; что я устраняю мое личное достоинство, но не могу себя компрометтировать какъ посла и потому прошу испросить разрѣшеніе Государя... я рѣшился не позволять подставлять мнѣ ногу и считаю себя почти счастливымъ, что представляется причина къ удаленію отъ дѣлъ... Я ожидаю не горячась и сдѣлаю то, что я долженъ сдѣлать». Несмотря на это горячее заявленіе графъ Киселевъ остался посломъ, хотя не участвовалъ въ конференціи и неизвѣстно какія получилъ успокоенія изъ Петербурга. Если бы получилъ блестящее удовлетвореніе, то при той важности, какую придавалъ подобнаго рода дѣламъ, непременно записалъ бы о томъ въ дневникъ или упомянулъ бы въ письмахъ къ брату. Въ

концѣ концовъ большая щекотливость, сильное и совершенно напрасное раздраженіе и никакихъ послѣдствій!

Съ парижскимъ обществомъ графъ Киселевъ скоро свыкся и пользовался въ немъ большимъ почетомъ и уваженіемъ, при томъ со стороны лицъ самыхъ различныхъ партій. Императоръ, который тогда былъ въ апогеѣ своей силы, и въ особенности императрица, видимо отличали его, и онъ былъ въ весьма близкихъ отношеніяхъ къ обоимъ и очень дорожилъ этими отношеніями. Хотя это не мѣшало ему примѣчать и вѣрно оцѣнивать слабыя стороны и промахи императорскаго правительства, однако оно повліяло на него столько, что онъ рекомендовалъ политику, которую можно назвать политикой страха. Въ запискѣ, представленной Государю въ Киссингенѣ въ іюнѣ 1857 года, мы читаемъ (III 28):

«Было бы въ интересѣ Франціи, еслибъ Наполеонъ привлекъ къ себѣ значительныхъ людей прошлаго царствованія и употреблялъ бы съ разумніемъ... успѣхъ былъ бы несомнѣнный, но воля монарха подчиняется корыстнымъ стремленіямъ его приближенныхъ; это—роковое послѣдствіе его происхожденія... Тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что положеніе его во Франціи и въ Европѣ могущественное, что умѣренность, которую онъ обнаруживаетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, доставляетъ ему рѣшительный перевѣсъ въ направленіи дѣлъ... что всего вреднѣе для него увлеченіе опасными предпріятіями, къ которымъ онъ склоненъ. Если все это вѣрно, то удержаніе Наполеона во главѣ Франціи не только желательно, но для Европы настоятельно необходимо... Страхъ красной республики, которая одна можетъ воцариться послѣ Наполеона, составляетъ его силу и покоряетъ ему умы людей, которые, по своему прошлому, лично ему враждебны. Европа хорошо сдѣлала бы, послѣдовавъ ихъ примѣру». Несмотря на положительное желаніе сближенія съ Франціею, ни Государь ни министръ не могли рѣшиться принять програму, которая возвела бы въ систему политику страха. Для Киселева же рекомендованная имъ разъ политика осталась на всегда единственно умною и правильною. Такъ какъ князь Горчаковъ, къ счастью Россіи, отклонилъ эту политику, то и началась глухая борьба Киселева противъ него, выразившаяся не то въ простодушныхъ не то въ странныхъ и неумѣстныхъ попыткахъ настоять на своемъ, попыткахъ, которыя со временемъ приняли болѣе рѣзкую форму. Такъ напр. передъ свиданіемъ Государя съ императоромъ Французовъ въ Штутгартѣ, онъ, не имѣя никакого порученія, составилъ програму для

этого свиданія, которую Государь устранилъ словами: «Тутъ много здравыхъ идей, но мы уже сочинили програму». Убѣдившись, что князь Горчаковъ не поддается его взглядамъ, Киселевъ выражаетъ свое неудовольствіе, записывая о немъ (III. 39): «Онъ говоритъ мнѣ между прочими пустяками, что ищетъ человѣка, который помогъ бы ему уничтожить параграфы Парижскаго трактата, касающіеся Черноморскаго флота и границы Бессарабіи; что онъ его ищетъ и найдетъ». Довольно странно читать подобное ироническое заявленіе въ дневникѣ русскаго государственнаго человѣка. Со стороны Киселева оно объясняется отчасти тѣмъ, что онъ считалъ союзъ съ Франціею дѣломъ гораздо болѣе важнымъ, нежели отмѣну неблагопріятныхъ для Россіи статей Парижскаго трактата. По его мнѣнію, Россія въ союзѣ съ Франціею могла достигнуть преобладанія даже въ Азіи. Желая союза Россіи съ Франціею, при сохраненіи и развитіи существовавшаго уже союза съ Пруссіею, Киселевъ впрочемъ отстранялъ всякую мысль объ участіи Россіи въ войнѣ для передѣлки карты Европы (III. 77). Когда, въ отвѣтъ на его политическую исповѣдь, князь Горчаковъ писалъ ему, что «Государь прочиталъ съ живѣйшимъ интересомъ его сообщеніе о его пребываніи въ Компіенѣ», графъ Киселевъ не понялъ заключающееся въ этомъ отвѣтѣ вѣжливое, и для всякаго другаго вразумительное, отклоненіе его видовъ и проектовъ, и постоянно возвращался къ своему проекту оборонительнаго союза.

Его пристрастіе къ этому союзу дѣлаетъ его положительно слѣпымъ относительно политики императора Наполеона. Такъ, извѣстное рѣзкое обращеніе Наполеона къ австрійскому послу, барону Гюбнеру, по поводу Италіи, Киселевъ объяснялъ неудовольствіемъ Наполеона австрійскою политикою относительно Сербіи и придунайскихъ княжествъ. Такое объясненіе льстило самолюбію графа Киселева, ибо такой оборотъ означалъ бы побѣду русской политики и доказывалъ бы справедливость его предположеній. Онъ былъ такъ ослѣпленъ, что на-слово вѣрилъ миролюбивымъ увѣреніямъ Валуевскаго, Морни и самого Наполеона — и только въ концѣ февраля убѣдился въ лживости этихъ увѣреній и, какъ замѣчаетъ авторъ, съ горечью записалъ: «Можно расшатать весь міръ, когда рычагомъ служить собственная смышленность, а точкою опоры глупость другихъ» (III. 81—88). Къ счастью, русская политика въ свое время не поддавалась внушеніямъ графа Киселева; поэтому никакихъ міровыхъ расшатаній не послѣдовало и война оставалась локализованною. Киселевъ выражается о Наполеонѣ весьма

презрительно: (III. 89). «Надо признаться, что въ послѣдніе 14 мѣсяцевъ замѣчается большое колебаніе въ дѣйствіяхъ правительства. Глубокія соображенія уступаютъ мѣсто безразсуднымъ поступкамъ и можно подуматъ, что сфинксъ ни что иное, какъ фягляръ. Въ Тюльери упоены властью и спотыкаются». Другой, менѣе пропитанный чувствомъ собственнаго достоинства, созналъ бы ошибочность своихъ сужденій. Не такъ графъ Киселевъ. Онъ остается при своемъ мнѣніи, ему и въ голову не приходитъ, что онъ могъ ошибиться (III. 100); напротивъ, онъ кажется недоволенъ, что не слушаютъ его совѣта, и отзываясь не иначе, какъ проницательно о князѣ Горчаковѣ (напр. 115. 235). Явное пристрастіе его къ императорскому правительству Франціи поразило принца-регента прусскаго. По этому поводу онъ записываетъ въ дневникѣ: «Я хорошо это зналъ и желаю, чтобъ мой взглядъ послужилъ на пользу Пруссіи и для упроченія европейскаго мира». Видно, опытъ прошель для него даромъ и несмотря на сознанную неблагонадежность политики Наполеона и презрительный отзывъ о смышленности его и глупости прочихъ, онъ не отказывался отъ заявленнаго разъ мнѣнія о пользѣ русско-французскаго оборонительнаго союза. Къ счастью Россіи Государь и князь Горчаковъ относились съ большею осторожностью и проницательностью къ французской политикѣ. Весьма любопытно то, что записано о словахъ Государя въ дневникѣ Киселева (III. 129 и 130). Но на Киселева это не подѣйствовало, онъ опять остался при своемъ мнѣніи и занялся составленіемъ новой записки о необходимости Наполеона для Европы. Ему и на умъ не приходило, что онъ могъ ошибиться, что на основаніи его же данныхъ можно прійти къ другимъ выводамъ, нежели онъ. Въ концѣ 1859 года онъ сталъ замѣчать холодность Наполеона къ Россіи (III. 137). Въ началѣ 1860 года, когда князь Горчаковъ отклонилъ участіе въ конгрессѣ, потому что послѣднему довелось бы утвердить сдѣлку, заключенную уже между Франціею и Англіею, Киселевъ записываетъ въ своемъ дневникѣ: «я вполнѣ сочувствую воздержанности кн. Горчакова относительно конгресса, съ чѣмъ и поздравляю его». При его образѣ выраженія неизвѣстно, поздравляетъ ли онъ его съ воздержанностью относительно конгресса, или съ тѣмъ что онъ, графъ Киселевъ, сочувствуетъ его воздержанности. Вскорѣ послѣ того сдѣлалась извѣстною уступка Савойи и Ниццы. Киселевъ и тутъ не понялъ или не хотѣлъ понять, что Россія, еслибы слѣдовала его совѣту и заключила оборонительный трактатъ съ Франціею, очутилась бы въ

весьма неловкомъ и ложномъ положеніи относительно другихъ державъ. Изъ выдержекъ, напечатанныхъ на стр. 166 (III, т.), видно, что никакихъ подобныхъ соображеній у него не появлялось, и что онъ считаетъ себя чуть ли не непогрѣшимымъ. Въ это время Великая Княгиня Елена Павловна предлагала графу Киселеву возвратиться въ Петербургъ для участія въ учреждавшихся комитетахъ по крестьянскимъ дѣламъ или въ Государственномъ Совѣтѣ. Великая Княгиня дѣйствительно всегда высоко цѣнила дарованія и заслуги графа Павла Дмитриевича, и, вѣроятно, зная о разладѣ его съ княземъ Горчаковымъ, хотѣла ему облегчить выходъ изъ ложнаго положенія, въ которое онъ самъ себя поставилъ. Но графъ Киселевъ видѣлъ въ этомъ предложеніи только интригу, чтобы очистить мѣсто посла въ Парижѣ для другаго лица. На стр. 186 онъ съ злорадствомъ записываетъ о неудачѣ мѣры, предписанной ему княземъ Горчаковымъ. Подобное злорадство при неудачахъ русской политики повторяется нѣсколько разъ (ср. 315—317). Къ Варшавской конференціи русскихъ пословъ, во время свиданія Государя съ принцрегентомъ прусскимъ и австрійскимъ императоромъ, графъ Киселевъ опять приготовилъ неизбѣжную записку объ оборонительномъ союзѣ между Франціею и Россіею. Государь ограничился написать на ней слова «противъ кого?» Этотъ весьма естественный и простой вопросъ заключаетъ въ себѣ весьма мѣткую и всетаки мягкую критику, которая для всякаго другаго была бы вполне попятна. Вслѣдъ за тѣмъ Государь два раза предлагалъ ему предсѣдательство въ Государственномъ Совѣтѣ; не смотря на это, не смотря на убѣжденія князя Горчакова, графъ Киселевъ отказался отъ предложенія. Этимъ отказомъ онъ сталъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, съ тѣмъ правиломъ, которое онъ самъ провозглашалъ началомъ, коимъ всегда руководствуется: «я никогда не позволялъ себѣ отказываться отъ должностей, которыя на меня возлагали». Конечно, если дѣйствительно его здоровье не позволяло ему принять эту новую должность, онъ имѣлъ полное право отказаться отъ нея, но тогда обязанъ былъ просить отставку отъ должности посла. Какое бы высокое мнѣніе о своихъ дипломатическихъ способностяхъ онъ не имѣлъ, но онъ долженъ былъ понять, что предложеніе Государя могло быть вѣжливымъ намекомъ, что онъ, по существовавшимъ отношеніямъ, въ Парижѣ не на своемъ мѣстѣ. Дипломатическій агентъ весьма часто можетъ быть usé, какъ справедливо замѣчаетъ рецензентъ *Journal de St. Pétersbourg*, даже безъ всякихъ ошибокъ съ его стороны. Въ такихъ слу-

чаяхъ государственный интересъ требуетъ немедленнаго замѣщенія, и этимъ интересомъ нельзя жертвовать въ угоду щекотливости какой бы то ни было личности. Странно, что его патриотическое чувство не внушило графу Киселеву этихъ столь простыхъ соображеній. Въ немъ заговорило одно самолюбіе; онъ видѣлъ въ предложеніи незаслуженную немилость и личную интригу противъ себя. Авторъ защищаетъ Киселева и какъ бы раздѣляетъ его мнѣніе, что несочувствіе Петербургскаго кабинета императору Наполеону основывалось на сплетняхъ русскихъ туристовъ. Авторъ здѣсь совершенно забываетъ, что осторожная и сдержанная политика русскаго правительства основывалась очевидно на тѣхъ признакахъ ненадежности и легкомыслія, на которыя, въ свое время, указывалъ самъ Киселевъ въ своихъ сообщеніяхъ.

Такъ какъ всѣ попытки, побудить Киселева отказаться отъ посольства, оставались тщетными, правительство, не желая его прямо отозвать, назначило ему въ помощь чрезвычайнаго посланника. Тутъ наконецъ Киселевъ подалъ въ отставку, но не чрезъ Министерство иностранныхъ дѣлъ, а чрезъ Министерство военное.

Даже теперь онъ не допускалъ мысли, что было его обязанностью или по крайней мѣрѣ патриотично, подчиниться политикѣ князя Горчакова. Сдержанныя заявленія Будберга онъ очевидно истолковывалъ въ свою пользу, а вѣжлиное письмо Горчакова бѣсило его, потому что въ немъ о его дѣятельности въ качествѣ посла, когда онъ съ самаго начала старался провести свою политику и мѣшать политикѣ канцлера, вовсе не было упомянуто. Его огорчило, что наслѣдный принцъ виртембергскій и Великая Княгиня Ольга Николаевна, при встрѣчѣ съ нимъ, не коснулись его отставки. Онъ даже не понималъ, что именно со стороны сестры Государя и иностраннаго принца какое бы то ни было заявленіе по дѣлу, рѣшенному Государемъ, было рѣшительно неумѣстнымъ.

При изложеніи обстоятельствъ, сопровождавшихъ отставку графа Киселева, пристрастіе автора и односторонность его взгляда проявляются довольно рѣзко. На стр. 296 мы читаемъ: «При укоренившемся въ немъ (гр. Киселевѣ) убѣжденіи о непріязненныхъ отношеніяхъ къ нему министра иностранныхъ дѣлъ и при несогласномъ съ его политическими взглядами направленіи Петербургскаго кабинета, которому онъ невольно (sic!) долженъ былъ подчиняться, онъ въ началѣ 1862 года принялъ твердое рѣшеніе выдти въ отставку по возвращеніи съ водѣ». Странное выраженіе, что посолъ *«невольно долженъ былъ подчиняться»*, какъ бы указываетъ, что, по мнѣнію

автора, онъ можетъ быть и не былъ обязанъ подчиниться, или что собственно министръ долженъ былъ подчиниться мнѣнію Киселева, и что послѣдній только «невольно» подчинился! Авторъ такъ облѣпленъ, что даже не замѣчаетъ, что князя Горчакова можно упрекнуть развѣ въ томъ, что поступалъ слишкомъ деликатно относительно Киселева.

Чтобы прославить проницательность графа Киселева авторъ пишетъ: «Наполеонъ III въ это время (1869 году) находился на вершинѣ своего могущества; Европа его боялась. Графъ Киселевъ однако же, не совсѣмъ вѣрилъ въ прочность его положенія и особенно его династіи». Тутъ первое предложеніе совершенно невѣрное. Наполеонъ въ 1869 году вовсе не находился на вершинѣ своего могущества. Мексиканская экспедиція кончилась разстрѣляніемъ императора Максимилиана; еще въ 1866 году Тьеръ сказалъ свое знаменитое: *il n'y a plus une faute à commettre*; Наполеонъ уже начиналъ дѣлать уступки либерализму и оппозиція все усиливалась, со всѣхъ сторонъ стали указывать на шаткость его положенія. Напротивъ того, на вершинѣ своего могущества онъ находился развѣ 10 лѣтъ тому назадъ, въ 1859 году. Все это мы знаемъ и независимо отъ записокъ графа Киселева. Изъ наблюдений же Киселева мы узнаемъ, что послѣдній еще въ 1859 году указывалъ на признаки упадка власти Наполеона.

Это отсутствіе критики, эту односторонность, это пристрастіе проявляются во всемъ и вездѣ, гдѣ только возможно выставлять графа Киселева съ хорошей стороны.

Читая напр. о дѣятельности Киселева, какъ начальника штаба 1-й арміи передъ войною 1828 года, что будто бы все было и предусмотрѣно и приготовлено, между тѣмъ какъ на дѣлѣ оказалось въ послѣдствіи, что далеко не все было какъ слѣдовало, читатель невольно приходитъ въ недоумѣніе. Очевидно, весьма основательно мнѣніе князя Васильчикова ¹⁾, что тутъ, кромѣ другихъ, можетъ быть, самыхъ важныхъ причинъ, была и неопытность начальника штаба.

Графъ М. А. Корфъ выражается, что Киселевъ «изъ хвастливаго честолюбія далъ конституцію румынскимъ княжествамъ». Авторъ совершенно справедливо замѣчаетъ на это, что органическій регламентъ не политическій, а лишь административный актъ. Этимъ за-

¹⁾ Русская Старина 1881. Т. XXX, стр. 103.

мѣщаніемъ несправедливое и отчасти злое обвиненіе графа Корфа достаточно отвергнуто, и всякій, желающій составить себѣ самостоятельное мнѣніе объ этомъ дѣлѣ, можетъ убѣдиться въ справедливости того, что говорится у автора, читая органическій регламентъ. Но для автора этого недостаточно, онъ въ своемъ рвеніи желаетъ устранить всякую возможность нападеній на Киселева по поводу регламента. Но какъ это сдѣлать? Надо доказать, что Киселевъ тутъ не причемъ, что регламентъ составленъ не имъ, а независимо отъ него, въ Петербургѣ. Можетъ быть, что дѣйствительно такъ и было. Однако это можно было бы доказать единственно на основаніи положительныхъ данныхъ, изложеніемъ, на основаніи документовъ, исторіи составленія регламента въ Петербургѣ. Не такъ поступаетъ авторъ: онъ ссылается не на факты, а на сужденія весьма умнаго писателя Сень-Маркъ-Жирардена, при чемъ онъ тутъ же приводитъ изреченіе этого писателя: *Le général Kisseleff est un organisateur. Actif, infatigable, impérieux, aimant à commander, aimant à faire, ne craignant ni les détails, ni les rédites, il trouva dans les principautés de quoi exercer ses talents, car tout était à faire et à organiser; il fit tout et organisa tout*, изреченіе, приписывающее все дѣло Киселеву! Наконецъ онъ упустилъ изъ виду, что самъ Киселевъ приписывалъ себѣ честь составленія регламента (III. 23), о чемъ записано въ протоколѣ Парижской конференціи: «Я и прежде думалъ также, какъ то свидѣтельствуешь составленный мною регламентъ для этихъ княжествъ». Тутъ уже рѣшительно видно отсутствіе всякой критики со стороны автора.

Другой примѣръ, какъ авторъ безъ всякой критики принимаетъ все, что, такъ или иначе, можетъ служить въ оправданіе или восхваленіе графа Киселева, представляетъ слѣдующее мѣсто изъ его книги. Чтобы доказать, что вслѣдствіе постоянныхъ стараній графа Киселева объ облегченіи повинностей государственныхъ крестьянъ и увеличеніи ихъ надѣла, положеніе ихъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ было болѣе выгодное, нежели положеніе крестьянъ, живущихъ на помѣщичьихъ земляхъ, авторъ говоритъ между прочимъ: «Наконецъ крестьяне, жившіе въ казенныхъ имѣніяхъ въ Лифляндіи, не принимали никакого участія, ни въ 1841 году, ни въ послѣдующее время, въ религіозномъ движеніи, главною причиною котораго было тягостное, не обезпеченное ничѣмъ положеніе крестьянъ, жившихъ на помѣщичьихъ земляхъ». Авторъ очевидно убѣжденъ въ справедливости того, что говоритъ, но это не можетъ создавать факта. Дѣло въ томъ, что такого факта вовсе не было, объ чемъ

всякій, кто пожелаетъ, можетъ удостовѣриться на мѣстѣ, гдѣ матеріалъ и свидѣтели на лицѣ. Были приходы, въ которыхъ крестьяне, жившіе въ казенныхъ имѣніяхъ, не принимали никакого въ этомъ движеніи участія или принимали весьма незначительное, но были и такіе приходы, въ которыхъ крестьяне, жившіе на помѣщичьихъ земляхъ, вовсе не участвовали въ этомъ движеніи или участвовали въ небольшомъ числѣ, между тѣмъ какъ казенные крестьяне того же прихода сильно вдались въ него. Одинъ приходъ, состоявшій только изъ казенныхъ крестьянъ, жившихъ совершенно отдѣльно на небольшомъ островѣ, весь, за исключеніемъ одного семейства, перешелъ въ православіе.

Какъ мало иной разъ заботился авторъ объ основательности и точности того, что утверждаетъ или сообщаетъ, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ.

На стр. 330, т. II, авторъ пишетъ: «Мы не знаемъ, было ли графу Киселеву, при отъѣздѣ его изъ Россіи, извѣстно что либо о намѣреніяхъ Государя по крестьянскому вопросу». Если вспомнить, что въ концѣ марта 1856 года Государь обратился къ представителямъ дворянства Московской губерніи съ извѣстною рѣчью, которая на дѣлѣ была исходною точкою всего крестьянскаго дѣла, и уже въ то время возбудила сильное вниманіе, что Ланской избралъ Левшина, директора департамента министерства государственныхъ имуществъ, въ свои товарищи, именно съ цѣлью, поручить ему крестьянское дѣло, что Левшинъ уже занимался составленіемъ записки по этому дѣлу, что о крестьянскомъ дѣлѣ начались уже толки въ разныхъ кружкахъ общества, что во время коронаціи велись уже переговоры по этому дѣлу съ предводителями дворянства, то врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что возбужденіе этого дѣла графу Киселеву было не безъизвѣстно. Въ его дневникѣ и другихъ бумагахъ очевидно нѣтъ никакихъ отиѣтокъ по этому поводу. Авторъ, чтобы Киселева выставить по возможности въ выгодномъ свѣтѣ, выводитъ отсюда заключеніе, что ему объ этомъ вѣроятно ничего не было извѣстно, мысль, которую, впрочемъ, весьма осторожно выражаетъ такъ: *намъ* объ этомъ ничего неизвѣстно. Однако гораздо вѣроятнѣе предположеніе, что нѣтъ никакихъ слѣдовъ этого дѣла въ его бумагахъ, потому что ему неприятно было, что это дѣло поручено не ему, а другому. Весьма странно то обстоятельство, что Киселевъ, вступая на дипломатическую арену и отправляясь въ Парижъ, жалѣлъ только свое «бѣдное министерство, которое оставлялъ на произволъ всѣхъ вѣтровъ,

безъ компаса и безъ кормчаго! 20 лѣтъ непрерывныхъ и добросовѣстныхъ трудовъ, которые, вѣроятно, будутъ поглощены и потеряны! Грустно, но наконецъ... и ни слова о крестьянскомъ вопросѣ, какъ будто онъ былъ уже разрѣшенъ министерствомъ государственныхъ имуществъ.

На той же страницѣ авторъ сообщаетъ объ учрежденіи и составѣ секретнаго комитета по крестьянскому дѣлу. Намъ давно извѣстна исторія этого комитета и авторъ имѣлъ бы полное право не вдаваться въ подробности. Но, сообщая объ немъ подробности, онъ обязанъ былъ справиться о вѣрности ихъ, тѣмъ болѣе, что авторъ — лице, участвовавшее въ крестьянскомъ дѣлѣ. Въ данныхъ автора много погрѣшностей: невѣрно, что Великій Князь Константинъ Николаевичъ съ самаго начала состоялъ членомъ этого комитета, напротивъ того, онъ назначенъ лишь во второй половинѣ 1857 года членомъ комитета; невѣрно, что Тимашевъ назначенъ членомъ комитета, членомъ назначенъ князь Долгоруковъ, а Тимашевъ его заступалъ во время его отсутствія; графа Блудова авторъ совсѣмъ опустилъ, какъ будто его въ этомъ комитетѣ вовсе и не было.

Въ другомъ мѣстѣ авторъ пишетъ (II. 96):

«Отчетъ (по министерству государственныхъ имуществъ) далѣе указывалъ, какъ на одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ къ ослабленію пороковъ между крестьянами, на учрежденіе домашняго суда или расправы... По свѣдѣніямъ, собраннымъ по 35 великороссійскимъ губерніямъ, гдѣ расправы воспріяли свое дѣйствіе съ 1840—1841 годовъ, уже было замѣчено уменьшеніе числа уголовныхъ преступниковъ изъ государственныхъ крестьянъ. Уменьшеніе это состоялось въ слѣдующей пропорціи: въ 1840 году находилось подъ судомъ 8,296, въ 1841 году 6,709, а въ 1842 году только 6,009, изъ нихъ осуждено въ первомъ году 4,457, во второмъ 3,010, въ третьемъ 2,379. Такимъ образомъ, число преступниковъ по великороссійскимъ губерніямъ въ теченіе трехъ лѣтъ уменьшилось вдвое, тогда какъ въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ расправы не воспріяли дѣйствія, число преступниковъ не уменьшается». Если даже положимъ, что статистическія данныя начала сороковыхъ годовъ могутъ имѣть серьезное значеніе (а это по образу сочиненія статистическихъ отчетовъ въ то время весьма сомнительно), то все таки эти числа ничуть не оправдываютъ выводовъ автора. Уменьшеніе числа подсудимыхъ просто объясняется тѣмъ, что часть дѣлъ, подлежащихъ прежде обсужденію уголовныхъ

судовъ, перешла въ крестьянскія расправы. Уменьшеніе же числа осужденій явленіе слишкомъ сложное, чтобъ можно было его такъ съ перваго взгляда и объяснить.

Весьма странно, что авторъ, который справедливо обратилъ столько вниманія на изображеніе личныхъ отношеній графа Киселева къ Императору Николаю, даже не упомянулъ о кончинѣ послѣдняго, тѣмъ болѣе не изложилъ, какое вліяніе смерть эта имѣла на все положеніе перваго. Нельзя же предполагать, что въ его запискахъ или письмахъ не нашлось ни одной строки, относящейся до кончины Николая Павловича. Если же дѣйствительно въ его бумагахъ не нашлось ни одной строки объ этомъ событіи, то это обстоятельство составляло бы не безъинтересную черту въ характерѣ графа Киселева. Замѣтимъ кстати, что авторъ даже не сдѣлалъ попытки изобразить отношенія графа Киселева къ Наслѣднику, Александру Николаевичу, и положеніе его въ первое время новаго царствованія.

Авторъ, какъ мы видѣли, утверждаетъ, что жизнь графа Киселева выражала собою постоянное стремленіе къ нравственному идеалу законности и правды. Говоря вообще, онъ правъ: графъ Киселевъ не любилъ и осуждалъ произволъ. Однако законность и право не стояли надъ нимъ, выше его, но подъ нимъ въ его распоряженіи, онъ ихъ признавалъ пока считалъ необходимымъ и полезнымъ, однимъ словомъ по собственному своему усмотрѣнію. Такъ напр. нельзя отрицать справедливости упрека, дѣлаемаго Киселеву Корфомъ, что онъ ложный оберегатель казеннаго интереса, хотя конечно могъ бы выражаться мягче. Справедливость этого упрека явствуется изъ того, что сообщается на стр. 158 (II т.), гдѣ Киселевъ отстаиваетъ свое мнѣніе о томъ, что давность не распространяется на казну, между тѣмъ какъ законъ императрицы Екатерины, вошедшій въ Сводъ Законовъ, не допускалъ никакого исключенія въ пользу казны; но, какъ видно, уже тогда администрація привыкла руководствоваться не законами, а распоряженіями начальства.

Чтобы доказать свое положеніе, что графъ Киселевъ въ своемъ управленіи министерствомъ государственныхъ имуществъ руководствовался строгою законностью, авторъ приводитъ выдержки и цѣлыя фразы изъ его инструкцій, распоряженій и изъ его объясненій къ всеподданнѣйшимъ отчетамъ ¹⁾. Это все равно, что доказывать

¹⁾ II. 189—190.

господство законности въ управленіи Россіи тѣмъ, что въ основныхъ законахъ сказано: «Имперія Россійская управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ»; или утверждаютъ, что толкованіе законовъ у насъ совершается примѣрнымъ образомъ, потому что въ законахъ сказано: «законы должны быть исполняемы по точному смыслу оныхъ, не допуская обманчиваго непостоянства самопроизвольныхъ толкованій»; или сказать, что, по прежнему порядку производства взысканій по гражданскимъ дѣламъ, все обстояло хорошо, такъ какъ въ законѣ сказано было, что «взысканія производятся съ скоростью и съ строгостью».

Подобнымъ образомъ авторъ оправдываетъ управленіе государственными имуществами отъ упрека въ излишнемъ вмѣшательствѣ по дѣламъ крестьянъ и въ излишнемъ попечительствѣ надъ ними. Его оправданіе состоитъ въ изложеніи того порядка, какого все управленіе и въ частности окружные начальники по закону и инструкціямъ должны были держаться. Авторъ не замѣчаетъ, что онъ этимъ ничего не доказываетъ, такъ какъ, на самомъ дѣлѣ окружные начальники дѣйствовали иначе, и нельзя отрицать, что, управленіе было слишкомъ сложное и слишкомъ дорогое. Въ концѣ концовъ, на стр. 171, авторъ принужденъ признать основательность высказанныхъ упрековъ. Сообщая, что и самъ Киселевъ созналъ необходимость рѣшительныхъ измѣненій, онъ прибавляетъ: «графъ Киселевъ, однако же, не успѣлъ этого сдѣлать (замѣчаніе о необходимости измѣненій было сдѣлано въ 1842 году а Киселевъ оставался полновластнымъ министромъ по 1856 годъ), сознавая, быть можетъ, что не наступило къ тому еще время». Подобными бездоказательными фразами можно все оправдать!

Также изъ прежняго времени можно привести примѣры, что П. Д. Киселевъ не всегда заботился о законности или гуманности предлагаемыхъ имъ мѣръ. Такъ, онъ предлагалъ, для усиленія Черноморскаго казачьяго войска, переселить 25,000 малороссійскихъ казаковъ (I. 66). Когда онъ сдѣлался начальникомъ штаба первой арміи, онъ предлагалъ перевести престарѣлыхъ генераловъ въ корпуса, не принадлежащіе къ арміи (II. 103). Доказывая, какъ вредно дѣйствуетъ на солдатовъ отдача бродягъ въ полки, онъ предлагалъ отдавать ихъ не въ армію, а въ корпуса, не состоявшіе подъ его начальствомъ (II. 212).

На стр. 191 т. II мы читаемъ: «графъ Киселевъ не только противился увеличенію прямыхъ съ крестьянъ налоговъ, но, по возможности, старался облегчать тягость ихъ. Такъ, въ виду значитель-

наго возвышенія, по новой ревизіи, оклада подушныхъ податей и земскихъ сборовъ, сборъ общественный, употребленіе котораго зависѣло непосредственно отъ министра государственныхъ имуществъ, въ 1853 году былъ имъ уменьшенъ на 506,876 руб. въ годъ. Этотъ образъ дѣйствія министра вызываетъ полное сочувствіе со стороны автора; если не ошибаемся автору въ особенности сочувственно, что министръ поступилъ такъ изъ состраданія къ ближнему. Состраданіе—прекрасное чувство, но когда дѣло идетъ о государственныхъ податяхъ и повинностяхъ, то тутъ никакія соображенія состраданія не умѣстны. Благотворительность сама по себѣ и платежъ податей самъ по себѣ! Здѣсь возможно только одно изъ двухъ: или общественный сборъ могъ быть сокращенъ безъ ущерба дѣлу, тогда, значить, онъ былъ назначенъ въ излишество и слишкомъ высоко и его слѣдовало сокращать во всякомъ случаѣ, независимо отъ повышенія подушнаго оклада — или онъ не былъ назначенъ въ излишество, а назначался дѣйствительно на расходы необходимые, на удовлетвореніе положительныхъ потребностей, тогда нельзя было его уменьшать и уменьшеніе необходимо должно было вредно подѣйствовать на общественное хозяйство и быть крестьянъ.

Самая важная часть дѣятельности графа Киселева относилась къ крестьянскому вопросу и въ частности къ управленію государственными крестьянами. Своею дѣятельностью на этомъ поприщѣ онъ приобрѣлъ себѣ нѣсколько вѣрныхъ сотрудниковъ и восторженныхъ поклонниковъ, но еще больше непримиримыхъ враговъ. Онъ разошелся почти со всѣми прежними пріятелями; только члены Императорскаго дома не измѣнялись по отношенію къ нему и онъ, своею дѣятельностью въ пользу крестьянъ, приобрѣлъ на всю жизнь расположеніе и дружбу Великой Княгини Елены Павловны. Графъ Корфъ, хотя вовсе не поклонникъ графа Киселева, и, по мнѣнію автора, скрытый врагъ его, выражается, что разрѣшеніе крестьянскаго вопроса Киселевъ называлъ своимъ призваніемъ на землѣ. Хотя у Корфа это выраженіе приведено не въ дружелюбномъ смыслѣ, однако въ немъ заключается болѣе вѣрная характеристика дѣятельности Киселева, нежели въ восторженномъ заявленіи автора, что послѣдній стремился къ нравственному идеалу законности, правды и гуманности. Второй томъ сочиненія Заблоцкаго Десятовскаго, въ которомъ заключается описаніе устройства и управленія Киселевымъ министерства государственныхъ имуществъ и участія его въ крестьянскомъ вопросѣ, самый любопыт-

ный и самый важный для исторіи Россіи. Изъ него много весьма любопытныхъ фактовъ дѣлаются впервые извѣстными, и только вслѣдствіе появленія этого сочиненія разъяснились вполне и документально отношеніе Императора Николая Павловича къ крестьянскому вопросу и психологическія причины, побудившія Императора Александра Николаевича приступить къ разрѣшенію его. (II. 208). Къ сожалѣнію, пристрастіе и въ этомъ дѣлѣ побуждаетъ автора преувеличивать значеніе графа. Выше мы привели изреченія автора, въ которыхъ онъ провозглашаетъ: что исторія не забудетъ, что Киселевъ, первый изъ государственныхъ людей Россіи, сталъ утверждать, что наступило время обратить вниманіе на несчастное положеніе крестьянъ, этихъ жертвъ своего невѣжества и безучастнаго къ нимъ отношенія со стороны властей. Мы готовы отдать полную справедливость дѣятельности графа Киселева, но — дѣятельности, каковою она была на самомъ дѣлѣ, а не той, которая рисуется въ воображеніи автора. Мы готовы признать, что дѣйствительно П. Д. Киселевъ былъ въ счастливомъ положеніи, что, первый изъ государственныхъ людей, могъ положительно дѣйствовать для улучшенія быта государственныхъ крестьянъ и на самомъ дѣлѣ дѣйствовалъ съ полною энергіею, съ любовью, непоколебимо, безъ всякаго посторонняго расчета, и что постоянно имѣлъ въ виду приступить къ улучшенію быта и помѣщичьихъ крестьянъ. Приписать же ему первую мысль о томъ, что наступило время обратить вниманіе на несчастное положеніе крестьянъ — это значитъ умалить честь другихъ государственныхъ людей. Первые, которые обратили вниманіе Императора Александра I на несчастное положеніе крестьянъ и на необходимость приступить къ измѣненію ихъ несчастнаго положенія, были Лагарпъ и графъ Мордвиновъ, хотя тутъ же совѣтовали соблюсти большую осторожность. Первые же, которые утверждали, что настала крайняя необходимость оградить крестьянъ твердыми законами отъ произвола, были графъ Кочубей, графъ Павелъ Строгановъ и князь Адамъ Чарторыйскій. Графъ Кочубей требовалъ мѣры въ пользу крестьянъ, на основаніи чувства справедливости и изъ видовъ внутренней политики, князь Чарторыйскій изъ чувства гуманности, «потому что право помѣщиковъ на крестьянъ столь ужасно, что не слѣдовало ничѣмъ удерживаться при нарушении его». А графъ Строгановъ объявилъ, что «если въ семъ дѣлѣ заключается опасность, то не въ освобожденіи крестьянъ, а въ удержаніи крѣпостнаго состоянія». Первый, который не только предложилъ, но и осуществилъ мѣру освобожденія крестьянъ съ зем-

лею, былъ, какъ извѣстно, графъ Сергѣй Румянцовъ. Первый, который представилъ Императору Александру I полный планъ постепеннаго освобожденія крѣпостныхъ, по которому, по истеченію шестидесяти лѣтъ, крестьяне сдѣлались бы полными собственниками земли, былъ графъ Канкринъ. Первый, который неутомимо стремился поставить на очередь вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, былъ Николай Тургеневъ. Первый, который представилъ о настоятельной необходимости улучшенія положенія государственныхъ крестьянъ, былъ графъ Сперанскій.

Всѣ эти факты не могли быть безызвѣстны автору, но его слѣпое пристрастіе къ своему герою заставило приписывать честь, принадлежащую другимъ, послѣднему на томъ основаніи, что въ 1816 г. составлена имъ неважная записка по этому дѣлу.

Весьма любопытно прослѣдить, по сообщенному авторомъ матеріалу, возникновеніе и ходъ новаго плана крестьянской реформы Императора Николая, послѣ того какъ первая попытка, выразившаяся въ проектѣ, разработанномъ комитетомъ 6 декабря 1826 года, вслѣдствіе июльской революціи и польскаго возстанія осталась безъ послѣдствій (см. на стр. 2 тома II). Мы узнаемъ, что въ 1834 году былъ учрежденъ новый комитетъ, и что, вслѣдствіе разныхъ соображеній, положено было приступить къ преобразованію управленія государственными крестьянами, которое и поручено было графу Киселеву. Во второмъ томѣ подробно изложено постепенное образованіе этого управленія и организція министерства государственныхъ имуществъ. Видно, что автору этотъ предметъ хорошо знакомъ; однако и здѣсь не получаемъ ничего оконченнаго, не получаемъ полной исторіи, хотя узнаемъ весьма важныя данныя, любопытныя указанія на дѣйствіе и значеніе извѣстныхъ мѣръ. Такъ, послѣ главы XXV, содержащей въ себѣ изложеніе важныхъ, доселѣ неизвѣстныхъ переговоровъ Государя съ Киселевымъ, слѣдуетъ, въ XXVI главѣ, изложеніе главныхъ основаній исторіи государственныхъ имуществъ и крестьянъ, которое авторъ считаетъ необходимымъ, очевидно для объясненія преобразованій, принятыхъ Киселевымъ. Однако это изложеніе такъ кратко, неполно и неясно, что не многое разъясняетъ. Напр. на стр. 25 т. II читаемъ: «Дворцовыя имущества управлялись обыкновенно хозяйственнымъ образомъ; изъ нихъ образовались въ концѣ XVIII столѣтія, такъ называемыя нынѣ, удѣльныя имѣнія». И только! Далѣе: «Изъ помѣстныхъ земель часть была передана или пожалована въ частное владѣніе, а остальныя, въ началѣ XVIII столѣтія, соединены съ вот-

чинами подь общимъ названіемъ недвижимыхъ имуществъ». Кто знакомъ съ исторіею поземельной собственности въ Россіи, тотъ пойметъ, что авторъ хотѣлъ сказать; но кому неизвѣстна исторія помѣстій, тотъ въ этомъ предложеніи ничего не пойметъ, или пожалуй составитъ себѣ слѣдующее понятіе: изъ помѣстныхъ земель часть была передана или пожалована въ частное владѣніе (значитъ остальная часть такъ и оставалась въ казенномъ владѣніи), а (эти-то) остальные земли, въ началѣ XVIII столѣтія (неизвѣстно почему) соединены съ вотчинами! и т. п.

Напрасно авторъ пустился въ исторію государственныхъ крестьянъ и имуществъ, которая ему не подь силу, съ которой онъ не знакомъ. Ему удастся, подь часть, весьма мѣтко опредѣлить значеніе того или другаго распоряженія, той или другой мѣры, онъ хорошій комментаторъ, но не историкъ. Такъ напр. онъ (на стр. 30, т. II) справедливо указываетъ на то влияніе, которое должно было имѣть указъ Екатерины II отъ 19 мая 1769 года, объ отвѣтственности старостъ за недоимки крестьянъ. Но онъ вполне ошибается, полагая, что этимъ указомъ лишь отмѣнена личная отвѣтственность крестьянъ за подати и установлена отвѣтственность обществъ. Эта послѣдняя отвѣтственность была извѣстна уже московскимъ приказнымъ и признана ими весьма удобнымъ средствомъ для бездоимочнаго собиранія податей. Хладнокровное и безцеремонное внесеніе этого правила приказной обыкности въ указъ Екатерины, при томъ въ первые годы ея царствованія, когда она находилась вполне подь обаяніемъ либеральныхъ идей XVIII вѣка—весьма любопытно.

Въ томъ же родѣ и другія историческія данныя, приводимыя авторомъ: коечто изложено вѣрно, и весьма любопытно, коечто упущено изъ виду. Гораздо болѣе пользы принесъ бы авторъ, еслибъ съ большею подробностію и съ большимъ безпристрастіемъ занялся изслѣдованіемъ того, что сдѣлано было въ пользу государственныхъ крестьянъ при графѣ Канкринѣ; между тѣмъ онъ ограничивается сообщеніемъ двухъ трехъ противорѣчій въ докладахъ графа Канкринна Государственному Совѣту и разказомъ изъ записокъ Корфа, о ненаходчивости Канкринна въ преніяхъ съ графомъ Киселевымъ. Заслуги графа Канкринна по управленію финансами, кажется, не могутъ подлежать никакому сомнѣнію. Опытъ послѣдняго времени даетъ много поводовъ обратитъ серіозное вниманіе на его мнѣнія и его дѣятельность. Къ тому это слишкомъ замѣчательная личность, чтобъ можно было отдѣлаться отъ него такъ,

какъ дѣласть это авторъ. О Канкринѣ ср. Шиповъ, очеркъ жизни графа Канкринна и *Aus den Reisetagebüchern des Grafen Georg Kanckrin mit einer Lebensskizze und Beilagen herausgegeben von A. Graf Keyserling*. Въ послѣднемъ сочиненіи напечатанъ отчетъ Канкринна объ управленіи имъ министерства финансовъ въ теченіе двадцати лѣтъ. Въ этомъ отчетѣ излагается и его дѣятельность относительно государственныхъ крестьянъ и государственныхъ имуществъ.

При изложеніи дѣятельности Киселева авторъ, къ сожалѣнію, опять руководствуется своимъ пристрастіемъ. Будучи убѣжденъ въ томъ, что все то, что Киселевъ устроилъ, было хорошо и цѣлесообразно, все изложеніе прежняго порядка направлено на то, чтобы видѣть недостатки и ошибки въ томъ, что имъ отмѣнено и измѣнено. При подобномъ, поверхностномъ и одностороннемъ отношеніи къ дѣлу, дѣлается совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ прежніе недостатки и пороки управленія повторялись и послѣ преобразованія управленія государственными имуществами. Значить, корень этихъ пороковъ лежалъ глубже, и преобразованія Киселева или вовсе не достигали до него, или тронули его слегка и, во всякомъ случаѣ, не извели его. Корень состоялъ въ общемъ безправіи и въ господствѣ произвола. Преобразованія Киселева имѣли дѣйствительно послѣдствіемъ измѣненіе и улучшеніе управленія. Онъ стремился также къ водворенію законности и гуманности въ управленіи. Но отъ такого стремленія до укорененія и развитія сознанія права въ крестьянахъ еще далеко. Вотъ гдѣ причина, почему преобразованія Киселева не привели къ болѣе значительнымъ результатамъ. Положеніе крестьянъ осталось по праву прежнее, улучшалось только управленіе: они не зависѣли болѣе отъ безучастнаго къ ихъ судьбѣ произвола станovýchъ и исправниковъ, но отъ усмотрѣнія, отвѣтственныхъ за ихъ благосостояніе, окружныхъ начальниковъ и цѣлой системы попечительныхъ установлений, состоящихъ изъ болѣе или менѣе просвѣщенныхъ чиновниковъ. Намѣренія Киселева были самыя отличныя, все то, во что онъ самъ могъ вникнуть, гдѣ онъ самъ распоряжался, шло отлично, но, за этимъ исключеніемъ, дѣло не имѣло прочнаго основанія. Это кажется чувствовалъ онъ самъ, когда, отправляясь въ Парижъ, записалъ въ своемъ дневникѣ: «Но мое бѣдное министерство, которое я оставляю на произволъ всѣхъ вѣтровъ безъ компаса и безъ кормчаго! 20 лѣтъ непрерывныхъ и добросовѣстныхъ трудовъ, которые, вѣроятно, будутъ поглощены и потеряны!» Самое знаменательное въ этомъ вздохѣ то, что Киселевъ самъ сознается, что

оставляетъ министерство *безъ коммаса!* Значить, по его собственному сознанию, это учрежденіе не имѣло твердаго основанія въ самомъ себѣ, въ своемъ значеніи и своей необходимости, напротивъ, его значеніе и самое существованіе зависѣли отъ личности начальника. Односторонность и ослѣпленіе автора, вслѣдствіе его пристрастія, такъ сильны, что онъ какъ бы дѣлаетъ упрекъ Государственному Совѣту изъ того, что тотъ полагалъ, что вопросъ объ устройствѣ государственныхъ крестьянъ можетъ быть рѣшенъ лишь преобразованіемъ настоящей системы податей на лучшихъ и уравнительныхъ началахъ, и что это можетъ быть достигнуто лишь поземельнымъ устройствомъ ихъ, и что государство можетъ заботиться о ихъ благосостояніи на столько, на сколько побуждали къ тому матеріальныя выгоды казны, фискальные интересы. Мы полагаемъ, что тутъ нечего упрекать Государственный Совѣтъ; даже по изложенію автора Государственный Совѣтъ былъ совершенно правъ и его взглядъ на дѣло весьма основательный (ср. стр. 34—39). Авторъ же отвергаетъ мнѣніе Государственнаго Совѣта очевидно потому, что, по мнѣнію Киселева, для улучшенія быта государственныхъ крестьянъ самое главное было покровительство и наблюденіе, т. е. управленіе, а уравниніе податей и поземельное устройство стояло на второмъ планѣ (II. 17, 18, 52).

Непонятно какъ авторъ, изображая недостатки тогдашняго управленія, тяжесть и изнурительность его для крестьянъ, не замѣтилъ, что точь въ точь такимъ же образомъ описывается положеніе крестьянъ въ нашихъ журналахъ, по новѣйшимъ современнымъ наблюденіямъ, а нынѣ кажется всѣ согласны въ томъ, что лишь податная реформа можетъ помочь дѣлу.

Авторъ не обратилъ также вниманія на то, что существующее нынѣ управленіе государственными имуществами, замѣнившее введенное графомъ Киселевымъ, весьма сходно съ тѣмъ, какое предлагалъ Государственный Совѣтъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Порицаніямъ управленія государственныхъ имуществъ авторъ посвятилъ цѣлую главу, въ которой старается защитить и оправдать это управленіе отъ возведенныхъ на него наговоровъ. Защита и оправданіе весьма обстоятельны и основательны (с. 165—172). По нашему мнѣнію, только одно весьма важное обстоятельство упущено авторомъ совершенно изъ виду: различный характеръ, какой могутъ имѣть правительственные попечительство и надзоръ надъ крестьянами. Они могутъ быть такого рода, что крестьяне останутся навсегда въ постоянной и неизмѣнной зависимости и

опекѣ, но они могутъ также воспитывать и возбуждать въ крестьянахъ самодѣятельность и самостоятельность. Тотъ или другой характеръ придается правительственному попечительству конечно не заявлениями, увѣреніями и т. п. фразами, но единственно правильнымъ устройствомъ управленія и положительными дѣйствіями его. Учрежденіемъ и дѣйствіями министерства государственныхъ имуществъ достигнуто было, очевидно, лишь попечительство перваго рода и хотя графъ Киселевъ убѣдился въ недостаточности его, но повидимому онъ успокоивался на этомъ въ убѣжденіи, можетъ быть что онъ успѣетъ и сдумаетъ, въ свое время, довести дѣло до конца. Онъ такъ убѣжденъ былъ въ великомъ значеніи своихъ учреждений и уставовъ, что, несмотря на то, что всѣ въ свое время были утверждены Высочайшею властью, опубликованы Сенатомъ, всѣ затѣмъ вошли въ Сводъ Законовъ, онъ настойчиво добивался новаго вторичнаго утвержденія ихъ въ формѣ особаго сборника. Когда это ему не удалось, то предложилъ, когда Государь по случаю коронованія, вмѣстѣ съ льготами народу, желалъ соединить милости и отличія для разныхъ сословій, о внесеніи въ манифестъ статьи о подтвержденіи правъ, дарованныхъ сословію государственныхъ крестьянъ, въ томъ пространствѣ, въ какомъ они вошли въ Сводъ Законовъ (II. 145—151). Въ этомъ случаѣ даже авторъ замѣчаетъ, что подтвержденіе того, что уже внесено въ Сводъ Законовъ, не могло имѣть никакого значенія.

Есть и другіе признаки того, что графъ Киселевъ въ крестьянскомъ дѣлѣ, произведенное имъ устройство государственныхъ крестьянъ считалъ какъ бы окончательнымъ: такъ онъ указывалъ на неправильность—называть земли, состоящія во владѣніи крестьянъ, крестьянскими.

Въ 1852 году графъ Киселевъ писалъ графу Воронцову: «Очень ошибочно думали о моихъ воззрѣніяхъ на счетъ крѣпостнаго права. По тому, что было сдѣлано въ княжествахъ, и еще болѣе по разнымъ запискамъ, которыя я имѣлъ случай представлять въ качествѣ члена комитета, бывшаго подъ предсѣдательствомъ кн. Васильчикова, можно достаточно убѣдиться въ томъ, что никогда не было рѣчи объ абсолютномъ освобожденіи, а только единственно о регуляризаціи крѣпостнаго права, съ цѣлью отнять у дурныхъ помѣщиковъ возможность злоупотреблять своими правами, случайно введенными въ сводъ нашихъ законовъ и несогласныхъ съ справедливостью». Далѣе онъ говоритъ о «непреодолимыхъ трудностяхъ (II. 325—327), которыя представляетъ еще у насъ регули-

рованіе крѣпостнаго права и которымъ Императоръ Николай Павловичъ долженъ былъ уступить, какъ ни горячо желалъ рѣшенія столь важнаго вопроса. Изъ этого письма видно, что графъ Киселевъ подчинился господствовавшему, въ послѣдніе годы царствованія Императора Николая, взгляду на крѣпостное право. По крайней мѣрѣ онъ отвергалъ «абсолютное освобожденіе крестьянъ» и признавалъ препятствія «непреодолимыми», между тѣмъ какъ князь М. С. Воронцовъ постоянно указывалъ на необходимость и возможность положительныхъ мѣръ къ ограниченію произвола.

Такой взглядъ графа Киселева объясняется тѣмъ, что онъ собственно не былъ человѣкъ самостоятельной инициативы. Онъ былъ человѣкъ, такъ сказать, исполнительный. Мы этимъ словомъ никакъ не желаемъ умалить его значеніе или унижить его, мы желаемъ понять его характеръ и дѣятельность. Слово исполнительный не должно быть истолковано въ узкомъ, ограниченномъ смыслѣ. Напротивъ того, оно должно быть понято въ обширномъ смыслѣ, не исключаящемъ самостоятельной дѣятельности исполнителя. Исполнительнымъ въ этомъ смыслѣ можетъ быть только человѣкъ, самостоятельно дошедшій до той-же мысли, которую берется осуществить.

Графъ Киселевъ совершенно вникалъ въ мысли Государя Николая Павловича, усвоилъ ихъ себѣ и при осуществленіи и исполненіи поступалъ такъ, какъ поступалъ бы Государь и никогда не ходилъ дальше, чѣмъ ходилъ бы Государь. Его вѣрность и преданность не допускали и мысли завлечь Государя дальше, чѣмъ онъ хотѣлъ идти. Какъ человѣкъ исполнительный въ этомъ обширномъ смыслѣ, онъ былъ неоцѣнимъ, потому что при самомъ исполненіи, въ своей дѣятельности выказывался человѣкомъ умнымъ, неутомимымъ и энергичнымъ. Въ этомъ смыслѣ изреченіе автора, что «П. Д. Киселевъ принадлежалъ къ тѣмъ избраннымъ натурамъ, опустѣвшее мѣсто которыхъ не замѣщается скоро» совершенно справедливо.

Но, по чрезвычайно сильному въ немъ чувству собственнаго достоинства, онъ могъ быть исполнителемъ только непосредственной мысли и воли Государя: въ такомъ только случаѣ имѣлъ онъ въ виду дѣло и самъ безусловно устранялъ притязанія своего щекотливаго самолюбія. Такъ, когда Государь Александръ Николаевичъ приступилъ къ разрѣшенію крестьянскаго вопроса, графъ Киселевъ, хотя, можетъ быть, когда то надѣялся, что это дѣло будетъ поручено ему, или будетъ рѣшено тѣмъ способомъ, который предложить онъ,

или на тѣхъ основаніяхъ, которыя примѣнялъ онъ къ устройству государственныхъ крестьянъ, откровенно и съ восторгомъ сталъ на сторону реформы и, сколько могъ въ новомъ своемъ положеніи, старался содѣйствовать Государю, и дѣйствительно содѣйствовалъ. Давно уже извѣстно то вліяніе, какое въ крестьянскомъ дѣлѣ имѣла на Государя Великая Княгиня Елена Павловна. Но недавно только указано на содѣйствіе, оказанное Государю Государынею Маріею Александровною. Теперь изъ дневника графа Киселева мы узнаемъ, что это содѣйствіе или возбуждено было, или поддерживалось его патріотическими совѣтами. То, что онъ занесъ объ этомъ на страницы своего дневника, принадлежитъ къ самымъ сочувственнымъ, самымъ прекраснымъ и самымъ любопытнымъ мѣстамъ этого дневника. Тутъ слышится, кромѣ его тонкаго ума и такта, и теплое чувство, истинный патріотизмъ и нелицемѣрная преданность.

Совершенно другое было, когда его заставляли подчиняться кому либо другому, тогда имъ овладѣвало исключительно его самолюбіе и онъ былъ недоступенъ для другихъ соображеній и представлений, хотя бы онѣ шли отъ лицъ несомнѣнно ему доброжелательныхъ. Этимъ объясняется его поведеніе противъ князя Горчакова и отказъ на предложеніе Государя принять предсѣдательство въ Государственномъ Совѣтѣ. Онъ видѣлъ въ этомъ предложеніи не прямую волю Государя—иначе онъ бы подчинился ему—а послѣдствіе интриги, направленной на то, чтобы уронить его въ глазахъ Государя и вытѣснить изъ Парижскаго посольства. Онъ оставался на своемъ мѣстѣ, чтобы настоять на своемъ, доказать правильность своихъ политическихъ воззрѣній и не дать себѣ подставить ногу—и ничего не достигъ.

То что онъ сдѣлалъ по крестьянскому дѣлу и управленію государственными имуществами и государственными крестьянами, хотя въ свое время свою пользу принесло, однако окончательной цѣли не достигло. Рецензентъ Отечественныхъ Записокъ справедливо замѣчаетъ: Мы не связываемъ дѣло реформы 19 февраля съ именами Киселева и Заблоцкаго-Десятовскаго, это печально, но въ этомъ есть своя логика и своя справедливость.

Соображая все нами изложенное, мы приходимъ къ заключенію, что сочиненіе А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго, какъ историческое изслѣдованіе, не соотвѣтствуетъ своей цѣли. Въ немъ слишкомъ много пробѣловъ, въ немъ упущены изъ виду матеріалы, которые не заключались въ тѣхъ архивахъ, разработкою коихъ авторъ занимался, наконецъ изслѣдованіе страдаетъ отсутствіемъ почти всякой

критики. Съ другой стороны въ этомъ сочиненіи опубликовано множество весьма важныхъ и любопытныхъ, доселѣ неизвѣстныхъ историческихъ данныхъ, замѣтокъ и т. д., представляющихъ собою богатый матеріалъ для современной исторіи. Этотъ матеріалъ такъ важенъ, что авторъ, сообщеніемъ его, заслужилъ благодарность всѣхъ интересующихся современною исторіею. Авторъ, конечно, слѣдалъ бы гораздо лучше, если бы ограничился изданіемъ извлеченныхъ изъ доступныхъ ему архивовъ актовъ, включивъ сюда и записки и дневникъ, присоединивъ къ нимъ свои объясненія и замѣчанія въ видѣ комментарія. При такомъ способѣ изданія, большая часть замѣченныхъ недостатковъ устранилась бы сама собою и сочиненіе должно было бы признаться достойнымъ преміи.

IV.

РАЗБОРЪ СОЧИНЕНІЯ Г. СОБКО, «ДРЕВНІЯ ИЗОБРАЖЕНІЯ РУССКИХЪ ЦАРЕЙ И ИХЪ ПОСОЛЬСТВЪ ЗА ГРАНИЦУ ВЪ СТАРЫХЪ И НОВЫХЪ ГРАВЮРАХЪ»,

Составленный барономъ Ѡ. А. Бюлеромъ.

Представленный Н. П. Собко на соисканіе Уваровской преміи ученый трудъ состоитъ изъ двухъ частей: 1) древнія изображенія Русскихъ Царей, и 2) древнія изображенія посольствъ ихъ за границу.

Въ нихъ авторъ имѣлъ цѣлю составить сводъ всѣхъ древнѣйшихъ, какъ достовѣрныхъ, такъ и вымышленныхъ гравюръ, изъ которыхъ можно было бы извлечь матеріалы для описанія Русскихъ Царей и ихъ посольствъ. Главнѣйшіе матеріалы добыты авторомъ изъ отдѣленія Rossica Императорской Публичной Библіотеки, но свѣдѣнія его значительно пополнились пересмотромъ портретныхъ и вообще гравюрныхъ собраній въ главнѣйшихъ общественныхъ бібліотекахъ Европы и коллекцій частныхъ лицъ.

Трудъ г. Собко обнимаетъ собою преимущественно XVI вѣкъ, хотя во введеніи своемъ къ 1-й части—«Изображенія Царей»—авторъ излагаетъ довольно подробно историческія свѣдѣнія о сохранившихся изображеніяхъ Русскихъ Великихъ Князей съ XI вѣка, въ Изборникѣ В. К. Святослава Ярославича и въ рукописяхъ и на грамотахъ, въ видѣ миниатюрныхъ и акварельныхъ рисунковъ, а также приводитъ очень подробный перечень всѣхъ произведеній древней стѣнописи, которыя впрочемъ дошли до насъ записанными и поновленными, такъ что первобытныя черты ихъ болѣе или менѣе измѣнены.

Хотя изображенія, исполненныя иконнымъ способомъ, преимущественно на стѣнахъ и сводахъ разныхъ церквей, клееными красками по сухой штукатуркѣ (al secco), и дѣлались большею частью по извѣстному идеалу (умственно) или по разнымъ преданіямъ, во всякомъ случаѣ не прямо съ природы, и потому не могутъ быть названы портретами въ собственномъ смыслѣ этого слова, — тѣмъ не менѣе авторъ, считая ихъ единственными памятниками, по которымъ можно судить о типахъ князей того времени, посвящаетъ имъ нѣсколько весьма обстоятельныхъ страницъ, обличающихъ несомнѣнную начитанность автора и основательное знакомство со всѣми памятниками письма, гдѣ имѣются болѣе или менѣе достовѣрныя лицевыя изображенія.

Г. Собко очень добросовѣстно отнесся къ собранному матеріалу и придалъ описываемымъ изображеніямъ Князей до XVI вѣка именно принадлежащее имъ значеніе, не увлекаясь мыслью о возможной ихъ достовѣрности. Весьма обстоятельны въ этой части введенія и всѣ ссылки на изданія, въ которыхъ находятся снимки съ указанныхъ изображеній, и мнѣ остается только засвидѣтельствовать о совершенной полнотѣ этихъ ссылокъ.

Ознакомивъ насъ, въ своемъ введеніи, съ этими памятниками портретнаго искусства, которые, собственно говоря, имѣютъ скорѣе археологическое значеніе, какъ правильно замѣчаетъ Д. А. Ровинскій, — г. Собко переходитъ къ подробному описанію портретовъ Царей Іоанна III, Василя и Іоанна IV. Къ сожалѣнію, авторъ приложилъ всего 6 рисунковъ наиболѣе достовѣрныхъ, по его мнѣнію, портретовъ, такъ что остальные описанія, хотя очень подробныя, далеко не удовлетворяютъ читателя и не даютъ возможности проверить мнѣнія его относительно вымышленности и даже фантастичности остальныхъ типовъ. Но и тутъ авторъ обнаруживаетъ знакомство съ этимъ предметомъ и иногда поражаетъ точностью свѣдѣній о всѣхъ копіяхъ съ отдѣльныхъ типовъ, которыя находятся въ разныхъ общественныхъ библіотекахъ, коллекціяхъ частныхъ лицъ и въ новѣйшихъ историческихъ изданіяхъ.

Здѣсь, однакоже, нельзя не высказать замѣчанія, что авторъ, при неудобствѣ, о которомъ упомянуто выше, т. е. малочисленности приложенныхъ гравюръ, еще выбралъ нѣсколько неудачный методъ изложенія. Представляя въ текстѣ перечень типовъ, имъ отысканныхъ, и снабжая эти изложенія пространными выносками съ ссылками на источники, изъ коихъ онъ почерпалъ свои свѣдѣнія, г. Собко кромѣ того въ концѣ книги помѣстилъ особый

отдѣль примѣчаній, въ которыхъ онъ преимущественно сообщаетъ разслѣдованія о художникахъ, дѣлавшихъ эти картинки, а также иногда излагаетъ событія, къ которымъ онѣ относятся, и тутъ же свѣдѣнія, почти единственные, которыя могутъ дать указанія, почему авторъ считаетъ какіе либо типы достовѣрнѣе другихъ. Тщетно пытаюсь разъяснить себѣ эти вопросы при чтеніи самаго текста, мы иногда въ примѣчаніи къ слѣдующему типу натакивались на замѣтку, отчасти разрѣшавшую сомнѣніе, и нельзя не признать, что болѣе правильное размѣщеніе этихъ замѣтокъ и притомъ помѣщеніе ихъ, по возможности, въ текстѣ или въ выноскахъ, было бы далеко цѣлесообразнѣе, чѣмъ опредѣленіе ихъ въ концѣ книги и притомъ не совсѣмъ въ порядкѣ.

Для ученаго изслѣдователя, знакомаго съ матеріаломъ, этотъ методъ представляетъ неудобство при повѣркѣ; для читателя же, ищущаго въ этомъ трудѣ знакомства съ неизвѣстнымъ предметомъ, иногда невозможно уяснить себѣ, почему авторъ какой либо типъ причисляетъ къ разряду достовѣрныхъ или, наоборотъ, вымышленныхъ. Вообще говоря, авторъ ставитъ какъ тѣ, такъ и другіе почти на равную доску въ научномъ отношеніи, между тѣмъ какъ въ аналогичномъ трудѣ г. Ровинскаго «Достовѣрныя изображенія Московскихъ Государей» специально и отчетливо изложены достовѣрные типы, а остальные, не имѣющіе никакого интереса ни въ иконографическомъ, ни въ археологическомъ отношеніи, приложены имъ единственно, какъ онъ выражается, для удовлетворенія любопытства любителей и собирателей курьезовъ.

Такое мнѣніе, кажется, гораздо правильнѣе, и еслибы г. Собко тоже держался этого разграниченія, то ему не приходилось бы тратить столько ученыхъ розысканій на описаніе біографій авторовъ вымышленныхъ типовъ, и это дало бы ему возможность яснѣе доказать достовѣрность нѣкоторыхъ другихъ.

Признавая справедливо типъ Теве единственно достовѣрнымъ изображеніемъ Іоанна III, г. Собко не подкрѣпляетъ однако этого соображенія никакими документальными свѣдѣніями. Излагая затѣмъ перечень недостовѣрныхъ типовъ Дорша, Пикара и Зубова, авторъ въ этомъ отношеніи представляетъ читателю единственно свой собственный авторитетъ въ подкрѣпленіе своего мнѣнія.

Точно тоже можно сказать о портретахъ Василя и Іоанна IV. Затѣ, излагая несомнѣнно достовѣрные типы этихъ двухъ Царей по запискамъ Герберштейна, бывшаго посланникомъ въ Россіи въ

этотъ періодъ времени, авторъ даетъ весьма обстоятельныя свѣдѣнія, какъ о самомъ Герберштейнѣ, такъ и объ извѣстныхъ въ его время гравёрахъ, Гиришфогелѣ и Вейгелѣ. Здѣсь авторъ исполнилъ свою задачу съ замѣчательной добросовѣстностью относительно богатства матеріаловъ и перечня всевозможныхъ копій и оттисковъ извѣстныхъ ему изображеній. Но и тутъ ему можно поставить въ упрекъ неудобство метода его изложенія, и въ особенности то, что онъ иногда не объясняетъ, почему онъ отдаётъ предпочтеніе однимъ типамъ передъ другими, называя одни вымышленными, другіе оригинальными, третьи совершенно фантастичными.

Несмотря на указанные недостатки, первая часть труда автора, по полнотѣ свѣдѣній, составляетъ вообще интересное сочиненіе и особенно важна какъ полный сводъ подобнаго рода матеріаловъ.

Вторая часть труда г. Собко, «Изображенія Русскихъ Посольствъ за границу», является уже гораздо полнѣе, обстоятельнѣе, и методъ ея значительно удобнѣе. Причина этому конечно та, что тутъ авторъ имѣетъ дѣло съ болѣе достовѣрными изображеніями иностранцевъ о Русскихъ, и ему осталось лишь сгруппировать ихъ и дать надлежащія разъясненія.

Съ XVI вѣка, когда Россія стала входить мало по малу въ Европейскую семью, западные писатели начали интересоваться ею, и стали появляться записки путешественниковъ и пословъ, которыя составляютъ чрезвычайно драгоценный и почти единственный матеріалъ по иконографіи за старое время.

Г. Собко задался приведеніемъ въ порядокъ всѣхъ древнѣйшихъ иностранныхъ гравюръ, относящихся къ тому времени. Древнѣйшія изъ изображеній этого рода—это двѣ гравюры, оттиснутыя на заглавныхъ листахъ двухъ сочиненій Іоанна Сакрана, направленныхъ противъ Русской церкви. Онѣ представляютъ Русскихъ на Ферраро-Флорентинскомъ Соборѣ 1438—1439 года. Затѣмъ слѣдуетъ обзоръ картинокъ, представляющихъ разныя сцены изъ посольства Германскаго посла барона Герберштейна въ 1517 и 1526 г. и Олеарія въ 1533 г. Эти картинки, по мнѣнію автора, весьма важны для исторіи древне-русскаго костюма и въ XVI вѣкѣ служатъ почти единственнымъ матеріаломъ для большей части изображеній Русскихъ людей.

Сверхъ того, г. Собко въ этой части своего труда описываетъ гравюры, изображающія слѣдующія Русскія посольства: Племянникова и Истома въ Инспрукъ и Галле въ 1518 г. и засѣданія Имперскаго Совѣта, совмѣстно съ послами разныхъ странъ, а изъ

времени Іоанна IV посольство боярина Колычева, посланнаго въ 1567 году на съѣздъ въ Гродно, и другое—князя Зугорскаго—къ Максимилиану II въ Регенсбургъ въ 1576 г.

О гравюрахъ, относящихся къ концу XVII вѣка и объ извѣстныхъ посольствахъ Лихачева въ 1659 и 1660 г., Потемкина въ 1681, Долгорукаго въ 1687, Лефорта съ Возницынымъ въ 1697 году—въ этой книгѣ еще не говорится.

Описываемыя изображенія, по мнѣнію автора, имѣютъ, кромѣ историческаго, еще и художественное значеніе, какъ гравированныя извѣстными въ то время мастерами, Гиршфогелемъ, Цюндтомъ и по рисункамъ Бургмайера и Боксбергера.

Ферраро-Флорентинскій Соборъ изображенъ Сакраномъ на главномъ листѣ его сочиненія «*Elucidarius errorum Ritus Ruthenicis*». Г. Собко упоминаетъ о 4-хъ извѣстныхъ ему снимкахъ съ этой картинки, а въ примѣчаніяхъ весьма обстоятельно излагаетъ какъ исторію этого курьознаго собора, такъ и біографическія свѣдѣнія о Сакранѣ.

Гораздо обстоятельнѣе авторъ знакомитъ насъ со всѣми изображеніями, относящимися къ посольствамъ барона Герберштейна въ Россію. Это изложеніе занимаетъ почти половину его труда, и, съ обычною добросовѣстностью, г. Собко приводитъ не только всѣ извѣстныя ему гравюры, но и всѣ снимки ихъ, оттиски, въ хронологическомъ порядкѣ, съ приведеніемъ всѣхъ подписей и надписей и подробнымъ обозначеніемъ всѣхъ книгъ и собраній, въ которыхъ находятся описанныя имъ гравюры. Конечно, весьма жаль, что къ нимъ не приложены оттиски этихъ гравюръ. Лишь при сравненіи этого труда съ только-что появившимся трудомъ г. Ровинскаго и съ прекрасными гравюрами, которыя къ нему приложены, можно составить себѣ ясное понятіе объ этихъ, весьма интересныхъ изображеніяхъ. Тѣмъ не менѣе, нельзя не упомянуть и тутъ, что разбросанность примѣчаній автора представляетъ тоже большое неудобство, и изложеніе историческихъ свѣдѣній о посольствѣ и о самомъ Герберштейнѣ гораздо удобнѣе могло бы быть помѣщено или прежде обзора картинокъ, или въ выноскахъ къ нему. За то свѣдѣнія, представленныя авторомъ, такъ обильны, такъ богаты ссылками на рѣдкія изданія, что едвали историческая часть въ этомъ отношеніи не лучше у автора, чѣмъ иконографическая, которая составляла его главную цѣль.

Тоже самое можно сказать и о тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя авторъ даетъ о посольствахъ за границу Племянникова и Истомы, Боярина

Колычева и кн. Сугорскаго. По сличеніи съ статейными списками этихъ посольствъ, историческія свѣдѣнія оказались чрезвычайно пространными и совершенно вѣрными. Что же касается гравюръ, описываемыхъ у г. Собко, то относительно полноты и обстоятельности ссылокъ не остается желать ничего лучшаго.

Особое вниманіе авторъ обратилъ на происхожденіе самыхъ изображеній и чрезвычайно добросовѣстно отнесся къ характеристикѣ какъ эпохи, такъ и извѣстныхъ мастеровъ, имя которыхъ служить ручательствомъ за большую или меньшую достовѣрность типовъ.

Нельзя не замѣтить, что въ этой части своего труда, авторъ, уклоняясь отъ главной своей цѣли, представилъ, однако, много весьма интересныхъ свѣдѣній, напримѣръ очеркъ заведенія типографій въ Польшѣ и Россіи и, вообще, о граверномъ искусствѣ того времени.

Словомъ, можно сказать, что подобный подробный и серьезный обзоръ иностранныхъ книгъ о Россіи, особенно съ иконографической стороны, у насъ является впервые, и въ этомъ отношеніи стоитъ даже выше Аделунга, который мало касается изображеній, встрѣчающихся у иностранныхъ путешественниковъ.

Не смотря на указанныя выше недостатки въ методѣ изложенія, я полагаю, что Академія поступила бы справедливо, еслибъ, назначеніемъ поощрительной преміи, побудила автора продолжать и довершить столь успѣшно начатый имъ трудъ.

V.

РАЗВОРЪ СОЧИНЕНІЯ Д. А. РОВИНСКАГО РУССКІЯ НАРОДНЫЯ КАРТИНКИ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1881. ПЯТЬ ТОМОВЪ, СЪ АТЛАСОМЪ ВЪ БОЛЬШОЙ ЛИСТЪ.

Составленный В. В. Стасовымъ.

Выпущенное г. Ровинскимъ въ свѣтъ, полтора года тому назадъ, изданіе состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ изданій, изъ которыхъ каждое, взятое особо и само по себѣ, даже внѣ связи съ двумя другими, представляетъ высокій интересъ и наибольшее значеніе для нашей отечественной науки.

Дѣйствительно, еслибы г. Ровинскій занялся лишь однимъ точнымъ и подробнымъ описаніемъ всѣхъ имѣющихся, въ настоящее время, на лицо русскихъ лубочныхъ картинокъ, то и тогда его заслуга была бы очень велика. Съ другой стороны, точно также, еслибы онъ ничего другаго не сдѣлалъ, какъ только издалъ бы свой огромный атласъ, содержащій копіи съ большаго числа наибольшаго числа лубочныхъ картинокъ, даже безъ самаго малѣйшаго текста,— опять-таки заслуга его была бы для насъ необыкновенно значительна. Наконецъ, если бы г. Ровинскій не представилъ ни полнаго описанія лубочныхъ картинокъ, ни ихъ воспроизведенія въ атласѣ, а только издалъ свое критическое изслѣдованіе о нихъ (предоставляя другимъ тѣ двѣ, первыя задачи), онъ опять-таки имѣлъ бы право на полнѣйшую нашу признательность.

Но что же должно сказать про такой трудъ и про такое изданіе, гдѣ авторъ взялся за всѣ три задачи разомъ, и, не побоявшись громаднѣйшихъ трудностей, представляемыхъ каждою изъ нихъ въ отдѣльности, одолѣлъ ихъ и представилъ такое сочиненіе, которое блистательнымъ образомъ рѣшаетъ всѣ три задачи?

На эту работу г. Ровинскій употребилъ цѣлыхъ 25 лѣтъ своей жизни, и, какъ въ этомъ убѣдится тотчасъ же всякій, кто ознакомится съ его изданіемъ, не жалѣлъ при этомъ ни трудовъ, ни усилій, ни громадѣйшихъ издержекъ.

Овъ началъ съ того, что просмотрѣлъ собственными глазами, не довѣряя прежнимъ описаніямъ, всѣ коллекціи лубочныхъ картинокъ, какія существуютъ въ Россіи, не только большія и малыя, но даже самомагѣйшія, иногда состоящія изъ нѣсколькихъ паръ картинокъ, способныхъ показаться на первый взглядъ слишкомъ малозначительными, или даже и вовсе ничтожными. Такимъ образомъ, г. Ровинскому до послѣдней тонкости извѣстны были слѣдующія собранія лубочныхъ картинокъ: 1) капитальное собраніе Императорской Публичной Библиотеки, гдѣ главную роль, въ числѣ нѣсколькихъ другихъ значительныхъ коллекцій, играютъ коллекціи Погодина и Дая; 2) великолѣпное собраніе Петровскихъ гравюръ въ Императорскомъ Эрмитажѣ, въ кабинетѣ Петра Великаго; 3) небольшія численно, но важныя по содержанію, собранія русскаго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и Московскаго и Румянцевскаго музеевъ; 4) громадное собраніе лубочныхъ картинокъ статсъ-секретаря Екатерины II-й Олсуфьева, принадлежащее въ настоящее время князя Бѣлосельскому-Бѣлозерскому, въ Петербургѣ; 5) хорошія и болѣе или менѣе значительныя, находящіяся въ разныхъ мѣстахъ Россіи, собранія гг. Демидова, Ефремова, Голышева, князя Вяземскаго, Пыпина, Неустроева, Образцова, Тихонравова, Буслаева, Щапова, Хлудова, Забѣлина, Филимонова, Губерти, Зайцевскаго, Некрасова, князя Дундукова-Корсакова, Безсонова, Ваулина, Геннади, Семевскаго, Вольфа, Тевяшева. Какъ дополненіе ко всѣмъ этимъ собраніямъ, являлось собственное собраніе г. Ровинскаго, накопившееся въ продолженіе цѣлой четверти столѣтія, посредствомъ розысковъ и покупокъ, то цѣлыми собраніями, то отдѣльными листами.

Замѣтимъ при этомъ, что, по просьбамъ и настояніямъ г. Ровинскаго, нарочно для него отпечатаны оттиски со всѣхъ удѣлѣвшихъ до настоящаго времени награвированныхъ досокъ, деревянныхъ и металлическихъ, сохраняемыхъ въ публичныхъ и частныхъ собраніяхъ, какъ-то: въ Христіанскомъ музеѣ академіи художествъ, въ Московской синодальной типографіи, въ Кіевской духовной академіи, въ типографіи Кіево-Печерской лавры, въ казначейской палатѣ Соловецкаго монастыря, и т. д.

Совокупляя все это вмѣстѣ, я считаю себя въ правѣ сказать, что въ настоящее время наврядъ ли существуетъ въ нашемъ отечествѣ такая лубочная картинка, напечатанная до 1839 года (то есть, до того времени, когда вся лубочная литература подверглась дѣйствию цензуры, и вслѣдствіе того окончательно утратила прежній національный, самобытный и историческій характеръ) — такая, повторяю, русская лубочная картинка, которая осталась бы неизвѣстна г. Ровинскому. Если исключения и есть, то они могутъ быть только малочисленны: слишкомъ много было произведено розысковъ, сношеній для открытія всего таящагося даже въ самыхъ отдаленныхъ и незнаемыхъ углахъ Россіи (не говоря уже о большихъ центрахъ). Такимъ же образомъ, мало остается вѣроятности, чтобъ еще много неизвѣстнаго до сихъ поръ матеріала могло быть открыто впоследствии.

Общій итогъ отдѣльныхъ картинокъ, описанныхъ въ сочиненіи г. Ровинскаго, доходитъ до 4,700 листовъ; если же включить въ это число разныя изданія одной и той же картинки, то число это дойдетъ до 8,000 листовъ.

Подробному описанію этого матеріала посвящены первые три тома изданія г. Ровинскаго, занимающіе 1,740 страницъ, а если прибавить къ нимъ добрую половину IV-го тома, ту, которая содержитъ въ себѣ «Дополненія», то выходитъ, что одно, такъ-сказать, «наружное» описаніе русскихъ лубочныхъ картинокъ заняло далеко болѣе 2,000 страницъ крупнаго формата.

При описаніи картинокъ г. Ровинскимъ употреблены приемы самые рациональныя и вполне удовлетворительныя, а именно: скопированы заглавіе гравюры и текстъ (тамъ, гдѣ они существуютъ), обозначены размѣры картинки, ея мѣстонахожденіе, способъ и качество гравированія, разныя изданія картинки, и тутъ же краткѣ дано описаніе того, что на ней изображено.

Не удовольствовавшись одною этою, уже и такъ почтенною задачею описанія существующаго, г. Ровинскій задумалъ представить, подъ видомъ громаднѣйшаго атласа, выборку изъ всего важнѣйшаго, наизначительнѣйшаго и наилучшаго, что онъ только видѣлъ и изучилъ на своемъ вѣку по части русскихъ лубочныхъ картинокъ. Такое предпріятіе требовало, кромѣ знанія и труда, также и значительныхъ затратъ. Но г. Ровинскій не остановился передъ ними, и создалъ такое иконографическое изданіе, какого у насъ еще никогда не появлялось. Атласъ г. Ровинскаго представляетъ богатѣйшій матеріалъ какъ для исторіи на-

шей гравюры на деревѣ, такъ и для исторіи древне-русской культуры. Авторъ былъ совершенно правъ, когда говорилъ въ предисловіи къ атласу: «Въ атласѣ скопировано все, что могло представлять интересъ для Русскаго человѣка, въ какомъ бы то ни было отношеніи». Дѣйствительно, здѣсь появляются, и должно замѣтить, въ первый разъ, спустя лѣтъ полтораста послѣ перваго напечатанія ихъ, богатыри нашихъ легендъ и сказокъ, въ большихъ размѣрахъ, можно сказать въ видѣ настоящихъ картинъ (Илья Муромецъ, Алѣша Поповичъ, Буслай Буслаевичъ, Соловей Разбойникъ, царь Салтанъ Салтановичъ и т. д.). Далѣе мы встрѣчаемъ необыкновенно богатый и важный по культурному интересу отдѣлъ картинокъ сатирическихъ: здѣсь главнѣйшую роль играютъ листы раскольничьи на сюжеты историческіе, каковы, напримѣръ: «Драка Бабы-Яги съ крокодиломъ», «Мыши kota погребаютъ» — обѣ доказанныя сатиры на Петра Великаго и Екатерину I; также такія юмористическія изображенія, какъ «Повѣсть о Ершѣ Ершовичѣ», «Шемакинъ судъ», смѣхотворная «просьба Калезинскихъ монаховъ», «Нѣмка верхомъ на старикѣ», «судъ мужика съ дворяниномъ» и т. д. Въ связи съ этимъ отдѣломъ находятся смѣхотворныя изображенія изъ войнъ прошлаго столѣтія съ Пруссаками и Турками, почти полное собраніе каррикатуръ на Наполеона I и Французовъ, каррикатуръ, игравшихъ такую громадную роль во время народной войны 1812 года, а также юмористическіе листы на разныя другія историческія событія; множество картинокъ, имѣющихъ интересъ историческій или бытовой, каковы, напримѣръ: «Казнь убійцъ Жуковыхъ», «Прививаніе оспы», «Масляница», «Кулачные бойцы», «Пляска», «Пирушка», изображенія старинныхъ нашихъ кабаковъ и трактировъ, бань, перечисленія нарядовъ и окарба молодыхъ, поѣзды на саниахъ и колесахъ, цѣлая «лицевая комедія», съ изображеніемъ древняго русскаго театра и публики XVII вѣка, разнообразныя гаданья и календари. Портреты историческихъ лицъ, карты и виды, легенды и сказки занимаютъ также значительное мѣсто въ атласѣ. Но наибольшее мѣсто отведено въ немъ, по всей справедливости, изображеніямъ религіознымъ, игравшимъ всегда такую крупную роль въ жизни Русскаго народа: этотъ отдѣлъ такъ богатъ и такъ разнообразенъ, что одно даже перечисленіе частныхъ подраздѣленій заняло бы здѣсь обширное мѣсто.

Составленный изъ такихъ элементовъ атласъ заключаетъ въ себѣ болѣе 500 картинокъ, воспроизведенныхъ различными спо-

собами: наиболѣе грубыя между ними воспроизведены простою литографіей; тѣ же, которыя представляли болѣе художественнаго достоинства, выполнены посредствомъ фотолитографіи, или даже и фотогравюры. Раскраска произведена отъ руки, на манеръ иконнаго способа.

Бумага для атласа, подражающая старинной бумагѣ, отлита специально въ мастерскихъ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, которою выполнены также и вообще всѣ работы по изготовленію атласа.

Но, не смотря на всю значительность издержекъ, естественнымъ образомъ связанныхъ съ изданіемъ нѣсколькихъ сотенъ картинокъ въ величину оригинала (размѣры котораго доходили иногда до $2\frac{1}{2}$ аршинъ, какъ напримѣръ, въ «Мамаевомъ побойщѣ»), г. Ровинскій имѣлъ въ виду только одно — чтобъ атласъ стоилъ какъ можно менѣе: «Цѣна его», говоритъ онъ въ предисловіи, — «разочтена по числу листовъ бумаги, употребленныхъ на изданіе, считая за каждую листовую не раскрашенную картинку по 10 коп., за картинку двухлистовую 20 коп., за полуторную 15 коп. и т. д. Такимъ образомъ сказки, изданныя въ большинствѣ случаевъ въ полуторномъ размѣрѣ, обойдутся покупателю въ 15 коп. каждая, Брюсовъ календарь, всѣ 6 листовъ, онъ получитъ за 1 руб. 50 коп., азбуку 1812 года — за 45 коп., книжечку о Блудномъ сынѣ, въ 64 листка, за 80 коп.; раскрашенные листы оцѣнены вдвое. Въ общемъ, изданный г. Ровинскимъ атласъ представляетъ такую, сравнительно говоря, крайнюю дешевизну, которую не можетъ не оцѣнить каждый, кто знаетъ, во что обходится у насъ изданіе дѣйствительно точныхъ и вѣрныхъ гравюръ.

Въ предисловіи къ своему изданію г. Ровинскій говоритъ: «Примѣчанія», напечатанныя въ IV-мъ томѣ, и «Заключеніе» (замѣняющее обычное «предисловіе»), помѣщенное въ V-мъ томѣ, имѣютъ чисто компилятивный характеръ. Держаться строгой системы было здѣсь почти невозможно: объ одномъ предметѣ свѣдѣній набиралось много, о другомъ гораздо меньше». Но не должно давать полную вѣру такому черезчуръ скромному отзыву автора о своемъ трудѣ: «Примѣчанія» IV-го тома и «Заключеніе» V-го тома представляютъ, какъ въ томъ легко убѣдится каждый научный читатель, вовсе не одну только механическую компиляцію случайно попадавшихся подъ руку свѣдѣній и матеріаловъ, а такой рядъ отдѣльныхъ, систематически предпринятыхъ, сложныхъ изслѣдованій, которыя обогащаютъ исторію русскаго народнаго художе-

ства и русской національной культуры новыми и многообразными результатами.

Г. Ровинскій изучилъ для этого, можно сказать, цѣлую библиотечку предметовъ, входившихъ въ кругъ его изслѣдованій; посѣтилъ всѣ главныя книгохранилища и эстампныя коллекціи Европы; совершилъ нѣсколько путешествій въ чужіе края, побывалъ со специальною своею цѣлію даже въ Каирѣ, Китаѣ, Японіи и Индіи, и оттуда вывезъ кипы мѣстныхъ лубочныхъ картинокъ, казавшихся ему необходимыми при изслѣдованіи вопроса о коренномъ происхожденіи той или другой русской лубочной картинки; наконецъ, добылъ себѣ, цѣною долгихъ поисковъ, не малое количество старинныхъ старопечатныхъ нѣмецкихъ, голландскихъ и иныхъ лубочныхъ картинокъ, въ книгахъ и отдѣльными листами—все съ цѣлью найти первообразы иныхъ русскихъ лубочныхъ картинокъ, тѣхъ, которыя были не отечественнаго нашего происхожденія. Неужели весь этотъ огромный систематическій трудъ розысканія и изслѣдованія можетъ быть названъ механическою «компиляціей»?

Нѣтъ, значеніе труда г. Ровинскаго совершенно иное, и полное достоинство его можетъ быть раскрыто только подробнымъ изученіемъ, которому я и посвящаю слѣдующіе дагѣ параграфы.

Въ заключеніе, замѣчу еще, что превосходный и обширный «Алфавитный указатель именъ и предметовъ», приложенный къ изданію и занимающій 200 страницъ, много прибавляетъ къ достоинству, значенію и полезности сочиненія.

Въ своемъ сочиненіи, г. Ровинскій расположилъ всѣ извѣстныя въ настоящую минуту русскія лубочныя картинки въ порядкѣ ихъ сюжетовъ. При этомъ разнообразныя наши стили, школы, производства и направленія смѣшаны, такъ что, напримѣръ школы Московская, Кіевская, Петербургская и инныя возвращаются много разъ; гравюры на мѣди и на деревѣ, сюжеты оригинально-русскіе—и сюжеты, заимствованныя изъ Европы, мотивы вполнѣ національныя—и мотивы, скопированныя отъ другихъ или же переделанныя съ чужихъ образцовъ на русской ладъ,—все это идетъ рядомъ и вмѣстѣ, часто смѣняя одно другое, и авторъ представляетъ каждый отдѣльный сюжетъ лишь, по возможности, въ хронологическомъ порядкѣ послѣдовательнаго появленія гравюръ на

свѣтъ. Я нахожу, что въ этомъ г. Ровинскій былъ правъ, потому что мудрено было бы избрать другой порядокъ при первомъ всестороннемъ опубликованіи и изложеніи всего имѣющагося на лицо матеріала. Всякое иное систематизированіе было бы, мнѣ кажется, преждевременно и шатко. Есть еще много спорныхъ пунктовъ, покуда еще не разрѣшенныхъ вполне, или и вовсе еще не подвергнутыхъ критикѣ. Разомъ пересмотрѣть и разрѣшить ихъ всё, превосходило, конечно, силы и средства одного человѣка, какою опытностью, настойчивостью, трудолюбіемъ и знаніемъ ни обладалъ бы этотъ одинъ человѣкъ. Для этого необходимы время и долготѣніе труды цѣлаго ряда изслѣдователей. Для всѣхъ нихъ «Полное собраніе» г. Ровинскаго навсегда представитъ драгоценный, желанный и прочный матеріалъ. Но именно теперь-то, когда такое «Полное собраніе» появилось на свѣтъ и сдѣлалось общимъ достояніемъ, становятся возможны частныя изслѣдованія, рассмотрѣніе отдѣльныхъ составныхъ частей, группъ, деталей, подробностей, родовыхъ и видовыхъ признаковъ. Въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ и вопросахъ самъ г. Ровинскій подагъ тому прекрасный примѣръ, и съ полною удовлетворительностью разобралъ и рѣшилъ иные частные вопросы — почти всегда вопросы первостепенной значительности и важности. Вездѣ въ своемъ мѣстѣ я укажу эти отдѣльные случаи.

Въ настоящемъ разборѣ, вслѣдствіе вышеприведенныхъ соображеній, я не послѣдую за г. Ровинскимъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ изложено его сочиненіе, а попробую представить свой опытъ систематизаціи и группировки. Это будетъ служить не только для характеристики и оцѣнки нѣкоторой части даннаго матеріала, но также для оцѣнки и характеристики важнѣйшихъ частей труда г. Ровинскаго.

Главныхъ центровъ, производившихъ въ нашемъ отечествѣ народныя лубчныя картинки, было три—Москва, Кіевъ и Петербургъ. Безъ сомнѣнія, это не были единственные пункты производства; кромѣ этихъ городовъ народныя наши картинки производились также въ Новгородѣ, Владимірѣ, Черниговѣ, Соловецкомъ монастырѣ, наконецъ, въ Почаевѣ, и т. д., но количество ихъ было, сколько до сихъ поръ приведено въ извѣстность, незначительно, и притомъ трактованные въ этихъ мѣстностяхъ сюжеты не представляютъ ни особенной важности, ни характерности, ни интереса. Все самое значительное и исторически-замѣчательное, національно-характерное и этнографически-значительное, а нако-

нецъ, даже и наиболѣе развитое по художественной технику, вышло изъ рукъ народныхъ рисовальщиковъ и граверовъ московскихъ, кievскихъ и петербургскихъ. Поэтому я и обращаюсь теперь исключительно къ этимъ тремъ школамъ. Надо надѣяться, что труды другихъ изслѣдователей пополнятъ впоследствии доступные въ настоящее время результаты свѣдѣніями и характеристиками школъ второстепенныхъ, каковы Новгородская, Владимiрская, Черниговская и инныя.

I.

Московская школа.

Московская школа народныхъ лубочныхъ картинокъ не есть старѣйшая наша школа. По времени, ей предшествовала Кіевская школа на дѣлѣхъ три-четверти столѣтія, но она есть самая значительная наша школа по характеру, самобытности и своеобразности своихъ задачъ и выполненія.

Ни въ какихъ другихъ лубочныхъ русскихъ картинкахъ не выразились съ такою характеристичностью и своеобразіемъ разныя стороны русскаго національнаго духа, какъ въ московскихъ. Между произведеніями этой школы есть картинки самаго разнообразнаго содержанія — религіознаго, историческаго, сатирическаго, багатурнаго, наставительнаго, учебнаго, сказочнаго, фантастическаго и т. д. Инны изъ нихъ, и даже въ довольно значительномъ количествѣ, представляютъ копію или передѣлку съ иностранныхъ образцовъ; но тутъ же рядомъ является цѣлая масса картинокъ истинно оригинальныхъ, вполне самобытныхъ, созданныхъ непосредственнымъ творчествомъ самаго Русскаго народа, ни откуда не заимствованныхъ. И вотъ оказывается, что именно эти послѣднія картинки имѣли наибольшее распространеніе среди народа, получили наибольшую знаменитость, и что ихъ характерныя названія — въ устахъ у всѣхъ, отъ одного конца государства и до другаго, съ сѣвера и до юга, съ запада до востока. Это — картинки съ политическимъ содержаніемъ, относящіяся къ тѣмъ особенно важнымъ событіямъ и личностямъ, которыхъ крупное, неизбежное вліяніе сильно отразилось на жизни Русскаго народа. Можно смѣло сказать, что эти вполне народныя картинки были несравненно болѣе распространены въ народѣ и пользовались у него большею знаменитостью, чѣмъ картинки религіознаго содержанія. Безъ со-

миѣнія, изображенія Спасителя, Богоматери, апостоловъ, святыхъ, явленій и чудесъ, монастырей и церквей удовлетворяли постоянно самымъ кореннымъ потребностямъ Русскаго человѣка, всегда въ высшей степени религіознаго; но, по самой натурѣ своей обязанныя быть традиціонными и строго сохраняющими стародавній типъ и образецъ, онѣ не могли заключать никакой самостоятельности и смѣлой оригинальности, новаго почина. Тѣ, напротивъ, отличались именно смѣлостью оригинальнаго почина, новостью формъ, своеобразіемъ этнографическихъ и другихъ народныхъ подробностей.

Миѣ кажется, нельзя не относиться съ наибольшимъ уваженіемъ къ этому отдѣлу лубочныхъ картинокъ и не дать имъ преимущества предъ всѣми другими. Тутъ выразились съ полною ясностью мысль и чувство Русскаго народа.

Что думалъ нашъ народъ о старыхъ своихъ князьяхъ и царяхъ, правителяхъ, начальникахъ и судьяхъ, вообще о заправителяхъ его судьбы, того въ лубочныхъ картинкахъ не сохранилось. Одно время полагали-было у насъ, что знаменитая картинка «Мыши kota погребаютъ», относилась къ Ивану Грозному и представляла протестъ сдавленнаго желѣзнымъ кулакомъ народа. Но это оказалось ни на чемъ не основаннымъ предположеніемъ, а картинка — созданіемъ болѣе чѣмъ на сто лѣтъ позднѣйшимъ. Не удѣлало, да по видимому, никогда и не бывало, никакихъ изображеній, отъ руки народа, событій изъ временъ Ивана IV, его безпредѣльныхъ насилій, тиранства, безумной злобы, сыноубійства, прелюбодѣяній, причины, народнаго ужаса и унынія. Еще и гравюра была мало распространена въ народѣ (ее знали только въ Евангеліяхъ и Апостолахъ, да и рисовальщиковъ покуда не было). Про времена Самозванца, народной смуты, междуцарствія и польскаго нашествія также ничего не извѣстно по лубочнымъ картинкамъ. Правда, въ былинахъ и сказкахъ о Добрынѣ встрѣчаются личности злой кудесницы и еретички Маринки и ея любовника Змѣя Горыныча, которыя объясняются иными изслѣдователями какъ личности Марины Мнишекъ и Самозванца, но изъ былинъ и сказокъ эти фигуры въ лубочныя картинки не перешли. Время первыхъ трехъ царей дома Романовыхъ — Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича точно также ничего не представляетъ въ ряду лубочныхъ картинокъ. Можно сказать съ полною увѣренностью, что, по всѣмъ признакамъ, картинокъ съ историческимъ и политическимъ содержаніемъ изъ этого времени не только не сохранилось, но и вовсе не было.

За то въ эпоху Петра Великаго ихъ появляется цѣлая масса. Въ эту пору народъ былъ затронутъ въ самыхъ коренныхъ своихъ симпатіяхъ и привычкахъ, весь складъ его жизни былъ насильственно потрясенъ до корней, начиная отъ самыхъ важныхъ національныхъ основъ и кончая мелкими подробностями внѣшности. Не имѣя силы для сопротивленія, онъ естественнымъ образомъ гнулся и покорялся, но все-таки ропталъ и жаловался, и выражалъ свое недовольство въ той формѣ, которая почти одна ему еще и оставалась для этого доступною — въ формѣ юмора и художественнаго приносканія. Громадное историческое значеніе геніальнаго преобразователя Россіи оставалось неизвѣстно темной массѣ народной, но она слишкомъ ярко чувствовала раны, безжалостно, а иногда совершенно безцѣльно ей наносимыя, и — стонала какъ умѣла.

Однимъ изъ важнѣйшихъ народныхъ созданій этого рода является знаменитая лубочная картинка «Мыши kota погребаютъ». Г. Ровинскому принадлежитъ та честь, что именно эту капитальную въ исторіи русскаго народнаго развитія лубочную картинку онъ изслѣдовалъ и опредѣлилъ съ наибольшою подробностью, всесторонностью и точностью. Во всѣхъ пяти томахъ текста его ничего нѣтъ важнѣе, замѣчательнѣе и солиднѣе этого его изслѣдованія.

Уже и раньше г. Ровинскаго нѣкоторые изъ числа русскихъ археологовъ приходили къ той мысли, что картинка «Мыши kota погребаютъ» есть не что иное, какъ народная сатира на Петра I, и въ числѣ прочихъ, я также довольно подробно разсматривалъ этотъ вопросъ 24 года тому назадъ, когда, по порученію Академіи Наукъ, писалъ разборъ сочиненія г. Ровинскаго «Обозрѣніе русскаго гравированія на металлѣ и на деревѣ съ 1564 до 1725 года» (Отчетъ о второмъ присужденіи наградъ графа Уварова, за 1858 годъ). Для всѣхъ изслѣдователей первымъ указаніемъ служилъ говоръ народный, народное преданіе, уцѣлѣвшее до нашихъ дней и упорно стоявшее на томъ, что, «картинку эту сочинили раскольники на Петра I».

При такомъ важномъ указаніи, полтруда уже было сдѣлано, становилось уже несравненно легче раскрывать подробности, сравнивать и опредѣлять ихъ. Но честь окончательнаго и уже навсегда несомнѣннаго рѣшенія вопроса вполне принадлежитъ г. Ровинскому. Конечно, чувствуя всю важность этого вопроса, онъ обставилъ свое изслѣдованіе такимъ богатствомъ подробностей, такимъ обиліемъ приемовъ, такою тщательностью и такимъ вниманіемъ къ

наималѣйшимъ деталямъ, какіе лишь рѣдко встрѣчаются въ изслѣдованіи произведеній народнаго творчества. Такъ какъ въ нашей ученой литературѣ, рядомъ съ мыслью объ историческомъ смыслѣ этой картинки, издавна существовала убѣжденіе, что формы и подробности ея — происхожденія все-таки не русскаго, а иностраннаго, европейскаго или восточнаго, то г. Ровинскому захотѣлось разъ навсегда покончить съ этимъ вопросомъ о происхожденіи, такъ чтобы впредь всякій споръ сдѣлался о немъ излишенъ. Съ этою цѣлью онъ рѣшился на изслѣдованія въ самыхъ широкихъ размѣрахъ: онъ, вопервыхъ, просмотрѣлъ въ европейскихъ музеяхъ и библіотекахъ всѣ коллекціи лубочныхъ картинокъ западныхъ народовъ, гдѣ можно было встрѣтить искомый первообразъ, и вотъ, къ какимъ онъ пришелъ результатамъ. Въ чешской хроникѣ Гайка никакой приписки о картинкѣ «Мыши кота погребаютъ» XVI вѣка не оказалось¹⁾. Потомъ, говоритъ г. Ровинскій, — ни въ Дрезденскомъ музеѣ, ни въ другихъ европейскихъ собраніяхъ нѣтъ гравюры, изображающей кота царя Ивана Васильевича (какъ утверждалъ Снегиревъ), а въ Дрезденской галереѣ выставлена только довольно рѣдкая гравюра Голлара, съ подписью «Le vray portrait du chat du grand-duc de Moscovie. 1661», экземпляры которой находятся и въ Петербургской публичной библіотекѣ и въ его (Ровинскаго) собраніи. Такимъ образомъ, родословіе кота нашего отъ лютеранъ и Чеховъ XVI вѣка не подтверждается никакими данными». Затѣмъ г. Ровинскій обратился къ Востоку. И сначала, онъ показалъ, что прежніе наши археологи лишь голословно, и не видавъ собственными глазами подлинныхъ восточныхъ памятниковъ, пробовали производить нашу картинку изъ Индіи, Китая, Египта и т. д. На одной изъ замѣчательнѣйшихъ и важнѣйшихъ страницъ своей книги, послѣ опроверженія европейскаго происхожденія нашей народной картинки, онъ говоритъ: «Еще менѣе представляется данныхъ къ производству этого кота изъ древней Индіи, въ доказательство чего наши археологи при-

¹⁾ На нее указывалъ, еще въ 1821 году, Макаровъ. Онъ говорилъ: «Въ Чешской хроникѣ Венцеслава Гайка, 1553 года, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ упоминается о покушеніи папы обратить Россію въ католическую вѣру, на поляхъ отмѣчено: «приготовили было такую же сатиру, какую лютеране, о погребеніи кота мышами». На этомъ основаніи Макаровъ полагалъ, что первообразомъ русской картинки была сатира въ лицахъ, выпущенная въ свѣтъ сперва лютеранами, а потомъ Чехами, по случаю смерти папы Пія V или Григорія XIII».

водятъ въ примѣръ индѣйскую народную картинку, представляющую кота Видало и рисованную отъ руки индѣйскимъ богомазомъ въ новѣйшее время ¹⁾: тамъ сидитъ котъ Видало, а по обѣимъ сторонамъ его стоятъ мыши. Передняя мышь держитъ кота за серебряный ремень, привязанный къ такому же ошейнику; у задней въ лапахъ копье. Кромѣ того, на спинѣ у кота сидятъ маленькія мышки и держатъ въ лапахъ что-то въ родѣ плетки, а можетъ быть и знамя. Въ верхней части картинки, на престолѣ сидитъ мышь въ коронѣ и красномъ корсетѣ; по сторонамъ прислуживаютъ ей двѣ мыши, стоя на заднихъ лапкахъ: одна изъ нихъ держитъ надъ сидящею мышью зонтикъ, у другой въ лапкахъ какой-то сосудъ. Во время путешествія моего по Индіи въ 1876 году, я купилъ множество такихъ картинокъ, дѣланныхъ отъ руки, въ Бомбей, Бенаресѣ, Калькуттѣ, Танджорѣ и Трихинаполи: въ числѣ ихъ двѣ, съ эпизодами изъ битвы мышей съ кошками. Въ Каирскомъ музеумѣ случилось мнѣ видѣть несравненно древнѣйшій рисунокъ на остаткѣ древняго египетскаго папируса, на которомъ изображена осада кошачьей крѣпости мышиными войсками. Въ Лондонскомъ музеумѣ есть другой такой же папирусъ, на которомъ представлена мышь, сидящая на стулѣ—кошки подносятъ ей разные дары (*Champfleury, Hist. de la caricat. antique, p. 24*). Въ Берлинскомъ музеумѣ есть очень древній камень, на которомъ представлена кошка, играющая на скрипкѣ, передъ нею пляшетъ мышь (тамъ же, 81). Въ Парижской библиотекѣ, въ «Collection Hennip» (XVIII, 21), есть народная картинка—война мышей съ кошками, съ подписью: «A Lyon, par Léonard Odet, coin de la rue Ferrandière, 1610. La grande et merveilleuse Bataille d'entre les Chats et les Rats: qui est la figure d'entre les gros larrons et les petits», внизу стихи въ четыре столбца. Впрочемъ, ни одна изъ этихъ картинокъ не имѣетъ никакого сходства съ нашимъ «погребеніемъ»: съ перваго же взгляда ясно, что ни въ индѣйскихъ картинкахъ, ни въ египетскихъ папирусахъ нѣтъ положительно ни малѣйшаго намека на погребеніе нашего казанскаго уроженца, ничего схожаго съ нашею картинкой, кромѣ развѣ того, что тамъ и тутъ есть котъ и есть мыши, и что тамъ и тутъ сюжетъ основанъ на непримиримой, племенной враждѣ ихъ. Наша картинка—чисто русское произведеніе, ни откуда не заимствованное и не имѣющее

¹⁾ Эта картинка, по просьбѣ г. Ровинскаго, отыскана въ Индіи и привезена сюда однимъ знакомымъ его, Е. И. Барановскимъ.

никакого сходства ни съ восточными оригиналами, ни съ нюрнбергскими похородами охотника, на которые указываетъ Снегиревъ, ни съ другими западными измышленіями. Всѣ надписи на ней, всѣ подробности взяты прямо изъ русскаго быта—это вполне оригинальное произведеніе русскаго народнаго буффа» (т. IV, стр. 257—259).

Со всѣми этими общими соображеніями г. Ровинскаго нельзя не согласиться. Вражда мышей съ котами, одолеваніе то той, то другой стороны — все это не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что изображено въ русской народной картинкѣ. Рѣчь идетъ здѣсь не о возстаніи слабыхъ на сильныхъ, не о побѣдѣ первыхъ надъ вторыми, но также не о торжествѣ сильныхъ надъ слабыми — ни того, ни другаго нѣтъ въ нашемъ лубочномъ изображеніи. Обычное, вѣками и природой установленное отношеніе кота къ мышамъ и мышей къ коту сохранено во всей ненарушимости. Мыши не возстаютъ, не бунтуютъ, не сопротивляются и не предпринимаютъ никакой осады, ни войны. Онѣ вполне покорны существующему порядку, но только, когда ихъ всегдашняго врага и притѣснителя уже нѣтъ болѣе на свѣтѣ, онѣ радуются, общими силами запрягшись въ ямки везутъ кота хоронить, несутъ поминальные пироги и блины на спинахъ, да поминальное же питье въ ушатахъ, играютъ на волынкахъ, распѣваютъ пѣсни и даже, набравшись храбрости до высшей степени, «кота проклинаютъ». Все это живо и вѣрно рисуетъ исторію нашихъ раскольниковъ, какъ той части Русскаго народа, которая была до глубины души потрясена и взволнована безпощадною и часто безцѣльною ломкою, какую предпринялъ Петръ Великій надъ всѣми формами коренной русской жизни и надъ всѣми подробностями кореннаго русскаго быта. Въ характерномъ, но слабомъ и запоздаломъ протестѣ недовольныхъ Петромъ Русскихъ нѣтъ ничего чужеземнаго, ничего заимствованнаго, копированнаго: все своеобразно, все полно подробностей специально-національныхъ. Замѣчательно, что самъ народъ изображаетъ себя тутъ слабою, безсильною мышкой, самъ надъ собою трунить, подсмѣивается и зубоскальничаетъ. Наврядъ ли встрѣтишь подобную черту въ другихъ народныхъ картинкахъ и сатирахъ.

Доводы г. Ровинскаго въ пользу того, что въ настоящей картинкѣ подъ видомъ кота представленъ никто иной, какъ Петръ I, неопровержимы. Эти доводы, основанные на подробнѣйшемъ и тщательнѣйшемъ разсмотрѣніи всѣхъ разнообразныхъ, уцѣлѣв-

шихъ до нашего времени переводовъ этой картинки, изъ собраній Императорской Публичной библіотеки, Олсуфьевскаго собранія и коллекціи самого г. Ровинскаго, очень обширны, и потому было бы невозможно повторять ихъ здѣсь во всей подробности, но достаточно будетъ перечислить ихъ вкратцѣ. Вотъ въ чемъ они состоятъ: 1) Выписанные надъ котомъ титулы суть титулы царскіе: «котъ казанскій, умъ астраханскій, разумъ сибирскій» и т. д. 2) Котъ этотъ былъ знатный подпивало и веселый объѣдало. 3) Котъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ чухнами и всѣмъ чухонскимъ («Чухонка вдова Маланья», «чухонскія дровни», «ушать мерзлаго пива изъ-подъ Маймистскаго захода»). 4) Котъ былъ нрава крутаго («по цѣлому мышенку глоталъ», около его дровенъ идетъ множество сильно искалѣченнаго имъ народа: у кого «рыло отшибено», кто «пораненъ» имъ, кто принужденъ «на костыляхъ» брести). Замѣчательно, что обиженными и черезчуръ противъ шерсти затронутыми, со стороны кота, оказываются личности, являющіяся чуть не со всѣхъ концовъ не только самой Москвы, но и всего нашего отечества. Сначала дѣло идетъ о Москвѣ: мыши съ Балчюга, изъ нѣмецкихъ лавокъ, съ Рогожскаго, съ Таганки, съ Арбата, съ Полянки. Но потомъ идетъ дѣло и о разныхъ краяхъ Россіи: мыши «деревенская» и «сельская», мыши съ Дона, изъ Татаръ, съ Рязани, мыши Ермаки, украинскія; чухонскія (съ Рожновой горы), охтенскія и ямскія (=петербургскія), шлюшенскія, коломенскія, олонецкія, Корелки, съ Крыма, Новгородки, — наконецъ, «мышь полевая». Тутъ дѣло идетъ, по видимому, уже не объ однихъ раскольникахъ: обиженныя и оскорбленныя, удрученныя и преслѣдуемыя мыши явились вдругъ со всѣхъ краевъ Россіи, и часто изъ такихъ, которые именно только при Петрѣ I вступили въ составъ Русскаго государства, такъ что тутъ не можетъ быть рѣчи объ однихъ только специально раскольникахъ. 5) Въ четырехъ мѣстахъ текста говорится о лаптяхъ, которыми, какъ извѣстно, Петръ I сильно интересовался. 6) Похороны происходятъ зимой, дровни везутъ восемь мышей. 7) Котъ умеръ, по сказанію надписи, въ «сѣрый четвергъ», въ «шестопятое число»: въ поясненіе послѣднихъ подробностей г. Ровинскій указываетъ на то, что Петръ I скончался въ «четвергъ», съ 5-го на 6-е января (=шестопятое число), что во время похоронъ тѣло Петра I вези въ саняхъ, запряженныхъ восемью лошадьми (=сани на 8 мышахъ лубочной картинки), и притомъ «съ музыкой», какъ на лубочной картинкѣ). 8) Наконецъ, въ числѣ подробностей, ярко доказывающихъ, въ

лубочной картинкѣ, намѣреніе изобразить тутъ Петра I, г. Ровинскій (согласно розысканіямъ прежнихъ изслѣдователей, и именно моимъ) указываетъ на изображеніе въ картинкѣ «мышки, тянущей табачишка»: раскольникамъ было очень противно дозволеніе, данное Петромъ I, указами 1698 и 1723 годовъ, иностранцамъ ввозить табакъ и трубки въ Россію. Въ добавокъ къ прочимъ подробностямъ о табакѣ, высказаннымъ въ этомъ мѣстѣ г. Ровинскимъ, скажу съ своей стороны, что въ лубочной картинкѣ Императорской Публичной библіотеки, изъ собранія Погодина, мыши, идущія хоронить Петра I, тянущія его дровни или несущія поминки по немъ, всѣ представлены чернаго цвѣта, но мышь, тянущая табачишка, одна представлена бѣлою, точно также какъ бѣлымъ представленъ и самъ котъ, котораго хоронятъ: значить, эта мышь совсѣмъ другая, чѣмъ всѣ прочія, и по цвѣту (=характеру, натурѣ) она состоитъ въ согласіи и единствѣ съ тѣмъ котомъ, котораго хоронятъ, и который любилъ и позволялъ такое омерзительное дѣло, какъ куреніе табака. Притомъ же она насѣла на спину черной мыши. Къ этимъ восьми главнымъ пунктамъ доказательствъ своихъ г. Ровинскій прибавляетъ еще нѣсколько другихъ, меньшей важности. Но всѣ они вмѣстѣ, въ общей своей сложности, не оставляютъ никакой возможности сомнѣваться въ томъ, что настоящая картинка—политическая карриатура на Петра Великаго.

Другая, подобная же знаменитая лубочная картинка изслѣдована г. Ровинскимъ совершенно самостоятельно. Это «Яга-Баба, дерущаяся съ крокодиломъ». Про «Мыши кота погребаютъ» писали, раньше г. Ровинскаго, и другіе наши изслѣдователи, и приходили къ убѣжденію, что въ этой картинкѣ подъ видомъ кота разумѣется никто другой, какъ Петръ I. Про «Бабу-Ягу съ крокодиломъ» тоже писали у насъ раньше г. Ровинскаго, но только со стороны технической и художественной, и никто еще, до сихъ поръ, не пробовалъ доказывать, что и эта картинка имѣетъ значеніе историческое, и подобно предыдущей, есть сатира на Петра I. Но и на этотъ разъ г. Ровинскій имѣлъ, со своими доказательствами, полный успѣхъ. Его доводы имѣютъ силу неоспоримую. Картинка «Баба-Яга съ крокодиломъ», по происхожденію своему, принадлежитъ болѣе раннему времени, чѣмъ «Мыши кота погребаютъ»: послѣдняя картинка сочинена никакъ не ранѣе смерти Петра I (потому что указываетъ даже на день и число погребенія и на разныя характерныя подробности этого погребенія, дѣйствительно

совершившіяся въ 1725 году), а «Баба-Яга» явно сочинена еще въ то время, когда Петръ I былъ живъ; но тѣмъ не менѣе, картинка болѣе поздняя имѣетъ несравненно большее значеніе, чѣмъ картинка, предшествовавшая ей по времени. Картинка «Мыши ката погребають» есть цѣлый «обвинительный актъ» противъ Петра I, полное перечисленіе всего, чѣмъ были недовольны и возмущены съ его стороны Русскіе люди конца XVII и начала XVIII вѣка—это обвинительный актъ его дѣяній государственныхъ и историческихъ. Задача «Бабы-Яги съ крокодиломъ» гораздо уже: здѣсь заключается только «обвинительный актъ» противъ его частной жизни. Картинка представляетъ сатирической дуэтъ, гдѣ Петръ I является съ глазу на глазъ со своею второю супругою, Екатериною Алексѣевною. Онъ—крокодилъ (любимое названіе Петра I у раскольниковъ), она—злая чухонская колдунья. Г. Ровинскій находитъ даже, что въ одномъ изъ переводовъ этой картинки (№ 38 въ его Атласѣ) Баба-Яга напоминаетъ нѣсколько портретъ Екатерины I въ обезображенномъ типѣ Моора, въ гравюрѣ Ивана Зубова, — и я охотно примыкаю къ этому мнѣнію, находя его вполне справедливымъ. Для громадной массы Русскихъ начала XVIII вѣка казалось невыносимымъ, чтобы женою царя явилась, на мѣсто коренной Русской, какою была Евдокія Ѳеодоровна Лопухина, первая супруга Петра, какая-то Шведка, или какъ простой народъ называлъ ее тогда — Чухонка. Она казалась чѣмъ-то «нечистымъ», какимъ-то нехристомъ, чаровницей, колдуньей, околдовавшей Петра, и вотъ грубые мужики русскіе представляютъ ее въ чухонскомъ нарядѣ, въ мѣховой шапкѣ, въ платьѣ, отороченномъ мѣхомъ и вышивками, колдуньей на свиньѣ (= олицетвореніи злаго духа и всяческаго злаго начала). Она, со злобой высунувъ языкъ и вытаращивъ глаза, ведетъ атаку на «крокодила», потрясая въ воздухѣ пестомъ и держа наготовѣ, за поясомъ, гребень для пряжи ¹⁾ и топоръ. Онъ, хотя тоже сердитый и злой, тоже съ выпученными глазами, но ничего самъ противъ нея не предпринимаетъ, да и

¹⁾ Г. Ровинскій называетъ этотъ гребень—граблями (т. I, стр. 188), но это несправедливо: въ этомъ легко убѣдится всякій, собственными глазами видавшій крестьянскій (все равно русскій или чухонскій) гребень для пряжи. Но полнымъ подтвержденіемъ тому, что тутъ на лицо гребень, а не грабли, служатъ еще лубочная картинка въ атласѣ г. Ровинскаго № 149, на которой представлена «баба, прядущая нитки»: здѣсь изображена баба въ сарафанѣ и кичкѣ, прядущая на прялкѣ, надъ которою находится точно такой гребень, какъ за поясомъ у Бабы-Яги.

притомъ онъ безоруженъ, онъ только защищается противъ ея атаки. Она быстро несется на него, сидя верхомъ на своей свиньѣ; онъ же сидитъ смиренно на корточкахъ и только выдвинулъ свои переднія лапы ей на встрѣчу. Она является здѣсь, по народному понятію, началомъ активнымъ, онъ — пассивнымъ. Она затѣваетъ баталію, онъ только продолжаетъ ее. И изъ-за чего все дѣло пошло? Изъ-за «скляницы съ виномъ», «стоящей подъ кустомъ», изъ которой каждому изъ нихъ охота была великая напиться: злой намеркъ народа на извѣстную приверженность Петра Великаго и его супруги къ крѣпкимъ напиткамъ. А чтобы никто изъ зрителей не могъ сомнѣваться въ томъ, что рѣчь идетъ не о какомъ-то неизвѣстномъ, какомъ-то безразличномъ Иксѣ, а именно о Петрѣ, крокодилъ картинки посаженъ у воды, и тутъ въ уголку представленъ корабликъ съ парусами и мачтами — любимая утѣха и цѣль стремленій Петра I.

Еще въ другой народной картинкѣ, того же направленія и той же эпохи, Баба-Яга нарисована уже въ ладахъ со своимъ мужемъ (№ 39). Они пляшутъ вмѣстѣ. Онъ является уже не «крокодиломъ», а просто «мужикомъ, плѣшивымъ старикомъ», она — все по прежнему Баба-Яга, злая и противная. Наконецъ, еще въ иныхъ картинкахъ изображено преобладаніе Екатерины надъ Петромъ — преобладаніе, только мерещившееся нашему народу, а на дѣлѣ вовсе не существовавшее: Петръ I заключалъ въ натурѣ своей такой могучій, самостоятельный и самобытный характеръ, что, конечно, не слабой и безцвѣтной, въ интеллектуальномъ отношеніи, Екатерина было къ чему-нибудь направлять его. Это преобладаніе изображено на этотъ разъ посредствомъ старинной общераспространенной сказки о томъ, какъ молодая женщина осѣдлала старика и ѣдетъ на немъ верхомъ, а онъ покорно бредетъ на четверенькахъ (№ 220). На нашей картинкѣ осѣдланному пришлось такъ тяжело, что онъ даже опирается, спереди на клюку, а сзади роняетъ калъ. На этотъ разъ Баба-Яга представлена уже не въ волшебномъ и національномъ костюмѣ, а въ костюмѣ новомъ, современномъ, европейскомъ, въ манжетахъ и шейзеткѣ, и только на головѣ надѣтъ какой-то фантастическій токъ ¹⁾.

¹⁾ Г. Ровинскій не правъ, называя костюмъ Нѣмки то «турецкимъ», то «чухонскимъ» (т. I, стр. 450; т. V, стр. 40). Тутъ ни турецкаго, ни чухонскаго ничего нѣтъ, все — европейское, за исключеніемъ одного тока или берета, котораго характеръ фантастическій.

Открытіе истиннаго значенія всѣхъ этихъ народныхъ картинокъ принадлежитъ вполнѣ г. Ровинскому. Правда, ему руководною нитью служило, до нѣкоторой степени, преданіе, даже и до сихъ поръ уцѣлѣвшее у раскольниковъ и приписывающее нѣкоторымъ изъ этихъ картинокъ именно смыслъ каррикатуръ на Петра I и Екатерину; но это было только указаніе темное, еще не подкрѣпленное никакими частными, подробными доводами: г. Ровинскій отыскалъ и вывелъ на свѣтъ эти доводы, представилъ доказательство въ полномъ ихъ всеоружіи. Радуюсь этому и вполнѣ соглашаясь съ доводами этими, я считаю полезнымъ подкрѣпить ихъ еще нѣкоторыми указаніями. Оставляя въ сторонѣ, на минуточку, самыя изображенія, подробности костюмныя, этнографическія и историческія, я нахожу даже въ самыхъ текстахъ, сопровождающихъ эти картинки, одни и тѣ же выраженія, одинъ и тотъ же складъ и обороты рѣчи, которые не встрѣчаются болѣе ни въ какихъ другихъ народныхъ нашихъ картинкахъ, и связываютъ эти относящіяся до Петра I, изображенія въ одну группу, въ одно нераздѣльное цѣлое, котораго отдѣльные члены, народные листы, исходили изъ одной и той же мастерской, изъ однѣхъ и тѣхъ же рукъ, изъ однѣхъ и тѣхъ же головъ и настроенія. Въ картинкѣ «Мыши kota погребаютъ» говорится: «Чюрилка сарначъ въ сопѣль (свирѣлку) играетъ, а ладу не знаетъ»; въ «Бабѣ-Ягѣ пляшущей съ мужикомъ»: «... скачуть, пляшуть, въ волынку играютъ, а ладу не знаютъ». Въ «Бабѣ-Ягѣ съ крокодиломъ»: «Да у нихъ же подъ кустомъ—скляница съ виномъ»; въ «Мыши kota погребаютъ»—«А заступъ въ торокахъ—Да скляница вина въ рукахъ»; въ «Нѣмка верхомъ на старикѣ»: «Посулила ему скляницу вина», «Да курганъ (= кумганъ) пива», и т. д. И тутъ, и тамъ складъ, разиѣръ стиха, выраженія—совершенно тождественны. О тождественности техническаго способа гравюры будетъ говорено ниже.

Замѣчу еще, что, по моему глубокому убѣжденію, нельзя считать единственными сатирами на Петра I только тѣ наши народные картинки, которыхъ истинное содержаніе и смыслъ такъ блистательно доказаны теперь г. Ровинскимъ. Я твердо увѣренъ, что дальнѣйшія изслѣдованія нашихъ знатоковъ непременно приурочатъ къ этой же категоріи еще множество другихъ народныхъ картинокъ. Въ настоящее время, не входя въ слишкомъ обширныя подробности, укажу на два примѣра.

Коль скоро несомнѣнно то, что къ личности Петра I и Екатерины I относится картинка: «Нѣмка верхомъ на старикѣ» (№ 220),

то нѣтъ, миѣ кажется, никакого резона не относить точно также къ тому самому разряду сатиръ на Петра I и Екатерину картинки: «Старый Нѣмецъ на колѣняхъ у молодой Нѣмки», «Молодая Нѣмка кормитъ стараго Нѣмца соской» (№№ 217, 218, 219 у г. Ровинскаго). Содержаніе, направленіе, общій складъ, частныя подробности, рисунокъ, гравюра, выраженія текста—вездѣ совершенно родственны. А если главное дѣйствующее лице названо «Нѣмцомъ», и костюмы у всѣхъ на картинкахъ нѣмецкіе, то это не должно вводить насъ въ заблужденіе: это не богѣе, какъ нехитрый литературный приѣмъ для отвода глазъ. Притомъ же эти костюмы, какъ и вообще всѣ подробности рисунка, совершенно тождественны съ таковыми же, несомнѣнно русскаго происхожденія Петровской эпохи, каковы: «Блинница» (№ 120), «Угощеніе яблоками» (№ 125) и другія. Въ числѣ сходныхъ подробностей замѣтимъ двѣ особенно важныя: на картинкахъ №№ 218 и 219 старикъ испускаетъ изъ себя калъ, точно также какъ на картинкѣ 220 (при чемъ ему помогаетъ лѣкаръ-Нѣмецъ), а на картинкѣ № 220 старикъ представленъ съ длинною бородой, точь въ точь какъ «крокодыгъ» на картинкѣ «Баба-Яга ѣдетъ съ крокодиломъ драться» (№№ 37 и 38), конечно, для отвода глазъ и мысли зрителя отъ Петра I, такъ какъ тотъ ненавидѣлъ и преслѣдовалъ бороды.

Другой примѣръ. Основываясь на устныхъ раскольничьихъ преданіяхъ, г. Ровинскій признаетъ, что въ народной картинкѣ Олсуфьевскаго собранія «Христосъ побѣждаетъ Антихриста» (№ 1016) Антихристъ, упавшій съ коня и поражаемый молніеноснымъ мечемъ, исходящимъ изъ рукъ Христа, сидящаго на облакахъ, изображенъ съ лицомъ Петра I. Но если это драгоценное указаніе вполне справедливо (въ чемъ я ничуть не сомнѣваюсь), то точно также необходимо признать относящуюся къ личности Петра I еще одну народную картинку, всегда бывшую у насъ въ народѣ очень знаменитою. Это—«Быкъ не захотѣлъ быкомъ быть» (Атласъ г. Ровинскаго, № 176). Г. Ровинскій говоритъ: «Первоначальные мотивы этой картинки можно подыскать во многихъ западныхъ произведеніяхъ: въ средневѣковыхъ миниатюрахъ есть изображенія мужчины, посаженнаго за прылку; у Ганса Сакса зайцы жарятъ охотника на вертелѣ (Scheible, Das Schaltjahr, I, 409); въ нашемъ Эрмитажѣ есть картина знаменитаго Поттера, на которой представленъ судъ звѣрей надъ охотникомъ. Но полнѣе всего мотивы Свѣта на изворотѣ представлены на заглавномъ листѣ англійскаго лубочнаго изданія: Mad fashions, odd fashions...

by John Taylor, London, 1642 (Old book collectors, by Ch. Hindley, London, 1873, vol. III)». По моему мнѣнію, нѣтъ не только близкаго, но даже и далекаго сходства въ личностяхъ, предметахъ и подробностяхъ, изображенныхъ на каждой изъ этихъ народныхъ картинокъ. Въ одномъ случаѣ на сценѣ мужчина за прялкой, въ другомъ — зайцы, жарящіе охотника, въ третьемъ — охотникъ, судимый звѣрями, въ четвертомъ — человѣкъ, насучившій себѣ на руки сапоги со шпорами вмѣсто перчатокъ, церковь внизъ крышей, свѣча внизъ огнемъ, лошадь, заманувшаяся на упавшаго изъ телеги сѣдока, собака, бѣгущая отъ зайца, кошка отъ мыши, рыба, плавающая въ воздухѣ, и т. д. Вездѣ тутъ изображенъ только «свѣтъ на изворотъ», представлена смѣхотворная идея, забавная «небылица въ лицахъ», балагурство, очень нерѣдко приходившее на умъ людямъ разныхъ странъ и разныхъ эпохъ, всякій разъ на свой особый ладъ. Подобныя же смѣхотворныя изображенія есть, конечно, и на нашей картинкѣ, на примѣръ: «овца, искусная мастерица, велитъ всѣмъ пастухамъ остричься»; «мужикъ, нарядясь, въ стулѣ сидитъ, хочеть стряпчихъ, судей и подъячихъ судить»; «попугай мужика въ кѣтку посадилъ, чтобы онъ говорилъ» и т. д. Я готовъ даже согласиться, что всѣ онѣ, или по крайней мѣрѣ многія, суть ничто иное, какъ копии съ иностранныхъ оригиналовъ, потому что не только въ костюмахъ дѣйствующихъ лицъ, но и во многихъ другихъ подробностяхъ, указываютъ на условія быта вовсе не русскаго: такъ, на примѣръ, много разъ представленъ оселъ, какъ принадлежность крестьянскаго быта («оселъ мужика погоняетъ», «бабы осла забавляли», «оселъ мужика брилъ»... и т. д.); но замѣчу, что всѣ эти изображенія являются въ нашей картинкѣ изображеніями второстепенными, маленькими сюжетиками, составляющими рамку вокругъ главнаго, центрального сюжета. А этотъ главный, центральный сюжетъ — уже вовсе не смѣхотворный и не балагурный, не забава и не шутка, а сюжетъ страшный и трагическій. Текстъ изъ виршей говоритъ здѣсь: «Быкъ не захотѣлъ быть быкомъ, да и сдѣлался мясникомъ. Когда мясникъ сталъ бить въ лобъ, то, не стерпя его удару, ткнулъ рогами въ бокъ, а мясникъ съ ногъ долой свалился, то быкъ выхватить у него топоръ потщился, отрубимши ему руки, повѣсилъ его вверхъ ногами, и сталъ таскать кишки съ потрохами». Здѣсь восемь стиховъ, и они рисуютъ цѣлую сцену; остальные 13 маленькихъ картинокъ снабжены каждая всего только двумя стихами, содержаніе которыхъ всякій разъ очень кратко и расска-

зываетъ всего только одинъ моментъ, а не нѣсколько послѣдовательныхъ, какъ главной картинки. Но, кромѣ этихъ существенныхъ отличій, мы въ этой послѣдней встрѣчаемъ еще нѣсколько другихъ. Впервыхъ, топоръ, которымъ завладѣлъ быкъ, имѣетъ форму топора русскаго (другое топориче, короткое, и совершенно иначе насаженное, въ сравненіи съ иностранными). Вовторыхъ, на быкѣ фартукъ и малые ножи, привѣшенные сбоку у пояса, точь въ точь какъ у настоящихъ русскихъ мясниковъ даже и до сихъ поръ. Втретьихъ, лицо и голова повѣшеннаго ногами вверхъ мясника представляетъ замѣчательное сходство съ лицомъ и головою Антихриста, изображеннаго въ одной любопытной лубочной картинкѣ раскольническаго происхожденія. Описывая картинку изъ Олсуфьевскаго собранія «Христосъ побѣждаетъ Антихриста», г. Ровинскій говоритъ, что здѣсь раскольники нарисовали Антихриста въ образѣ Петра I. Но если это справедливо, съ умѣмъ я вполне согласенъ, то не могу не замѣтить, что голова мясника, повѣшеннаго вверхъ ногами, являющаяся поэтому лбомъ внизъ и подбородкомъ вверхъ, съ волосами, раскатившимися внизъ и повисшими въ пространствѣ (картинка № 176 въ Атласѣ г. Ровинскаго, нашъ рисунокъ № 1) представляетъ, по моему мнѣнію, разительное сходство съ головою Антихриста (= Петра I), представленнаго упавшимъ съ коня: Антихристъ изображенъ (картинка № 1016 въ Атласѣ г. Ровинскаго) головою внизъ, ногами вверхъ; поза и поворотъ головы (нашъ рисунокъ № 2) точь въ точь — тѣ самыя,

Рис. № 1.

Рис. № 2.

что и въ картинкѣ «Быкъ не захотѣлъ быть быкомъ» (нашъ рисунокъ № 1), и что гораздо важнѣе, не только форма разметавшихся, повисшихъ внизъ волосъ, но и форма лица представляетъ близкое сходство. Для сравненія представляю здѣсь снимки съ обѣихъ головъ.

Замѣтимъ при этомъ, что обѣ картинки: «Христось побѣждаетъ Антихриста» и «Быкъ не захотѣлъ быть быкомъ» — гравированы на мѣди, и по всей вѣроятности, ничто иное, какъ позднее воспроизведеніе оригиналовъ болѣе старыхъ, гравированныхъ первоначально на деревѣ и представлявшихъ прежде въ болѣе простыхъ и несравненно менѣе сложныхъ формахъ: я считаю, что отношеніе поздняго оригинала къ старому было здѣсь точно такое же, какъ, напримѣръ, между первоначальными изданіями «Мыши kota погребаютъ», гравированными еще на деревѣ (№№ 166, 167, 168), и болѣе поздними, гравированными на мѣди (№ 169 разныхъ переводовъ). Въ послѣднихъ многое уже измѣнено, убавлено или добавлено, но главные мотивы вполне просвѣчиваютъ сквозь позднѣйшія формы и подробности.

Къ числу картинокъ, считаеваемыхъ по настоящее время только вообще «забавными», но еще не имѣющими никакого спеціальнаго приуроченія, относится между прочимъ также и картинка: «Медвѣдь съ козою прокляжаются» (№№ 177, 178, 179). На первый взглядъ, у этой картинки нѣтъ никакого особеннаго значенія, и она содержитъ въ себѣ одну только шутку, народное балагурство на ту тему, что «медвѣдь съ козою прокляжаются, на музыкѣ своей забавляются, и медвѣдь шляпу вздѣлъ, да въ дудку игралъ, а коза . . . скачетъ, и въ присядку пляшетъ». Можно было бы даже, пожалуй, предполагать, что этотъ медвѣдь и эта коза ничто иное, какъ «ряженые», тѣ самые, чтó являются на крещенскихъ и масляничныхъ забавахъ. Однако, при болѣе подробномъ изслѣдованіи, оказывается, что тутъ у насъ не простые медвѣдь и коза, а точно такія же историческія аллегоріи, какія мы встрѣчали въ картинкахъ: «Мыши kota погребаютъ», «Баба-Яга» съ крокодиломъ, или мужикомъ и т. д. Коза на картинкѣ № 177 (нашъ рис. № 3) со всѣми послѣдующими копіями и передѣлками съ нея, какова, напримѣръ, «Шутиха Аринка» (Атласъ № 103), есть совершенная копія или повтореніе одной мыши въ Котовомъ погребеніи №№ 166 и 170 (нашъ рис. № 4). Въ верхней полосѣ этихъ картинокъ (въ картинкѣ № 170, подъ № 11) нарисована «мышь съ Рязани сива, въ сарафанѣ синемъ, идучи горько плачетъ, и сама въ присядку пляшетъ». Она представлена стоящею прямо, руки въ боки, но мордочка ея повернута вправо; сарафанъ на ней очень замѣчательный, старинной коренной, русской формы: онъ не подпоясанъ, и шить безъ тальи, безъ всякихъ рукавовъ и держится только на плечахъ; напередѣ онъ разрѣзанъ сверху до низу и застегнутъ рядами застежекъ,

Въ картинкѣ «Медвѣдь съ козю» эта самая фигура повторена еще разъ, но только подъ видомъ козы: про нее тоже сказано въ тек-

Рис. № 3.

Рис. № 4.

стѣ, что она «сива, въ сарафанѣ синемъ, скачетъ и въ присядку пляшетъ»; костюмъ ея точь въ точь тотъ же самый, что въ Котовомъ погребеніи, а именно сарафанъ безъ рукавовъ, держащійся только на плечахъ, безъ талии, съ разрѣзомъ, идущимъ отъ верху до низу и застегнутымъ рядами аграфовъ. Поза также совершенно одинаковая: все тѣло съ лица, одна только козья ея мордочка поворочена вправо, одна рука уперта фертомъ въ бокъ, была бы уперта точно такъ и другая, какъ въ Котовомъ погребеніи, да только поднялась, потому что трясеть въ воздухѣ ложками. Главная разница (кромѣ козьей головы и ногъ, замѣнившихъ голову и лапки мышинныя) состоитъ въ томъ, что эта коза—съ колокольчиками, украшающими ее точно также, какъ «вздѣтая на голову шляпа» украшаетъ ея партнера по пляскѣ—медвѣдя. По всей вѣроятности, этотъ медвѣдь, что «въ дудку играетъ», есть тотъ самый Чурилка сарначь, который въ Котовомъ погребеніи играетъ въ однихъ переводахъ на сопѣлкѣ, въ другихъ—на свирѣлкѣ. Въ картинкѣ № 177 и проч. онъ уже является въ нѣмецкой шляпѣ, можетъ быть, по той же самой причинѣ, по какой дѣйствующія лица картинокъ «старый Нѣмецъ съ молодою Нѣвкой» (№№ 217,

218, 219) представлены также въ какихъ то необыкновенныхъ иностранныхъ шляпахъ.

Всѣ эти сатирическія картинки на Петру I были въ ходу у насъ въ народѣ цѣлыхъ полтора ста лѣтъ, продолжали печататься и распространяться даже до второй половины настоящаго столѣтія, но первоначальное, историческое ихъ значеніе давно уже стерлось и позабылось. Въ народѣ онѣ остались только съ характеромъ «забавныхъ», потѣшныхъ листовъ: тотъ глубокой смыслъ, что въ нихъ присутствовалъ, давно уже утраченъ, подобно тому, какъ въ вышивкахъ великорусскихъ полотенецъ давнымъ давно переэбыть весь язычески-религіозный, первоначальный ихъ смыслъ, и уже давно народъ не видитъ тутъ ничего, кромѣ капризныхъ, совершенно произвольныхъ орнаментовъ—лишенныхъ всякаго значенія пѣтушковъ, павлиновъ, коньковъ, львовъ, человѣчковъ и зданій. Къ великой чести г. Ровинскаго относится то, что онъ сдѣлалъ попытку приподнять хоть уголокъ таинственной завѣсы: навѣрное, множество другихъ изслѣдователей пойдутъ у насъ по его стопамъ, поведутъ изслѣдованіе дальше, и то, что онъ сдѣлалъ относительно глубочныхъ картинокъ, относящихся къ эпохѣ и личности Петра I, распространять на другія эпохи и крупныя наши историческія личности.

Многія темы сами собой напрашиваются на подобное изслѣдованіе. Изъ числа сюжетовъ болѣе древняго времени я указалъ бы на картинку о «Ерпѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинникѣ», и «Шемакинѣ судѣ», которыя мы знаемъ теперь только въ новомъ, сравнительно молодомъ переводѣ, по первоначальныя формы которыхъ были, должно быть, судя по нѣкоторымъ признакамъ, иныя. Еслибы можно было возстановить эту первоначальную форму, мы имѣли бы тутъ, конечно, двѣ изъ самыхъ старыхъ и наиважнѣйшихъ русскихъ иллюстрацій и сатиръ на событія и личности историческія. Изъ числа болѣе новыхъ сюжетовъ, я указалъ бы на «Зерцало грѣшника» (№ 742). Картинка эта, какъ извѣстно, дѣлана въ 1700 году, въ Амстердамѣ, Голландцемъ Тесингомъ, который вскорѣ потомъ умеръ, именно въ 1701 году, а между тѣмъ, кавалеръ и дама, нарисованные въ самой серединѣ картинки, по убѣжденію раскольниковъ, представляютъ императрицу Анну Ивановну и Бирона. Какимъ образомъ и почему произошло такое народное толкованіе и приуроченіе, и не было ли позднѣйшихъ переводовъ картинки съ современными дополненіями и измѣненіями въ фигурахъ и текстѣ—вотъ что требуетъ изслѣдованія.

Говоря о картинкахъ раскольничьихъ, не могу не указать на одну довольно мало изслѣдованную до сихъ поръ картинку, которую, по моему мнѣнію, непременно слѣдовало бы отнести къ числу раскольничьихъ. Я говорю о картинкѣ первой половины XVIII вѣка, гравированной на мѣди и носящей заглавіе «Корабль знаменующъ церковь воющую и отъ еретиковъ гонимую на земли» (Атласъ г. Ровинскаго, № 795). Г. Ровинскій замѣчаетъ, что въ этой картинѣ «низъ, то-есть, изображеніе еретиковъ, заимствованъ изъ огромнаго тезиса, 8-ми-листоваго размѣра, печатаннаго съ двухъ досокъ (обѣ доски въ академіи художествъ), поднесеннаго Ерофеемъ Лозефовичемъ епископу Суздальскому и Юрьевскому Варлааму Левницкому, въ 1720 году» (т. IV, стр. 576). Еретики, изображенные на этой картинѣ, стараются, одни—зацѣпить корабль баграми, другіе—достать его копьями, стрѣлами изъ луковъ, пулями изъ пищали. Эти еретики слѣдующіе: «Владыка унеять, Кишка унеять, Оригенъ, Епикуръ, Лютеръ¹⁾, Развратникъ, Евтихъ, Ляхъ, Кальвинъ, Езувить, Арій попъ александрійскій, Мехметъ, Савелій, Жидъ». Костюмы и обликъ большинства между ними очень характерны: такъ на примѣръ, у «Владыки уніята», снабженнаго большимъ горбатымъ носомъ, шапка на головѣ совершенно особенной формы, въ родѣ митры католическаго епископа; поверхъ длинной и широкой мантии—верхняя накидка, кончающаяся сзади остриемъ съ кистью на концѣ; онъ бритый; у «Кишки уніята» круглая шапка на головѣ, въ родѣ тюрбана, онъ въ мантии съ широкимъ круглымъ воротникомъ и завязками у шеи, у него длинная борода; «Лютеръ» въ короткомъ кафтанѣ (покрыя XVII вѣка), съ широкимъ воротникомъ вокругъ шеи, въ родѣ ожерелья, и съ манжетами у кистей рукъ; «Развратникъ»—въ русскомъ короткомъ кафтанѣ съ петлями для застегиванія на груди, съ бородой и въ длинныхъ сапогахъ до колѣнъ; «Ляхъ»—въ длинномъ кафтанѣ, широкихъ и длинныхъ штанахъ и сапогахъ съ каблуками, богатыя ножны сабли привѣшены у него къ узорчатому богатому поясу, а обнаженную саблей онъ замахивается на «Корабль Церкви»; «Кальвинъ»—въ европейскомъ короткомъ кафтанѣ и широкополой шляпѣ, у которой края приподняты кверху; «Езувить»—въ широкомъ плоскомъ воротникѣ и съ круглой скуфейкой на головѣ; «Арій попъ

¹⁾ Лютеръ пропущенъ въ исчисленіи г. Ровинскаго, вѣроятно потому, что слишкомъ неразборчиво имя его, написанное на кругломъ воротникѣ его, густо заштрихованномъ иглою гравера.

александрійскій» — въ восточномъ длинномъ костюмѣ, надѣтомъ поверхъ другаго платья, еще болѣе длиннаго, съ круглою шапкой на головѣ, въ родѣ такого же тюрбана, какой надѣтъ на «Кишкѣ-уніяты»; «Мехметъ» (= султанъ Турецкій) — въ чалмѣ, въ короткомъ бешметѣ, съ саблей; наконецъ, «Жидъ» — въ широкополой шляпѣ, такой же формы, какъ у «Кальвина», и въ длинномъ плащѣ, на рукахъ у него манжеты. Позади него, какая-то фантастическая птица съ огромными глазами и разинутымъ клювомъ; изъ всего тѣла ея, стоящаго вертикально, выходятъ огненные языки — по всей вѣроятности, это олицетвореніе Ада. Въ этой картинкѣ, кромѣ костюма, очень важны нѣкоторые типы: такъ, напримѣръ, «Ляхъ», съ польскими характерными усами и физиономіей, «Мехметъ» съ физиономіей дѣйствительно турецкою, «Жидъ» съ характернымъ еврейскимъ носомъ и глазомъ. Все вмѣстѣ даетъ очень любопытный отчетъ о томъ, какъ Русскіе первой четверти XVIII вѣка представляли себѣ типы, характеры и костюмы самыхъ разнообразныхъ національностей, европейскихъ и азиатскихъ. Но, кромѣ всего этого, эта картинка кажется мнѣ очень важною въ томъ отношеніи, что, по всей вѣроятности, она есть произведеніе раскольничье. Всего болѣе меня убѣждаетъ въ этомъ то обстоятельство, что въ числѣ злыхъ еретиковъ, возставшихъ на Церковь и на Христа, а равно на помѣщающихся съ нимъ въ кораблѣ пророковъ, апостоловъ, мучениковъ, мученицъ, святителей и преподобныхъ, находится также и Русскій, «Развратникъ», въ нашемъ національномъ костюмѣ. Само собою разумѣется, тутъ слово «Развратникъ» не можетъ быть принимаемо въ нынѣшнемъ значеніи: «развратъ» означало въ старой Руси — «ученіе, противное закону, вѣрѣ и истинѣ, ересь»¹⁾. Слѣдовательно, легко понять, къ кому относилось слово «развратникъ», или «еретикъ», помѣщенное на картинкѣ, исходившей, въ началѣ XVIII вѣка, изъ среды народа: оно явно относилось къ «Никоніанцамъ», къ послѣдователямъ «новшества». Текстъ, награвированный внизу картинки, подтверждаетъ мое положеніе, мнѣ кажется, очень сильнымъ образомъ. Тамъ, между прочимъ, говорится: «Развратникъ тутъ-же въ томъ соборѣ ругаетъ... не столюкѣ бѣдно отъ чужихъ мерзети какъ отъ своихъ чадъ злохульность терпети: смотри, прокляте, чими сосцами воспитанъ... престань всезлобие матери ругаться... о проклятое адское пронырство, пропадешъ вовсе лукаво...» и такъ далѣе. Все это

¹⁾ Словарь церковно-славянскаго языка, т. IV, слово «Развратъ».

рѣчи, выраженія и слова изъ очень извѣстной литературы нашихъ раскольниковъ XVII и XVIII вѣка.

Вообще говоря, надо было-бы особливо пристально изслѣдовать всѣ картинки, происхожденія раскольникяго. Мы уже видѣли выше, что многія изъ наиважнѣйшихъ по содержанію и наистарѣйшихъ по времени лубочныхъ картинокъ нашихъ дѣланы были раскольниками: къ этимъ особенно важнымъ картинкамъ слѣдовало бы присоединить и всѣ прочія раскольникы, соединивъ ихъ всѣ въ

Рис. № 5.

одну группу, и притомъ картинки какъ религіознаго, такъ и свѣтскаго содержанія. Къ первымъ относятся, на примѣръ, «Христось поражаетъ Антихриста» (№№ 1016—1018), «Образомъ разговоръ устроена лядина» — иносказательное изображеніе круговаго радѣнія (№ 873), «Благовременное покаяніе» или «Ликовствованіе» (№ 1029), «Древо раскольникыихъ толковъ» (№ 796); ко вторымъ: «Мыши кота погребаютъ» и «Мѣдвѣдь съ козой», разныя изображенія «Бабы-Яги» съ крокодиломъ, мужикомъ и проч., старикъ съ

Нѣмкой и проч. Такое группированіе дало бы возможность изучить и опредѣлить особенные признаки гравюры этой школы, какъ на деревѣ, такъ и на мѣди, и по этимъ признакамъ приурочить къ этой самой школѣ множество другихъ картинокъ, до сихъ поръ смѣшанныхъ безразлично съ другими. Вслѣдствіе такого приуроченія, быть можетъ, во многихъ случаяхъ открылся бы смыслъ многихъ картинокъ, до сихъ поръ затерянный.

Я представилъ нѣсколько примѣровъ того, какъ нашъ народъ, и преимущественно раскольники, относились къ «новшествамъ» и кореннымъ реформамъ Петра Великаго въ національномъ быту. Это была сторона протеста и сатиры. Но тутъ являлась только одна сторона дѣла. Было у Русскаго народа того времени еще и другое отношеніе—отношеніе одобренія, симпатіи, похвалы и наивысшаго удивленія. Это ясно доказываютъ намъ двѣ лубочныя картинки, оставшіяся до сихъ поръ у насъ въ тѣни, почти вовсе не замѣченными.

Первая—это картинка, представленная у г. Ровинскаго въ Атласѣ подъ № 2 и описанная въ текстѣ подъ заглавіемъ: «Бой Ильи Муромца съ Соловьемъ Разбойникомъ» (нашъ рис. № 5). Про нее г. Ровинскій говоритъ (т. I, стр. 7), что тутъ «Илья и Соловей изображены на коняхъ, во французскихъ костюмахъ XVIII вѣка, въ длинныхъ завитыхъ парикахъ, въ камзолахъ и ботфортахъ». Никакихъ другихъ указаній у г. Ровинскаго ни въ текстѣ, ни въ примѣчаніяхъ нѣтъ. Между тѣмъ разсмотрѣніе костюма и другихъ подробностей внѣшности приводитъ къ любопытнымъ заключеніямъ. Разсматривая ту личность, которая представлена на лѣво и изображаетъ Илью Муромца, мы легко открываемъ въ ней сходство съ тѣмъ портретомъ Петра Великаго, который помѣщенъ на большой Полтавской баталіи, гравированной Адрианомъ Шхонебекомъ въ 1709 году, или вскорѣ послѣ того (рис. № 6). Поворотъ всего тѣла и движеніе коня, поворотъ тѣла и головы самого Петра I, форма его шляпы, кафтана, ботфорты, пистолетовъ у сѣдла, форма чепрака съ закругленными углами, движеніе правой руки, держащей шпагу, длинные волосы, подобранные на подобіе парика (а можетъ быть, и дѣйствительный парикъ, но еще безъ пудры), все это совершенно тождественно въ гравюрѣ Шхонебека и въ нашей лубочной картинкѣ. Но если Илью Муромца представляетъ здѣсь Петръ Великій, то кто же представляетъ его противника, Соловья Разбойника? Конечно, никто другой, какъ Карлъ XII, достойный и опасный противникъ Петра Великаго. Кто другой еще могъ

быть тутъ представленъ, такъ чтобы можно было надписать надъ этими двумя фигурами: «Бой сильныхъ богатырей Ильи Муромца съ Соловьемъ Разбойникомъ. Въ полѣ съѣзжаются, храбростью своею похваляются»? Надо замѣтить при этомъ, что и костюмъ

Рис. № 6.

Карла XII вполне соответствуетъ тому, какой данъ на картинкѣ Соловью Разбойнику. Это костюмъ не французскій (какъ говоритъ г. Ровинскій), а шведскій, какой Петръ всегда носилъ и самъ: «Для гвардейскихъ полковъ, служившихъ образцами и для всѣхъ регулярныхъ войскъ», говоритъ компетентный знатокъ, Висковатовъ, — «Петръ Великій заимствовалъ весьма многое отъ Шведовъ»¹⁾.

¹⁾ Историческое описаніе одежды и вооруженія російскихъ войскъ. Часть II, стр. 19.

Текстъ, надписанный въ настоящей картинкѣ надъ двумя богатырями, имѣетъ всѣ признаки шрифта Петровскаго времени, какъ мы встрѣчаемъ его на другихъ лубочныхъ картинкахъ этого времени. На основаніи всѣхъ такихъ признаковъ, я не колеблясь отношу эту картинку ко времени Петра I, и притомъ ко времени именно около 1709 года. Я полагаю, что только въ это время и могло быть очень интересно для народа видѣть, а для народныхъ художниковъ рисовать и гравировать, картинки съ изображеніями сражающихся и «своею храбростью похваляющихся» Петра I и Карла XII. Позже наступили новыя великія дѣла Петра, заслонившія прежнія, а въ слѣдующія царствованія Петръ I навѣрное былъ бы представленъ не въ столь строго-историческомъ и вѣрномъ костюмѣ: въ XVIII вѣкѣ еще слишкомъ мало думали о вѣрности костюма другихъ эпохъ, кромѣ своей, и съ каждымъ новымъ десятилѣтіемъ, съ каждою новою модою забывали прежнія и представляли только то, чтò въ данную минуту существовало. Итакъ, вотъ каковъ былъ иногда въ представленіи у нашего народа, еще даже въ первой четверти XVIII вѣка, Петръ I: онъ казался ему Ильею Муромцемъ, то-есть, воплощеніемъ и повтореніемъ самого высокаго, самого знаменитаго, самого общераспространеннаго, самого сильнаго и самого великодушнаго національнаго богатыря. Одну только ошибку дѣлала при этомъ народная фантазія: Илья Муромецъ всю свою молодость просидѣлъ праздну, не трогаясь съ мѣста, тогда какъ Петръ I всю свою молодость не просидѣлъ праздну, поджавши руки и ноги, и не дожидаясь 30 или 35 лѣтъ, чтобы начинать свои богатырскіе подвиги.

Мнѣ могутъ возразить на все сказанное выше, что настоящую картинку нельзя считать выраженіемъ народной мысли, фантазій и чувства, такъ какъ фигура Петра I скопирована съ гравюры Адриана Шхонебека, художника родомъ иностранца, а по положенію при Петрѣ — придворнаго и, значитъ, не народнаго. На это я отвѣчу, что какого бы происхожденія ни былъ Шхонебекъ, но въ Россіи онъ былъ ничто иное, какъ граверъ лубочный и народный, и всѣ его плохія картинки назначены были вовсе не для одного высшаго класса, а для всего народа; воторыхъ же, въ разсматриваемой мною здѣсь лубочной картинкѣ у насъ передъ глазами не само произведеніе Шхонебека, а передѣлка: фигура, нарисованная иностранцемъ, примѣнена, приложена для сцены, выдуманной самимъ народомъ. Складъ надписи, шрифтъ — ничего не имѣютъ общаго съ тѣми картинками въ европейскихъ формахъ, какія ино-

гда заказывалъ и выпускалъ въ народъ Петръ I; притомъ же Петръ былъ слишкомъ озабоченъ своимъ «гражданскимъ прифтомъ» и, конечно, ни за что не сталъ бы употреблять ненавистный ему почеркъ буквъ, существовавшій въ лубочныхъ картинкахъ и гравюрахъ XVII вѣка и повторенный здѣсь.

Вторая картинка — «Побонце царя Александра Македонскаго съ царемъ Поромъ индійскимъ» (№ 234, нашъ рис. № 7). Конная фи-

Рис. № 7.

гура Александра Македонскаго оказывается опять-таки несомнѣннымъ повтореніемъ конной фигуры Петра I въ гравюрѣ Шхонебека 1709 года. Конечно, костюмъ XVIII вѣка замѣненъ латами и царскимъ вѣнцомъ съ перомъ, но поза его, рука держащая мечъ, поворотъ коня, расположеніе переднихъ ногъ этого коня, чепракъ, все это въ изображеніи Александра Македонскаго и его коня точь въ точь какъ у Петра Великаго Шхонебека. Любопытно то, что у Алек-

сандра Македонскаго надѣты тотъ самый бѣлый галстухъ и манжеты, которые надѣты у Петра I на его портретахъ XVIII вѣка. Итакъ, вотъ еще знаменитая личность, подъ видомъ которой представляли Петра.

Приведенные мною здѣсь примѣры симпатичнаго отношенія къ нему Русскаго народа, конечно, не единственные въ своемъ родѣ, и дальнѣйшія изслѣдованія, безъ сомнѣнія, обнаружатъ не мало другихъ подобныхъ же проявленій народнаго пониманія.

Къ числу историческихъ лубочныхъ картинокъ, принадлежащихъ ко времени, близкому къ Петровскому, относится цѣлый рядъ замѣчательныхъ изображеній русскихъ гренадеровъ прошлаго столѣтія (Атласъ г. Ровинскаго, №№ 269—277). Эти девять громаднхъ картинокъ рѣзаны на деревѣ и несомнѣнно принадлежатъ къ числу произведеній Московской школы. На нихъ изображены, во весь ростъ, гренадеры пѣшіе и верховые (первыхъ 8, вторыхъ 1) Г. Ровинскій говоритъ, что эти девять картинокъ «сдѣланы въ память знаменитыхъ кампаній въ Пруссіи въ 1757—1762 годахъ» (томъ IV, стр. 360, 390). Съ этимъ заявленіемъ я не могу согласиться. Подробности обмундированія этихъ гренадеровъ заставляютъ отнести ихъ не къ царствованію императрицы Елизаветы Петровны и къ прусскимъ кампаніямъ, а на цѣлую четверть столѣтія раньше, ко времени императора Петра II и, въ крайнемъ случаѣ, развѣ что къ двумъ первымъ годамъ царствованія императрицы Анны Ивановны.

Безъ сомнѣнія, не смотря на нѣкоторое (и даже значительное) сходство рисунка и гравировальнаго способа этой картинки съ такими же въ картинкахъ Петровскаго времени, этихъ изображеній гренадеровъ нельзя приписать Петровскому времени: гренадеры эти носятъ на головѣ косы и пудру, штиблеты или камаша на ногахъ и манжеты на рукахъ, а всѣ эти предметы введены въ русскомъ войскѣ только съ 1729 года ¹⁾. Но съ другой стороны, нельзя приписывать ихъ и Елизаветинскому времени, и вотъ почему: на головѣ у всѣхъ этихъ гренадеровъ, какъ пѣшихъ, такъ и конныхъ надѣта та характерная шапка, которая дана была гвардейскимъ гренадерамъ еще при Петрѣ I. Ея описаніе слѣдующее: «Гренадерская шапка состояла изъ круглой тульи, съ приподнятымъ сверху налобникомъ и съ опущеннымъ книзу задникомъ. Послѣдній былъ

¹⁾ Историческое описаніе одежды и вооруженія російскихъ войскъ, состав. по Высочайшему повелѣнію. Часть II, стр. 183.

длинною въ 3, а первый вышиною въ 4 вершка. Сзади тульи, подъ мѣдною бляхою, съ вычеканеннымъ царскимъ вензелемъ, вставлялось большое страусовое перо бѣлаго и краснаго цвѣтовъ, наклоненное къ налобнику, который на срединѣ имѣлъ также мѣдную бляху съ выбитымъ изображеніемъ двуглаваго орла»¹⁾. Рисунокъ атласа, сопровождающій это описаніе (Атласъ, т. II, № 170, нашъ рисунокъ № 9) представляетъ форму, точь въ точь сходную съ формою шапки на нашихъ гренадерахъ №№ 269—277 (нашъ рисунокъ № 8). Лишь при императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, въ промежуткѣ

Рис. № 8.

Рис. № 9.

Рис. № 10.

между 1730 и 1732 годами, форма гренадерской шапки совершенно измѣнилась и получила слѣдующій видъ: «Суконная шапка, вышиною въ $\frac{1}{2}$ аршина, съ зеленымъ верхомъ, съ краснымъ клапаномъ или опушкою, съ мѣдною напередѣ бляхою, на которой находилось вычеканенное изображеніе полковаго герба, окруженнаго воинскою арматурою, и съ мѣдною же назади, пылающею гренადою. Вокругъ верхнихъ швовъ, опушки, и передней бляхи, нашивался бѣлый, шерстяной шнуръ, а къ оконечности прикрѣплялась бѣлая же, гарусная кисть»²⁾. Рисунокъ, сопровождающій это описаніе (Атласъ т. II, № 282), не имѣетъ уже ничего общаго съ гренадерскою шапкою нашихъ лубочныхъ картинокъ №№ 269—277. Нѣтъ ни круглой тульи, ни перьевъ сзади, ни задника на затылкѣ. Все совершенно иное, шапка — точное пособіе нынѣшнихъ шапокъ гвар-

¹⁾ Тамъ же, стр. 35—36.

²⁾ Тамъ же, стр. 175—176.

дейскаго Павловскаго полка. Если же мы взглянемъ на гренадерскую шапку временъ императрицы Елизаветы Петровны, то найдемъ, что она «состояла изъ тульи съ тремя мѣдными накладками, съ такой же назадъ бляхою и съ чернымъ подвязнымъ ремнемъ; изъ налобника, 6-ти вершковой вышины, съ мѣдною, во всю ея величину, бляхою, и съ стоячею, на верху, бѣлою нитяною кистью, и изъ задника въ 4 вершка длиною. На передней изъ бляхъ находились выбитыя изображенія: окрашеннаго черною краскою двуглаваго российскаго орла, подъ нимъ полковаго герба въ воинской арматурѣ, и двухъ пылающихъ гренадъ, а на задней — полковаго вензеля»¹⁾. Сопровождающій это описаніе рисунокъ атласа (т. III, № 302) представляетъ гренадерскую шапку, близко схожую съ гренадерскою шапкою Анненскаго времени, но также и со значительными измѣненіями. Въ общемъ же, эта шапка, кромѣ задника, широко простирающагося надъ спиною гренадера, не имѣетъ никакого сходства съ гренадерскою шапкою гренадеровъ на нашихъ лубочныхъ картинкахъ (№№ 269—277). Итакъ, послѣ всего этого становится несомнѣннымъ, что эти 9 картинокъ принадлежать не Елизаветинскому времени, не времени нашихъ прусскихъ кампаній 1757—1762 годовъ, а времени Петра II, или одному изъ первыхъ двухъ годовъ царствованія императрицы Анны Ивановны.

Замѣчу еще, что точно такія же шапки, хотя безъ пера (вѣроятно, не парадная форма), но съ шифромъ Петра II, я нахожу на солдатахъ, идущихъ по сторонамъ кареты, въ которой ѣдетъ принцъ, на картинкѣ «Походъ славнаго рыцаря Колеандра Лодвика» (Атласъ, № 54 Б, нашъ рисунокъ № 10). Эта же картинка имѣетъ вообще много чертъ сходства, по костюмамъ, сбруѣ лошадей и обстановкѣ, съ картинкою (рѣдчайшею), подъ заглавіемъ «Село Измайлово» (Атласъ, № 608 А), гдѣ на переднемъ планѣ представленъ Петръ II, ѣдущій въ коляскѣ на охоту и окруженный придворными. Такимъ образомъ, есть много вѣроятія, что картинки «Походъ Колеандра» и всѣ наши «Гренадеры» появились на свѣтъ при Петрѣ II.

Въ параллель къ лубочнымъ картинкамъ историческаго содержания, исходившимъ изъ рукъ самаго народа, въ теченіе XVIII и XIX вѣковъ, было всегда не мало картинокъ подобнаго же рода, изданныхъ по распоряженію правительства. Но какъ ни значительно было ихъ количество, онѣ рѣдко представляютъ та-

¹⁾ Тамъ же, т. III, стр. 42—43.

кой интересъ, такую характерность и такую значительность, какъ картинка перваго разряда.

При Петрѣ I мы всего болѣе находимъ картинокъ этого рода, относящихся къ бритью бородъ и ношенію не-русскаго платья. Одна изъ любопытнѣйшихъ такихъ картинокъ, это находящаяся въ Олсуфьевскомъ собраніи картинка: «Раскольникъ и цирюльникъ» (Атласъ г. Ровинскаго, № 227). Г. Ровинскій описываетъ ее такъ: «Справа цирюльникъ, въ фартукъ и круглой шляпѣ; одною рукою онъ схватилъ за длинную, предлинную, бороду раскольника, и собирается отхватить ее ножницами. Надпись надъ раскольниковъ: «Раскольникъ говоритъ слушаи цирюльникъ я бороды стричь не хочу вотъ гледи я на тебя скоро караулъ закричу»; надъ цирюльникомъ: «Цирюльникъ хочетъ раскольнику бороду стричь» (томъ I, стр. 455). Къ этому г. Ровинскій присовокупляетъ замѣчаніе, что эта картинка, вѣроятно, сдѣлана по приказанію Петра, для осмѣянія раскольниковъ упорства (т. V, стр. 161). Съ этимъ нельзя, кажется, не согласиться: многіе признаки это подтверждаютъ въ особенности шрифтъ, гражданскій русскій, изобрѣтенный Петромъ I и тутъ являющійся, вѣроятно, какъ новинка, въ довольно еще неумѣломъ видѣ, но уже въ рѣшительной противоположности, съ тѣмъ старымъ русскимъ, кирилловскимъ шрифтомъ, какимъ писаны всѣ тексты и надписи лубочныхъ нашихъ картинокъ, исшедшихъ изъ рукъ самого народа. Но, не смотря на несомнѣнность происхожденія настоящей картинка, нѣкоторыя подробности въ ней остаются все-таки необъяснимою загадкой. Напримѣръ, что такое можетъ значить тотъ европейскій костюмъ, который надѣтъ на раскольника? Онъ состоитъ изъ платья, плотно прилегающаго къ тѣлу, и верхней накинутой на плеча небольшой епанчи. Для начала XVIII вѣка, когда, должно быть, появилась эта картинка, такой костюмъ былъ уже чѣмъ-то стариннымъ, давно покинутою модою, принадлежавшею XVII вѣку. Съ какой же стати русскій раскольникъ XVIII вѣка одѣтъ здѣсь въ платье, совершенно чуждое тогдашней современности? И въ чемъ же состоитъ тутъ осмѣяніе? Еслибы передъ нашими глазами былъ раскольникъ, на котораго силой напялили костюмъ Петровскаго времени, и которому силой же стригутъ бороду, то и тутъ мало, кажется, было бы смѣшнаго, а только одно насиліе со стороны цирюльника и тѣхъ, кто надѣлъ на раскольника чуждое ему платье. Но трудно понять, въ чемъ состоитъ «смѣшное», когда раскольникъ наряженъ въ старинный европейскій костюмъ, вѣроятно, большинству тогдашнихъ со-

временниковъ уже болѣе и неизвѣстный, и когда этотъ самый раскольникъ грозитъ «караулъ закричать», то-есть, прибѣгнуть къ помощи законной власти, которая обязана его защитить? Здѣсь нѣтъ ничего смѣшнаго, и раскольникъ ни въ единой чертѣ картинки не является къ своей невыгодѣ смѣшнымъ и одураченнымъ. Ничуть не бывало, и даже напротивъ: онъ является въ картинкѣ «жалующейся жертвой насилія». Конечно, не таково должно было намѣреніе тѣхъ, кто заказывалъ и распространялъ въ народѣ настоящую картинку. А поэтому я прихожу къ заключенію, что эта картинка относится къ какому-то современному событію или анекдоту, теперь уже потерянному и забытому, но очень распространенному въ свое время, гдѣ «Раскольникъ», съ какою-нибудь особенною цѣлью переодѣвшийся или переодѣтый въ старинный европейскій костюмъ, попался и игралъ какую-то смѣшную роль, неприличную его правиламъ, роль унижительную, приходившуюся на руку тѣмъ, кому надо было тогда осмѣивать раскольниковъ.

Сюда же относятся слѣдующія лубочныя картинки:

1) «О брадахъ», то-есть, отвѣты, данные митрополитомъ Дмитріемъ Ростовскимъ для успокоенія тѣхъ, кто не рѣшался брить бороды (Атласъ, №№ 1435 и 1436). До насъ дошли лишь поздніе переводы этой картинки, именно экземпляры Елизаветинскаго времени; но несомнѣнно были картинки несравненно болѣе ранняго времени: самые отвѣты были даны митрополитомъ еще въ 1705 году, и именно тогда представляли наибольшій интересъ для народа и для Петра I.

2) «Компанія нюхающихъ табакъ».

3) «Компанія курящихъ табакъ» (Атласъ, №№ 227, А и Б). Обѣ послѣднія картинки дошли до насъ въ видѣ позднихъ копій, середины XVIII вѣка, съ русскихъ оригиналовъ болѣе раннихъ, начала того же вѣка, которые, въ свою очередь, были, можетъ быть, скопированы или имитированы съ оригиналовъ иностранныхъ, голландскихъ или иныхъ. Но несомнѣнно то, что такіе иностранные оригиналы послужили лишь первоначальною общею канвою для того оригинальнаго текста, который составлялъ главную суть въ настоящемъ случаѣ. Текстъ былъ наставительный: «Иностранные народы изволятъ нюхать табакъ на разные манеры, насъ табакъ забавляетъ и глаза наши исцѣляетъ»; — «Господа иностранцы изволятъ заниматься табакомъ потому табакомъ мокроту выгоняютъ оттого и здравы бываютъ». Это все относится, вѣроятно, къ эпохѣ, когда желали приучить Русскій народъ къ табаку.

Надо предполагать, что подобныхъ картинокъ при Петрѣ I выпущено было не мало; къ такому предположенію ведетъ соображеніе о томъ, какъ Петрѣ I любилъ все смѣхотворное, и какъ онъ не упускалъ ни одной okazji публиковать, въ видѣ картинокъ, во всеобщее извѣстіе все, что его самого интересовало и что казалось ему очень важнымъ. Вспомнимъ хоть «Свадьбу карловъ» и сцены «Всешутѣйшаго собора» (свадьба шута Теофилакта Шанскаго). Въ такихъ сценахъ не было ничего ни нужного, ни интереснаго для массы народной, но Петрѣ I все-таки выпускалъ въ свѣтъ картинки съ изображеніями всѣхъ домашнихъ своихъ придворныхъ забавъ, какъ будто онѣ и въ самомъ дѣлѣ до всѣхъ касались. Понятно, на сколько болѣе онъ долженъ былъ ревностно выпускать въ свѣтъ картинки, осмѣивающія его вѣчныхъ враговъ—раскольниковъ. Тутъ дѣло шло уже о чемъ-то важномъ, государственномъ, а Петрѣ I былъ самый ревностный, самый неутомимый и изобрѣтательный иллюстраторъ: у него заведена была цѣлая школа голландскихъ и русскихъ рисовальщиковъ и граверовъ, изображавшихъ все, что казалось ему интереснымъ и важнымъ въ продолженіе его царствования: сраженія, церемоніи, процессіи, похороны, торжества, фейерверки и такъ далѣе. Петровскихъ картинокъ противъ раскольниковъ должно найдтись еще не мало, надо только умѣть отыскать и выдѣлать ихъ. Не будь на настоящей нашей картинки—надписи: «Раскольникъ», трудно было бы отгадать нынче, что она относится къ раскольникамъ.

Отъ времени Петра I и до Екатерины II почти вовсе не извѣстно лубочныхъ картинокъ, выпущенныхъ въ свѣтъ по распоряженію начальства и назначенныхъ для народа. Исключеніе составляютъ немногія лубочныя картинки, изображающія сраженія и торжественныя фейерверки. Всего болѣе явилось лубочныхъ картинокъ при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, по поводу войны съ Пруссіей. За то, въ царствованіе Екатерины II масса ихъ становится опять очень велика, какъ при Петрѣ I. Турецкая война и одержанныя въ это время блестящія побѣды даютъ обильную пищу лубочнымъ картинкамъ оффиціального пошиба. Огромная масса ихъ занимаетъ цѣлый отдѣлъ II-го тома г. Ровинскаго. Всѣ онѣ почти сплошь явились въ Москвѣ, на знаменитой Ахметьевской фабрикѣ, гравированы на мѣди и, какъ большинство всего оффиціального, не отличаются ни художественностью, ни характерностью. По содержанію, сильно выдаются изъ этой массы двѣ лубочныя картинки: первая — «Изображеніе обряда всенарод-

наго покаянія, приносимаго убійцами Жуковыми» (Атласъ, № 332), и вторая — «Просба Кашинскому архіепископу отъ монаховъ Калязинскаго монастыря» (Атласъ, № 174). Первая картинка относилась къ публичному уголовному наказанію преступниковъ, совершившихъ, по словамъ манифеста Екатерина II, «столь страшное злодѣйство (матереубійство), что не токмо въ христіанскихъ народахъ, но и между идолопоклонниками и безъ всякаго закона живущими людьми почитается чрезъестественное». Екатерина II считала нужнымъ, кромѣ обыкновеннаго печатнаго манифеста, пустить при этомъ въ народъ еще и картинку, гравированную и раскрашенную на манеръ народныхъ лубочныхъ картинокъ, которая распространяла бы въ народѣ наглядное понятіе о томъ, какъ именно казнены (въ 1766 году) люди, совершившіе выходящее изъ ряду вонъ «чрезъестественное» преступленіе, еще при ея предшественницѣ, императрицѣ Елизаветѣ, въ 1754 году, то-есть, за пѣлыхъ 12 лѣтъ до того. Эта картинка составляетъ у насъ чрезвычайное исключеніе. Съ нею можетъ сравниться — и то лишь въ извѣстной степени — картинка, гравированная иностраннымъ художникомъ Никтглазомъ вскорѣ послѣ Азовскаго похода Петра Великаго, и представляющая юнаго Петра I на престолѣ, окруженнаго аллегорическими добродѣтелями, а вдали — висѣлицу, и везомаго подъ нею въ телегѣ связаннаго преступника, съ подписью: «Якушка измѣнникъ»¹⁾. Вообще говоря, русское правительство никогда само не иллюстрировало картинками нашихъ казней и наказаній, да и частнымъ лицамъ не дозволяло подобныхъ иллюстрацій, какъ это существуетъ въ западной Европѣ. Картинка о Жуковыхъ остается почти единственнымъ исключеніемъ. Что касается до другой картинки, просьбы Калязинскихъ монаховъ, то, по замѣчанію г. Ровинскаго (томъ IV, стр. 285), она была пущена въ народъ въ то время, когда Екатерина II только что составила планъ объ отобраніи у монастырей недвижимыхъ имѣній, и безъ сомнѣнія, съ Высочайшаго соизволенія, безъ котораго издатели картинки, въ виду пикантности сюжета, могли подвергнуться обвиненію не только въ

¹⁾ Эта гравюра не вошла въ составъ настоящаго изданія, быть можетъ какъ недостаточно грубая и недостаточно «лубочная», а скорѣе относящаяся къ работамъ художниковъ образованныхъ или академистовъ. Но тогда и всѣ Теребеневскія картинки не должны бы были войти въ настоящій атласъ, вмѣстѣ со многими произведеніями граверовъ Петровскаго и Екатерининскаго времени.

кошунствѣ, но и въ богохульствѣ. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, Екатерина II является подражательницей Петра I: оба они, когда считали то нужнымъ для своихъ государственныхъ или иныхъ цѣлей, ничуть не опасались прибѣгать къ такимъ сатирамъ на словахъ и на дѣлѣ, за которыя навѣрное карали бы другихъ по всей строгости законовъ.

Въ царствованіе императора Александра I, въ числѣ правительственныхъ лубочныхъ картинокъ, самую видную роль играетъ рядъ картинокъ, касающихся оспопрививанія. Эти картинки (Атласъ г. Ровинскаго, №№ 241 и 242, въ многочисленныхъ переводахъ) дѣланы не художниками изъ народа, а явно художниками-академистами, прошедшими школу и только поддѣлывающимися подъ народный стиль, вкусъ и складъ. Тѣмъ не менѣе онѣ были въ свое время очень народны, очень распространены и, безъ сомнѣнія, принесли значительную долю пользы, склоняя народъ, наглядными примѣрами удачи, не бояться оспопрививанія и водить дѣтей своихъ къ оспопрививателямъ. Эти картинки — одні изъ самыхъ важныхъ, въ историческомъ смыслѣ, картинокъ нашихъ.

Лубочныя изданія нашихъ народныхъ сказокъ (въ книжечкахъ) и изображенія богатырей представляютъ явленіе очень замѣчательное. Между первыми изданіями (гравированными не на деревѣ) нѣтъ ни одного, заключающаго въ себѣ формы дѣйствительно-національныя и проявляющія русское національное созданіе. Всѣ они, рисованныя и гравированныя безобразно, принадлежатъ позднему стилю, не заслуживающему никакого другаго названія, кромѣ «ублюдочнаго». Тутъ на сценѣ смѣсь плохаго европеизма, самаго низшаго разбора, и чего-то такого русскаго, гдѣ нѣтъ ровно никакой національности, ни въ костюмахъ, ни въ типахъ, ни въ бытовыхъ подробностяхъ, ни въ утвари, ни въ архитектурѣ. Все тутъ выдуманное, условное и небывалое. Конечно, у насъ здѣсь передъ глазами не что-нибудь новое, изобрѣтенное въ XVIII вѣкѣ: нѣтъ, это лишь послѣдній осадокъ того разслабленнаго, на половину ненаціональнаго искусства, какое царствовало на Руси въ XVII вѣкѣ, рядомъ съ искусствомъ глубоко и истинно-національнымъ. Между тѣмъ, выпущенныя въ свѣтъ лубочными мастерами (и гравированныя на деревѣ) изображенія отдѣльныхъ богатырей, хотя не представляютъ созданій очень древнихъ и принадлежатъ тому же времени, какъ и изданія сказокъ въ книжечкахъ, но содержатъ въ себѣ много народнаго и достойнаго вниманія. Напрасно г. Ровинскій считаетъ большинство изображеній этого рода, находящихся

въ Олсуфьевскомъ собраніи (Атласъ, №№ 7—9, 19—29), прямо копіями съ иностранныхъ образцовъ. Миѣ кажется, подробное изученіе всего ряда нашихъ лубочныхъ «богатырей», «витязей» и героевъ всякаго рода налагаетъ на насъ обязанность иначе приурочивать и распредѣлять ихъ.

Если бѣ эти изображенія нашихъ «богатырей» и «витязей» были прямыми копіями съ иностранныхъ образцовъ, то можно было бы открыть, въ иностранныхъ коллекціяхъ иностранныхъ «героевъ», прототипы и оригиналы нашихъ копій. Ничего не было бы мудренаго, если бы наши лубочныя изображенія Ильи Муромца, Еруслана Лазаревича, Соловья-Разбойника, Салтана Салтановича и т. д. явились повтореніемъ, лишь нѣсколько передѣланнымъ и аранжированнымъ, западныхъ изображеній тамошнихъ народныхъ героевъ, напримѣръ, Карла Великаго, Роланда и т. д. Но такихъ мы не находимъ, точно ихъ вымѣло всѣхъ разомъ со свѣта. И притомъ, будь наши лубочныя изображенія «богатырей» и «витязей» копіи и приуроченія, навѣрное они имѣли бы разнообразный характеръ и складъ. На дѣлѣ мы видимъ иное. Всѣ они имѣютъ одинъ общій складъ и видъ, почти постоянно одинъ и тотъ же форматъ и размѣръ, одинъ и тотъ же обликъ. Разница только въ большей или меньшей грубости изображенія, то-есть — рисованія и гравированія. Одни имѣютъ болѣе европейскій и менѣе русскій видъ, другіе менѣе европейскій, но болѣе русскій видъ. Такъ, напримѣръ, Соловей-Разбойникъ, Ерусланъ Лазаревичъ и Буслай Буслаевичъ (№№ 5, 14, 9) пахнутъ чѣмъ-то сильно національно-русскимъ; Алеша Поповичъ, Гвидонъ, Бова верхомъ (№№ 7, 27, 19, 20) кажутся на первый взглядъ чѣмъ-то болѣе европейскимъ; наконецъ, такія лубочныя наши изображенія, какъ напримѣръ, Бова-Королевичъ (пѣшій), королева Дружневна, Рыцарь Петръ Златые-Ключи, королева Магилена (№№ 21—26, 31—34) кажутся несомнѣнно и вполне европейскими. Но все это только «кажется», на самомъ же дѣлѣ такихъ категорій и подраздѣленій не существуетъ.

И вопервыхъ, замѣтимъ тотъ любопытный фактъ, что всѣ эти изображенія являются парами, нарочно такъ сочиненными и устроенными. Однѣ пары — конныя, другія пары — пѣшія, во весь ростъ; третья, изображенныя по грудь, являются, такъ-сказать портретами. Если мы обратимъ главное вниманіе на изображенія «конныя», какъ самыя важныя, характерныя и значительныя, то сразу признаемъ, что наврядъ ли можно было бы найдти такіе образцы иностранныхъ, которые какъ разъ соотвѣтствовали бы, тоже «парами»,

потребностямъ русскихъ сказокъ. Приходится предполагать, что всѣ эти изображенія, вмѣстѣ взятые, составляли одну коллекцію, одну, такъ-сказать, «галерею», рисованную и гравированную почти въ одно и то же время, для одного и того же издателя, и только выполненную нѣсколькими разными художниками, изъ которыхъ одни были лучше, а другіе хуже. Въ этомъ насъ убѣждаетъ то обстоятельство, что при всей «кажущейся» на первый взглядъ разницѣ происхожденія и характера есть много точекъ взаимнаго соприкосновенія, какъ между всѣми этими картинками одна съ другою, такъ и между ними и другими гравюрами, происхожденія несомнѣнно русскаго. Я попробую доказать это наглядными примѣрами.

Самою главною и важною «парою» между всѣми я считаю пару Еруслана Лазаревича и Соловья-Разбойника (№№ 14 и 5). Эта пара для меня несомнѣннѣе всѣхъ остальныхъ: обѣ личности составляютъ совершенную параллель и противовѣсъ одна съ другою: у нихъ даже совершенно одинакова поза рукъ. Убранство коней съ кисточками, форма чепраковъ, азіатскій костюмъ всадниковъ, высокіе каблуки ихъ сапоговъ, персидская мѣховая шапочка на Ерусланѣ (указывающая на то, что въ XVII и XVIII вѣкахъ еще сохранялась у насъ память о происхожденіи русскаго Еруслана отъ персидскаго Рустема), азіатская шапочка Соловья-Разбойника съ маленькимъ перомъ¹⁾, кустики зелени, нарисованные на землѣ, подъ кономъ, совершенно одинаковаго характера. Надписи: у Еруслана въ четырехугольникѣ, у Соловья-Разбойника — въ четырехугольникѣ же, но вставленномъ въ восьмиугольникъ.

Другая пара, по моему распредѣленію, — «Алеша-Поповичъ» и «Король Гвидонъ» (№№ 7 и 27). Соответствіе и «парность» опять-таки вполне несомнѣнны. Они скачутъ другъ другу на встрѣчу, сбруя у коней — очень похожая; чепракъ одинаковаго устройства

¹⁾ Такія шапочки съ перомъ мы часто встрѣчаемъ въ рисункахъ персидскихъ и турецкихъ рукописей. Г. Ровинскій былъ не правъ, называя костюмъ Соловья-Разбойника въ картинкѣ № 5 «одеждою древняго русскаго воина» (томъ I, стр. 9): такихъ «безрукавокъ», какая чуть изображена поверхъ нижняго длиннаго кафтана, Русскіе не носили («въ древности». Это — ферязь, татарскаго у насъ происхожденія. Иллюстраціей этой ферязи можетъ служить исторически-знаменитый костюмъ Бориса Годунова, вполне татарскаго происхожденія, и хранимый въ Оружейной Палатѣ въ Москвѣ (Древности Росс. государства, т. IV, таблица № 11). Матерія этой ферязи — шелковая, узоръ на ней — полумѣсяцъ и звѣзды, покрой — безрукавка, спускающаяся пониже коленъ. Но шапочки съ перомъ мы у Русскихъ нигдѣ не встрѣчаемъ.

(двойной, состоящей изъ средней части, надъ брюхомъ лошади, и части, покрывающей задъ лошади); подкованныя копыта у лошадей имѣютъ одинакую форму; оба богатыря — со щитами въ правой рукѣ и съ мечомъ въ лѣвой (что доказываетъ *прямое*, а не *обратное* копированіе съ рисунка); у обоихъ металлическіе наколѣвники одинакой формы; на обоихъ надѣто на тѣлѣ одинакое платье — нижній кафтанчикъ съ петлицами на груди, и сверху короткій кафтанъ, отороченный мѣхомъ, съ прорѣзными и откидными длинными рукавами; сапоги въ сборахъ, по-русски, у обоихъ вполне торжественные; цвѣты и листья, растущіе на землѣ, подъ ногами коней, совершенно одинаковаго характера (наши №№ 11 и 12 на картинкѣ «Алеша-Поповичъ», наши №№ 14 и 15 на картинкѣ «Король Гвидонъ»). Наконецъ, картуши съ именами богатырей имѣ-

Рис. № 14.

Рис. № 15.

Рис. № 16.

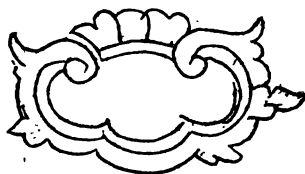

Рис. № 11.

Рис. № 12.

Рис. № 13.

ютъ совершенно одинакую сердцевидную форму, съ коронкой наверху (нашъ № 13 на картинкѣ «Алеша-Поповичъ», нашъ № 16 на картинкѣ «Король Гвидонъ»). Во всемъ этомъ нѣтъ ничего «гравированнаго съ иностранныхъ образцовъ» (какъ предполагаетъ г. Ровинскій, т. I, стр. 40) и, напротивъ, всякая подробность въ отдѣльности, и всѣ вмѣстѣ, вполне объясняются нашими собствен-

ными преданіями и формами, давно раньше XVIII вѣка, еще въ XVII вѣкѣ постоянно употребительными въ русскихъ лубочныхъ и нелубочныхъ изданіяхъ.

Еще одну пару составляютъ, по моему убѣжденію, «Бова-Королевичъ» и «Царь Салтанъ Салтановичъ» (№№ 20 и 28 а). «Парность» этихъ двухъ картинокъ доказывается слѣдующими подробностями: оба богатыря ѣдутъ другъ другу на встрѣчу; форма подкованныхъ копытъ у коней одинакова; на коняхъ одинаковой формы чепракъ, изъ двухъ частей, украшенный кисточками и наполненный узоромъ; поводья у обоихъ коней состоятъ изъ колчатой цѣпи, панцири на обоихъ богатыряхъ совершенно одинаковой формы, особливо окончаніе короткихъ ихъ рукавовъ, идущихъ до локтя, а также вышитые сапоги (на манеръ татарскихъ)—одинаковые; у обоихъ развѣвается за плечами короткій плащикъ; у обоихъ въ правой рукѣ по копью съ матерчатымъ значкомъ на концѣ; внизу картины одинаково валяются на землѣ раненные или убитые Татары, въ чалмахъ, съ длинными закрученными усами, и отрубленные ихъ руки, ноги, головы, изъ которыхъ каплетъ кровь; на каждой картинкѣ есть, между этими побѣжденными врагами, по одному или по два человѣка съ какою-то короткою палкою въ рукѣ; наконецъ, картуши съ надписями совершенно одинакой формы рококо. Иностраннаго опять ничего во всемъ тутъ нѣтъ; особливо это надо сказать про головы, лица и костюмъ Татаръ, которыхъ, конечно никогда нельзя было бы найти въ западныхъ лубочныхъ картинкахъ.

Далѣе, еще новую пару составляютъ: «Богатырь Усыня Горынычъ» и «Богатырь Буслай Буслаевичъ» (№№ 8 и 9). «Парность» ихъ доказывается расположеніемъ коней и всадниковъ, картушами рококо, растительностью подъ ногами коней, а всего болѣе — одинаковостью «руки» и «рисунка» художника, которая здѣсь очень чувствуется. Эти двѣ картины рисовалъ художникъ, явно получившій школьное художественное образованіе, свободно и ловко владѣющій карандашемъ, въ противоположность неумѣлымъ, не учившимся ни въ какой школѣ художникамъ предыдущихъ картинокъ; граверъ былъ тоже человѣкъ умѣлый, и при всемъ томъ, надо предположить, что все это рисовалъ художникъ не за границей, а въ Россіи. «Богатырь Буслай Буслаевичъ» представленъ просто въ видѣ русскаго казака XVII—XVIII вѣка, въ небольшой шапкѣ съ лопастями, въ курткѣ-безрукавкѣ поверхъ нижняго кафтана, въ широкихъ штанахъ до колѣнъ, ниже которыхъ

вся нога переплетена ремнями; на боку кривая сабля, въ рукахъ длинная пика; узды и поводья у коней веревочныя, и веревками же привязанъ на тѣло коня войлокъ, служащій сѣдломъ и чепракомъ. Такого костюма и убранства негдѣ было взять въ западно-европейскихъ лубочныхъ картинкахъ для скопированія: тамъ такихъ неизвѣстно. Костюмъ «Богатыря Усыни Горыныча» представляетъ что-то такое фантастическое, чему оригиналъ мудрено было бы подыскать въ западныхъ образцахъ XVII и XVIII вѣка, но что всего скорѣе еще объясняется костюмомъ персидскимъ или черкесскимъ. Правда, у богатыря въ правой рукѣ длинный прямой мечъ, а не восточная кривая сабля; въ лѣвой рукѣ у него огромный круглый щитъ, какого не извѣстно, ни у Персіанъ, ни у Черкесовъ; у него по бокамъ сѣдла пистолеты вставлены въ чупки вовсе не восточной формы; но все-таки тутъ же есть и подробности чисто-восточныя, неупотребительныя въ западныхъ лубочныхъ картинкахъ: круглый низкій племъ безъ всякихъ украшеній, съ желѣзною сѣткой, окружающею щеки, затылокъ и шею; кольчуга, плотно прилегающая къ тѣлу; чепракъ длинный и кончающійся остриемъ, покрытый восточнымъ узоромъ — все это персидское и черкесское. На Западѣ не могли бы нарисовать такой фигуры; тамъ, а особенно въ XVII и XVIII вѣкахъ, всякаго «восточника» нарисовали бы подъ видомъ Турка въ громадной чалмѣ и въ длинномъ широкомъ кафтанѣ.

«Бова-королевичъ» (№ 19), въ же-классическомъ идеальномъ родѣ, составляетъ близкій pendant къ «Салтану Салтановичу» (№ 29), являющемуся въ совершенно-реальномъ персидскомъ обликѣ. Рисоваль обѣ картинки такой же художественно-образованный рисовальщикъ, какъ тотъ, что нарисоваль картинки №№ 8 и 9, но граверъ былъ другой, очень плохой, и потому совершенно обезобразилъ свою грубою работою рисунки, первоначально очень недурные. Главнымъ сходствомъ и доказательствомъ «парности» у №№ 19 и 29 я признаю три подробности: 1) близкое сходство заглавій: «храбры и лавны і могучи витезъ і богатырь Бова Королевичъ», «Могутіонъ і храбіоръ чарь Салтанъ Салтанычъ» (прилагательное «могучій» или «Могутіонъ, = могутень, не находится ни на какихъ другихъ изображеніяхъ богатырей); 2) только здѣсь находящійся рядъ вертикальныхъ черточекъ (23 или 24), награвированныхъ подъ надписью, и 3) помѣщенный подъ ногами коня упавшій непріятель съ восточною саблею въ рукѣ.

Этихъ примѣровъ, я полагаю, довольно. Всѣ эти пары богаты-

рей рисованы въ Россіи и спеціально для изображеній русскихъ сказочныхъ личностей. Копированія я никакого тутъ не могу признать. Эти фигуры заказаны были, парами одного и того же формата и вида, разными рисовальщикамъ, изъ которыхъ одни были грубѣе и невѣжественнѣе, другіе болѣе обучены и отесаны, но всѣ работали на основаніи матеріаловъ не иностранныхъ, а здѣшнихъ, имѣющихся въ Россіи, частью въ преданіи, частью въ рисункахъ и натурѣ.

Что касается времени происхожденій всѣхъ этихъ «конныхъ богатырей», то я полагаю, что сочиненіе почти всѣхъ ихъ надо отнести къ 20-мъ или 30-мъ годамъ XVIII вѣка, къ одному времени съ картинками «гренадеровъ», о которыхъ я говорилъ выше, такъ какъ и тутъ, съ одной стороны, встрѣчаются такія подробности современнаго костюма, какъ манжеты у кистей рукъ (Бова-Королевичъ, № 20), а съ другой—тутъ вездѣ есть на лицо много особенностей рисунка и гравюры, сближающихъ эти картинки съ «Бабой-Ягой», «Мыши кота погребаютъ», съ картинками «Библии» и «Апокалипса» Кореня 1692—1697 годовъ. На подробности будетъ указано ниже. Единственное исключеніе составляютъ богатыри «Усыня Горынычъ» и «Буслай Буслаевичъ» (Атласъ №№ 8 и 9). Они явно сочинены и нарисованы во второй половинѣ XVIII вѣка, по всей вѣроятности въ царствованіе императрицы Екатерины II. Я полагаю, что въ это время были вновь перепечатаваемы многія старыя доски, рѣзанныя въ началѣ XVIII вѣка, какъ на примѣръ, «Мыши кота погребаютъ», «Баба-Яга» и другія (какъ намъ это доказываютъ бумажные знаки: бумага поздняя, а сочиненіе и гравюра гораздо болѣе ранняя), и при этомъ случаѣ прибавлено нѣсколько новыхъ рисунковъ, нарочно теперь сочиненныхъ и награвированныхъ, но въ форматѣ и приблизительно въ стилѣ прежнихъ изображеній богатырей. Это предположеніе подтверждается тѣмъ фактомъ, что одного формата, склада и стиля съ новыми является изображеніе «сильнаго богатыря и янычерскаго начальника Амурата» (Атласъ, т. II, № 581), который также составляетъ pendant къ «Усыню», какъ и «Буслай Буслаевичъ», но несомнѣнно, по исторіи, принадлежитъ періоду не ранѣе Екатерининскаго времени, куда его помѣстилъ въ своемъ Атласѣ и самъ г. Ровинскій. Любопытно замѣтить, что тотъ самый художникъ, который рисовалъ «Усыню», «Буслая» и «Амурата», рисовалъ также «Пѣтуховъ» и «Куръ» (№№ 261, 262 и 263), судя по стилю и по всѣмъ подробностямъ, особенно судя по формѣ картушей.

О прочихъ герояхъ, не верховыхъ, я могу быть гораздо болѣе кратокъ, такъ какъ они несравненно менѣе важны и интересны. Нѣтъ никакой надобности искать заграничныя образцы для такихъ изображеній, какъ «Бовы-королевичи», «Дружневны», «Петры—Златые Ключи», «Магиляны» и проч., даромъ что они всѣ во французскихъ кафтанахъ и платьяхъ (№№ 21, 22, 23), коль скоро мы встрѣчаемъ не только такіе же костюмы, но точь въ точь такія же фигуры, позы, лица, глаза, руки, фижмы, мушки, вѣера, цвѣточки въ рукахъ, кафтаны и шляпы въ другихъ лубочныхъ картинкахъ нашихъ. Если такія картинки, какъ «Блинщица», «Тарасъ плѣшивый съ тремя женщинами», «Нѣмка и старикъ» и т. п., признаются произведеніями, несомнѣнно сочиненными и гравированными въ Россіи, согласно съ существовавшими тогда у насъ на лицо типами и костюмами, то нельзя не признать вполне однородными съ ними и тѣхъ героевъ и героинь, которые теперь насъ занимаютъ. Мы встрѣчаемъ у Бовъ-Королевичей, у Дружневень, у Магилянъ и пр. тотъ же самый покрой мужскихъ и женскихъ платьевъ, тѣ-же лица, тѣ-же физиономіи, тѣ-же движенія, тѣ-же позы, тѣ-же цвѣточки въ рукахъ, что у мужчинъ и женщинъ въ «Тарасъ плѣшивомъ», въ «Блинщицѣ» и т. д. Сверхъ того, архитектурная обстановка, находящаяся иногда въ фонахъ, разныя зданія, башни съ флюгарками, галереи, террасы съ балюстрадами и т. д., все это встрѣчается не только въ разсматриваемыхъ картинкахъ, но также и во многихъ другихъ, завѣдомо русскихъ, сочиненныхъ у насъ и представлявшихъ, на своихъ фонахъ, ту самую архитектуру, которая въ своихъ болѣе старѣйшихъ образцахъ встрѣчается еще на нашихъ лубочныхъ картинкахъ XVII и XVIII вѣковъ, а въ болѣе новѣйшихъ скопирована съ русскихъ дворцовъ и аристократическихъ домовъ и построекъ XVIII вѣка. Въ образецъ первой категоріи я укажу на постройки, представленныя на нашихъ картинкахъ №№ 21, 22, 27, 31, 32, и, какъ ихъ pendant, на дома и башни въ «Библии» Кореня (№ 810) №№ 15 и 20, въ «Мыши kota погребаютъ» №№ 166 и 167, въ картинкѣ «Гренадеръ» № 275. Въ образецъ второй категоріи я укажу на дворцы и террасы въ картинкѣ «Прекрасная королева Дружневна» и «Славный витязь Бова-Королевичъ» № 26, и, какъ на pendant къ нимъ, на дворцы и террасы въ картинкѣ «Гренадеръ» № 269.

Вопросъ о подражаніи и копированіи русскихъ лубочныхъ картинокъ съ иностранныхъ образцовъ—одинъ изъ самыхъ сложныхъ и важныхъ вопросовъ въ исторіи нашихъ лубочныхъ созданій, и

г. Ровинскому принадлежит та заслуга, что онъ указалъ множество подобныхъ заимствованій, указанныхъ имъ вслѣдствіе долгихъ и пристальныхъ наблюденій.

Въ разныхъ мѣстахъ его сочиненія разсѣяны указанія на копии съ иностранныхъ образцовъ, и я попробую свести здѣсь главнѣйшія указанія этого рода.

Съ Рафаэля: «Михаилъ Архангелъ» № 1549 (томъ III, стр. 645).

Съ Альберта Дюрера: «Апостолы Варволомей и Іоаннъ Богословъ» № 1333 (т. III, стр. 533).

Съ Рубенса: «Избіеніе младенцевъ» № 852, «Иродіада съ головой Іоанна Крестителя» № 853, «Вознесеніе Богоматери на небо» № 1210, «Обращеніе св. Павла» № 1339, «Вознесеніе» № 995 (т. III, стр. 315, 316, 471, 535, 388).

Съ Садлера: «Погребеніе св. Екатерины» № 1452 (т. III, стр. 604).

Съ Анниб. Карраччи: «Св. Троица» № 1052 (т. III, стр. 428).

Съ Меллана: «Спаситель» № 1068 (т. III, 434).

Съ Лебрёна: «Распятіе» № 892 (т. III, стр. 349).

Съ Теньера и Калло: фантастическіе звѣри въ «Искушеніи св. Антонія» № 1374 (т. V, стр. 209).

Съ Калло: двѣ картинки въ «Пляскѣ» № 101 (т. I, стр. 316); Полишинель въ картинкѣ «Разговоръ жениха со свахой» № 138 (т. I, стр. 361); одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ «Вятской баталіи» № 175 (т. I, стр. 411, — дѣйствующее лицо № 16).

Съ Бушэ и Ланкрэ: «Разсѣянная молочница» № 80, «На всѣхъ не угодишь» № 82, «Музыка» № 100, «Пляска» № 101, «Охотникъ и пастушка» № 124, «Любовная компанія» № 128, «Счастливые любовники» № 129, «Бабушкино наставленіе» № 130, «Разговоръ жениха со свахой» № 138, «Разговоръ мужа съ женою» № 158, «Невѣрная жена» № 159, «Мужъ за то жену бьетъ, зачѣмъ она негодная дома не живетъ» № 161, «Карликъ и карлица» № 231 (т. V, стр. 19).

Сверхъ того, г. Ровинскій указываетъ множество нашихъ лубочныхъ изданій, скопированныхъ съ иностранныхъ лубочныхъ картинокъ: «Описаніе Іерусалима» № 644 съ парижскаго образца (т. II, стр. 326), другое № 645 съ вѣнскаго образца (т. II, стр. 327); съ вѣнскаго же образца: «Изображеніе руки св. Анны» № 771 (т. III, стр. 149); «Судъ надъ Спасителемъ» № 882 съ нюрнбергскаго образца (т. IV, стр. 616), «Нерукотворенный образъ» № 1062 (т. III, стр. 431). Г. Ровинскій говоритъ еще: «Изъ Голландіи

получили мы Тессингово «Зеркацо грѣшнаго», № 742, огромное количество разныхъ копій изъ Библии Пискатора и нѣсколько календарей. Изъ Франціи попали въ народныя картинки Людовикъ XVI въ видѣ «веселаго объѣдалы и веселаго подпивалы» (№ 99), «Денежный дьяволъ» (№ 243) и «Дивная птица, прилетавшая въ 1776 г. въ Парижъ» (№ 348). Отъ нѣмцовъ перешли къ намъ: «Рейтаръ на пѣтухѣ» и «Рейтарша на курицѣ» (№№ 162 и 163), «Точильщикъ носовъ» (№ 212), «Воръ пришелъ на дворъ» (№ 204) и многія другія» (т. V, стр. 17—18). Я не имѣю возможности провѣрить всѣ эти многочисленныя указанія, потому что большинство, можно сказать почти всѣ, изъ вышеупомянутыхъ лубочныхъ картинокъ не воспроизведены въ Атласѣ г. Ровинскаго, а равно у него не указано въ большинствѣ случаевъ, какія именно произведенія названныхъ выше авторовъ послужили оригиналами для нашихъ лубочныхъ картинокъ, да будь они и указаны, то подобное сравненіе составило бы огромный трудъ, требующій много розысканій и времени. Еще труднѣе было бы провѣрить множество другихъ указаній, разсѣянныхъ по всѣмъ томамъ г. Ровинскаго, гдѣ вообще сказано, что такая-то наша лубочная картинка скопирована «съ голландскаго» или «съ нѣмецкаго» образца, безъ всякаго указанія, съ какого именно автора или съ какой именно картинки (см., напримѣръ, т. V, стр. 270).

Но этотъ громадный трудъ уже совершенъ г. Ровинскимъ, и, отдавая полную справедливость его трудолюбію, терпѣнію и счастливымъ результатамъ, добытымъ имъ въ настоящемъ, я не могу не довѣрять этимъ сравненіямъ, за которыя ручаются его опытность и долгое знакомство съ русскими и иностранными гравюрами.

Только замѣчу, ссылаясь на него же самого, что вопросъ о копированіи бываетъ очень часто вопросомъ очень скользкимъ, и нѣрѣдко казавшееся «копией» оказывается впоследствии оригиналомъ. Такъ, напримѣръ, г. Ровинскій въ началѣ признавалъ картинку «Блуднаго сына», гравированныя московскими художниками, копіями съ голландскаго оригинала (томъ III, стр. 8), но впоследствии пришелъ къ заключенію, что это произведеніе вполне оригинальное (т. IV, стр. 520 и 521). Уже и про самый текстъ г. Ровинскій отзывается такъ: «Комедія о Блудномъ сынѣ написана въ виршахъ Симеономъ Полоцкимъ. Монологи ея нѣсколько напоминаютъ «Acolastus, de filio prodigo comoedia. 1529 (Fullonius: Nisard, Histoire des livres popul., I, 191); но текстъ нашей комедіи пространнѣе и въ самомъ расположеніи пьесы много переимѣнъ и прибавленій, такъ что она должна быть сочтена произведеніемъ вполне

оригинальнымъ» ¹⁾. Я не могу не согласиться съ послѣднимъ заключеніемъ, но могу подкрѣпить его тѣмъ доводомъ, что напрасно даже говорить о сходствѣ русскаго текста съ текстомъ Аюластуса: такого сходства вовсе нѣтъ. Наша комедія сочинена совершенно въ другомъ духѣ, чѣмъ латинская: нашъ «Блудный сынъ» есть образецъ покорности, кротости, рабскаго послушанія отцу; въ латинской комедіи, напротивъ того, это юноша дерзкій, высокоумный, полный понятія о своихъ правахъ, которыя онъ силою и добываетъ отъ своего отца. Понятно, что при такой разницѣ задачъ и характеровъ не можетъ быть ни малѣйшаго сходства въ отношеніяхъ и рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ. Что же касается собственно рисунковъ и гравюры, то г. Ровинскій представилъ тутъ одинъ изъ лучшихъ образчиковъ своего знанія и опытности глаза, приобретенныхъ долгимъ знакомствомъ съ гравюрами русской школы. Онъ говоритъ: «Картинки эти, судя по работѣ, награвированы русскими мастерами, подъ надзоромъ Петра Пикарта, прибывшаго въ Россію въ 1685 году, и, вѣроятно, по его инвенціямъ: по крайней мѣрѣ до сихъ поръ мнѣ не случилось видѣть ничего подобнаго въ иностранныхъ изданіяхъ... Не подлежитъ сомнѣнію, что доски «Комедіи о блудномъ сынѣ» гравированы по инвенціямъ (рисункамъ) Пикарта отца, имъ самимъ и, подъ его смотрѣніемъ, нашими граверами Леонтіемъ Бунинымъ и Григоріемъ Тепчегорскимъ, рука которыхъ видна на нѣкоторыхъ картинкахъ «Комедіи» (т. IV, стр. 520—521) ²⁾. Изъ этого примѣра, который я могъ бы подкрѣпить многими другими, я вывожу то заключеніе, что нельзя признавать копій, въ нашихъ лубочныхъ картинкахъ, все то, что на первый

¹⁾ Въ этомъ мѣстѣ у г. Ровинскаго поставлена звѣздочка для выноски или примѣчанія, но эти выноска или примѣчаніе остались ненапечатанными. Точно такой же пропускъ мы встрѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ его книги. Такъ напримѣръ, говоря про изданіе, въ Елизаветинское время, «Свадьбы Шанскаго», г. Ровинскій замѣчаетъ: «При картинкахъ были приложены летучіе листки съ слѣдующимъ текстомъ»; но никакого текста тутъ у него не напечатано (томъ I, стр. 260). При исчисленіи изданій картинки «Ближница» (т. I, стр. 344) пропущено изданіе 1, хотя далѣе на это изданіе дѣлаются постоянно ссылки.

²⁾ Это самое убѣжденіе я выражалъ еще въ 1864 году, при разборѣ рукописнаго сочиненія г. Ровинскаго о русскихъ граверахъ (Отчетъ о седьмомъ присужденіи премій графа Уварова, 1864 годъ, стр. 36), но я высказывалъ это убѣжденіе въ общихъ чертахъ, безъ поимяннаго указанія тѣхъ русскихъ граверовъ, которые гравировали «Комедію» подъ надзоромъ Голландцевъ (только въ Россіи, а не въ Голландіи, какъ я тогда полагалъ). Нынѣ это сдѣлано г. Ровинскимъ вполне достовѣрно и вполне убѣдительно.

глазъ такимъ кажется. Болѣе внимательное и подробное изученіе нерѣдко можетъ привести къ открытію тутъ самостоятельнаго сочиненія, кажущагося на первый взглядъ кореннымъ иноземнымъ потому только, что много присутствуетъ здѣсь иноземныхъ внѣшнихъ формъ, какими переполнена была Россія XVII, а тѣмъ болѣе XVIII вѣка.

Съ другой стороны необходимо принимать во вниманіе, при опредѣленіи происхожденія, многія обстоятельства, иначе выводы будутъ невѣрны. Такъ напр.: про картинку «На всѣхъ не угодишь» (Атласъ, № 82) г. Ровинскій въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что она гравирована съ нѣмецкаго оргинала (т. I, стр. 269), въ другомъ—что предметъ басни и самая картинка заимствованы изъ басни Лафонтена «Le paysan, son fils et l' âne» (т. IV, стр. 196), а потомъ еще—что картинка у Ганса Сакса, отъ которой идутъ текстъ и картинка Лафонтена, представляетъ переводъ совершенно другой, чѣмъ въ русской картинкѣ (тамъ же, стр. 197). Съ послѣднимъ я вполне согласенъ, но, признавая русскую картинку копіей съ какой то иностранной, я все-таки не могу сказать навѣрное, съ какой именно. Вѣрно для меня, покуда, только одно, что наши и текстъ и картинка не имѣютъ ничего общаго съ Лафонтеномъ. Я просмотрѣлъ въ С.-Петербургской публичной библиотекѣ всю многочисленную коллекцію иллюстрированныхъ изданій Лафонтена XVII и XVIII вѣковъ, начиная съ рѣдчайшихъ и кончая общедоступными и расхожими, и нигдѣ не встрѣтилъ картинки, схожей съ нашею подъ № 82. Но мало того: я положительно убѣжденъ, что наша картинка вовсе не могла быть скопирована съ французской иллюстраціи Лафонтена, потому что нашъ текстъ совсѣмъ иной, чѣмъ у Лафонтена. У Лафонтена начинается разсказъ съ того, что мужикъ съ сыномъ связали осла за ноги и головою внизъ потащили его на рынокъ, чтобъ онъ былъ «свѣжѣ». Французскія иллюстраціи всѣ представляютъ это странное путешествіе. У насъ ни въ текстѣ, ни въ картинкѣ этого вовсе нѣтъ. Вся средняя часть французской сказки и конецъ ея также совершенно иные, чѣмъ у насъ: у Лафонтена дѣло кончается тѣмъ, что разсерженный мужикъ не хочетъ болѣе слушать никакого совѣтчика, въ русской—тѣмъ, что третій прохожій совѣтуетъ ему «взвалить осла себѣ на плечи». Сообразно съ этимъ, натурально, и всѣ французскія иллюстраціи совершенно иные. Что же касается до «текста и картинокъ Ганса Сакса», на которые ссылается г. Ровинскій, то тутъ сходство еще отдаленнѣе. Во-первыхъ, надо замѣтить, что ничѣмъ не доказано, чтобъ текстъ Ла-

фонтена «взять былъ изъ текста Ганса Сакса», какъ говоритъ г. Ровинскій. Лафонтенъ бралъ сюжеты для своихъ басенъ изъ французскихъ народныхъ легендъ, сказокъ и сказаній, а ничуть не изъ нѣмецкихъ источниковъ, которые ему были неизвѣстны, уже и по причинѣ языка нѣмецкаго, вовсе почти неизвѣстнаго Франціи XVII вѣка. Гансъ Саксъ, въ свою очередь, бралъ себѣ сюжеты изъ нѣмецкихъ народныхъ легендъ и сказаній. Конечно, какъ французскія, такъ и нѣмецкія сказанія подобнаго рода могли имѣть одинакій первоначальный источникъ, но общеніе и заимствованія народнаго литературнаго матеріала совершались между Франціею и Германіею, конечно, не въ XVII вѣкѣ. Во-вторыхъ, надо также замѣтить, что содержаніе разсказа у Ганса Сакса совсѣмъ другое, чѣмъ у Лафонтена, хотя и при общей канвѣ. Въ-третьихъ, рисунки при стихотвореніяхъ Ганса Сакса (которыхъ никакъ не должно называть рисунками Ганса Сакса, такъ какъ онъ въ вовсе не былъ художникомъ, и никогда ничего не рисовалъ) сочинены и нарисованы, неизвѣстнымъ нѣмецкимъ мастеромъ, совершенно въ современномъ Гансу Саксу стилѣ, т. е. въ стилѣ нѣмецкаго Возрожденія, гдѣ сохранилось еще много элементовъ готики. Довольно изящная, по времени, и очень характерная иллюстрація къ стихотворенію Ганса Сакса «Der Waldbruder mit dem Esel» расположена въ два этажа, въ 6-ти отдѣленіяхъ, раздѣленныхъ одно отъ другаго колонками въ стилѣ Возрожденія. Костюмы — нѣмецкіе начала XVI вѣка, фигуры довольно короткія, архитектура въ фонѣ — въ томъ же родѣ, какъ въ гравюрахъ на деревѣ у Альберта Дюрера и современныхъ ему художниковъ. Поэтому эти рисунки не имѣютъ ничего общаго съ рисунками, иллюстрирующими нашу сказку «На всѣхъ не угодишь», гдѣ костюмы и всѣ формы принадлежатъ XVIII вѣку, и при томъ именно французскому стилю. Вообще я полагаю, что всего скорѣе наша иллюстрація есть подражаніе какому-нибудь французскому старинному оригиналу. Довольно значительнымъ подтвержденіемъ этому служить то, что текстъ сказки «На всѣхъ не угодишь» есть переводный текстъ Сумарокова (Полное собраніе сочиненій Сумарокова, Москва, 1787, т. VII, стр. 66, притча: «Старикъ съ своимъ сыномъ и оселъ»), съ какого именно оригинала — неизвѣстно, но извѣстно одно, что Сумароковъ постоянно переводилъ и переводилъ сочиненія и тексты исключительно только французскіе. Д. Θ. Кобеко, сообщая мнѣ очень любопытную замѣтку о томъ, что текстъ нашей сказки принадлежитъ Сумарокову, прибавилъ къ этому, что, по его изслѣдованію, текстъ еще и во многихъ другихъ лубочныхъ нашихъ

картинкахъ заимствованъ отъ Сумарокова, и вѣроятно представляетъ все переводы съ французскаго. Вотъ примѣры:

1) Текстъ картинки «Мужъ насѣдка» (№ 78 Атласа) — перепечатка притчи Сумарокова «Яйцо» (П. С. Соч. Сум., т. VII, стр. 17).

2) Въ картинкѣ «Хитрый лакомка» (№ 79) первые три стиха заимствованы изъ притчи Сумарокова «Два друга и медвѣдь» (г. VII, стр. 291), но остальной рассказъ совершенно другой.

3) Текстъ картинки «Разсѣянная молочница» (№ 80) — перепечатка притчи «Крынка молока» (т. VII, стр. 295).

4) Текстъ картинки «Лисица и виноградъ» — перепечатка притчи подъ тѣмъ же заглавіемъ (т. VII, стр. 322), съ опущеніемъ послѣднихъ четырехъ стиховъ.

5) Текстъ картинки «Пирушка» (№ 96) — перепечатка стихотворенія «Хозяйка съ подносомъ» (т. IX, стр. 154).

6) Текстъ картинки «Охотникъ и пастушка» (№ 124) — перепечатка эпиграммы Сумарокова (т. IX, стр. 124).

7) Текстъ картинки «Бабушкино наставленіе» (№ 130) — тоже (т. IX, стр. 118).

8) Текстъ картинки «Разговоръ умника со свахой» (№ 138) — тоже (т. IX, стр. 133).

9) Текстъ картинки «Упрямая жена» (№ 153) — перепечатка притчи «Спорщица» (т. VII, стр. 23).

10) Текстъ картинки «Разговоръ мужа съ женою» (№ 158), состоящій изъ трехъ четверостишій, составленъ изъ трехъ эпиграммъ Сумарокова (т. IX, стр. 122 и 123).

Всѣ эти примѣры, которые, конечно, могли бы быть умножены многими другими, служатъ къ несомнѣнному опредѣленію происхожденія и взаимнаго родства цѣлой массы нашихъ лубочныхъ картинокъ. Онѣ всѣ идутъ изъ Франціи, но подлинныхъ ихъ оригиналовъ, XVIII вѣка, мы еще не знаемъ.

Другой примѣръ. Г. Ровинскій говоритъ (т. IV, стр. 214), что «сочиненіе нашей народной картинки «Славный объѣдало» скопировано съ французской литературы «Le Ci-devant Grand Couvert de Gargantua Moderne en famille!!!». Мнѣ кажется, съ этимъ невозможно ни въ какомъ случаѣ согласиться. Французская карриатура, указанная г. Ровинскимъ и воспроизведенная въ очень рѣдкомъ теперь изданіи: «Jaime, Musée de la caricature, ou recueil de caricatures les plus remarquables, publiées en France depuis le XIV-me siècle jusqu'à nos jours. Paris, 1838 (т. I, рис. 10 G), появилась въ свѣтъ при началѣ французской революціи, и была направлена противъ Людови-

ка XVI. Тутъ представлены были онъ самъ (почти въ портретномъ видѣ), и съ нимъ вмѣстѣ его семейство и ближайшіе приближенные, на которыхъ падали тогда главнѣйшія обвиненія въ «притѣсненіи народа», въ «безчеловѣчномъ выжиманіи изъ него сока», въ «расточительности, мотовствѣ» и т. д. При этомъ личное чревоугодіе и извѣстная по исторіи «прозорливость» Людовика XVI играли уже второстепенную роль. Правда, король представленъ сидящимъ за столомъ съ пятью застольными товарищами, членами своей семьи, на столѣ стоятъ два блюда съ какими-то птицами и три бутылки вина, сверхъ того король поднимаетъ себѣ ко рту, на вилкѣ, цѣлаго поросенка, а кругомъ стола несутъ цѣлые вороха всяческаго съѣдобнаго: омаровъ, птицъ, рыбъ, овощей, подвезли цѣлыя тачки съ боченками вина, — и все таки, вся эта снѣдь не играетъ главной роли въ картинкѣ. Главную роль играютъ тѣ аллегорическія «кушанья», къ которымъ протянуты руки всей королевской фамиліи. Передъ Людовикомъ XVI стоитъ, по самой серединѣ стола, большое блюдо человѣческихъ сердець, вѣроятно знаменующихъ «многочисленные жизни подданныхъ, загубленныхъ королемъ». Правую руку онъ положилъ на блюдо съ золотою монетой и съ ассигнаціями, на которыхъ стоятъ громадныя цифры: 1.000.000, 1.259.000 и т. д.; крестьяне и крестьянки лѣзутъ къ гигантскому столу короля по маленькимъ лѣстницамъ съ корзинками за плечами, наполненными золотою монетой, внизу другія еще корзины съ монетой подносятъ и подвозятъ къ столу. Подпись подъ фигурою короля: «У en a-t-il assez pour mon grand gosier?» Королева, почувствовавъ жажду, протягиваетъ свой стаканъ къ генералу Булье (извѣстному по своей свирѣпости приверженцу Людовика XVI и безсердечному укротителю безпорядковъ во французскихъ провинціяхъ, почему внизу для него надпись на картинкѣ: «Le boucher de Nancy») и тотъ цѣдитъ ей въ стаканъ кровь одного изъ французскихъ подданныхъ, которому онъ всадилъ ножъ въ горло. Подпись подъ королевою: «Faut-il que le verger ne soit pas ma baignoire!» Два принца и принцессы сидятъ также за столомъ, и также протягиваютъ руки къ блюдамъ съ золотою монетой и ассигнаціямъ, на которыхъ все подписи: 1.000.000, 1.000.000. Ясно, что вездѣ здѣсь рѣчь идетъ о тѣхъ разнообразныхъ обвиненіяхъ, которыя въ концѣ 80-хъ годовъ пропалаго вѣка сыпались на французскаго короля и его фамилію. Поэтому, ничего общаго не имѣетъ съ этою каррикатурою наша лубочная картинка «Славный объѣдало». Правда, она принадлежитъ, по своему происхожденію, какъ и та, концу XVIII вѣка, но мнѣ ка-

жется по разнымъ признакамъ, она явилась въ свѣтъ, по всей вѣроятности, ранѣе 80-хъ годовъ. Но, пусть даже она выпущена и въ одни годы съ французскою революціонною каррикатурою, она не могла имѣть, даже судя а-ргіогі, никакого отношенія къ ней. Правительство Екатерины II, котораго отношеніе къ французской революціи хорошо извѣстно, конечно не допустило бы тогда обращенія, въ нашемъ отечествѣ, политической каррикатуры съ содержаніемъ, явно революціоннаго характера и съ кровавыми намѣтками надъ французскою королевскою семьей. Сочинителю русской лубочной картинки «Славный объѣдало», конечно принадлежащему къ низшему классу, явно не было возможности видѣть въ Москвѣ или Петербургѣ французской революціонной картинки. Но еслибы, какимъ-то чудомъ, онъ ее и видѣлъ и воспроизвелъ, полиція не потерпѣла бы повсемѣстнаго распространенія русской копіи. А между тѣмъ, эта картинка была всегда одна изъ самыхъ распространенныхъ въ русскомъ народѣ. Но если отъ этихъ общихъ соображеній а-ргіогі мы перейдемъ къ разсмотрѣнію подробностей самой гравюры, мы найдемъ въ нихъ несомнѣнныя, мнѣ кажется, доказательства того, что она не есть копія съ французской революціонной сатиры. Во-первыхъ, составъ и сочиненіе ея совершенно другіе: на всей картинкѣ объѣдало сидитъ за ѣдой совершенно одинъ, всѣ прочія личности, товарищи по ѣдѣ, исчезли; при этомъ, блюда на столѣ — все дѣйствительно съѣдобныя только блюда, и никакихъ политическихъ аллегорій не заключаютъ. Во-вторыхъ, поза и движеніе «Объѣдалы» совершенно иныя, чѣмъ въ революціонной сатирѣ: сидитъ онъ раздвинувъ ноги подъ скатертью врознь, на подобіе раздвинутаго циркуля, обращенъ къ зрителю прямо съ лица, тогда какъ во французской картинкѣ Людовикъ XVI сидитъ поджавъ ноги внутрь, а всѣмъ тѣломъ обращенъ въ сторону. Въ-третьихъ, костюмъ «Объѣдалы» совершенно иной, чѣмъ у Людовика XVI: этотъ послѣдній, какъ и всѣ прочія дѣйствующія лица французской картинки, носитъ обыкновенный французскій костюмъ конца XVIII вѣка и напудренный парикъ, тогда какъ «Объѣдало» одѣтъ въ костюмъ не XVIII, а XVII вѣка (еще полу-испанскій), и огромную шляпу съ перьями, изъ подъ которой ниспадаютъ обильныя густыя и длинныя волосы, безъ всякой пудры. По всему этому я нахожу необходимымъ признать, что нашъ «Объѣдало» есть копія съ французскаго образца, но образца времени не Людовика XVI, а Людовика XIV, когда французская народная картинка, оригиналь, не имѣла никакого политическаго значенія, а только служила для

общихъ смѣхотворныхъ народныхъ цѣлей. Съ этимъ характеромъ она была занесена и въ Россію, и, вѣроятно, много разъ воспроизведена: картинка, переданная въ Атласѣ г. Ровинскаго подь № 99, есть только позднее воспроизведеніе, на Ахметьевской фабрикѣ, такой лубочной картинки, которая уже раньше того была у насъ въ обращеніи, но только теперь не дошли до насъ болѣе раннія русскія копія. Мнѣ могутъ возразить: Но откуда-же то сходство лѣзущихъ вверхъ къ столу, по лѣстницѣ, крестьянъ съ корзинками за плечами, которыхъ мы замѣчаемъ и въ русской, и въ французской лубочной картинкѣ? Отвѣчаю: Сходство это происходитъ оттого, что, вѣроятно, такіе лѣзущіе къ столу, по лѣстницѣ, крестьяне были нарисованы и на первоначальной лубочной картинкѣ XVII вѣка, только тамъ они несли, въ своихъ котомкахъ, хлѣбъ и всякую снѣдь—что воспроизведено и на нашей русской безобидной копіи; въ Парижѣ же, въ эпоху революціи, старинную народную картинку XVII вѣка передѣляли согласно потребностямъ минуты конца XVIII вѣка, перемѣнили въ ней костюмы, многое прибавили, усилили и раздули, но при этомъ крестьяне съ котомками остались на своихъ мѣстахъ и лѣстницахъ, только они несутъ на столъ уже не кушанье, а груды золотой монеты современному «Объѣдалѣ», его семьѣ и приспѣшникамъ.

Переходя, затѣмъ, къ изображеніямъ религіознаго содержанія, мы находимъ ихъ въ Московской школѣ, равно какъ и во всѣхъ остальныхъ, можно сказать, въ необозримомъ множествѣ, находимъ, какъ и слѣдовало ожидать уже а priori, преобладаніе ихъ надъ всѣми остальными категоріями русскихъ народныхъ картинокъ. Но такъ какъ картинки этого рода имѣютъ главною, первою основой своею традицію, строгое слѣдованіе законамъ иконописныхъ подлинниковъ, то онѣ и не могутъ представлять обширнаго поля въ вопросѣ объ изслѣдованіи русской художественной самостоятельности и собственнаго творчества по части народныхъ картинокъ. Въ настоящемъ случаѣ все дѣло можетъ идти только о степени вѣрности воспроизведенія иконописныхъ подлинниковъ или существующихъ на лицо произведеній иконописнаго искусства. Почти единственное исключеніе составляютъ тѣ изображенія отдѣльныхъ личностей, или иногда цѣлой толпы народной, какія иногда наполняютъ фоны картинъ чисто религіознаго содержанія. Русская иконопись позднѣйшихъ періодовъ, XVI и XVII вѣковъ, часто любила представлять эти отдѣльныя личности, эту толпу народа, подь видомъ «людей Русскихъ», въ русскомъ національномъ костюмѣ, съ русскою

національною обстановкою, и рисовальщики народныхъ картинокъ Московской школы дѣйствовали въ этомъ направленіи смѣлѣе и рѣшительнѣе остальныхъ нашихъ школъ. Безъ сомнѣнія, мы встрѣчаемъ русскіе костюмы и русскую толпу народа, или отдѣльныя личности съ русскимъ обликомъ, иногда и въ народныхъ картинкахъ Кіевской школы (мы представимъ тому нѣсколько примѣровъ ниже), но это встрѣчается здѣсь уже не такъ часто и не такъ рѣшительно, какъ въ картинкахъ московскихъ.

Во многихъ отношеніяхъ, Московская школа, въ картинкахъ религіознаго содержанія, есть наслѣдница и продолжительница школы Кіевской, какъ по рисунку, такъ и по технику. Такъ напримѣръ, въ знаменитой московской (первой русской) Библии 1663 года всѣ гравюры, кромѣ московскаго герба, съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ видѣ Архангела Михаила, поражающаго копіемъ змія,—явно происхожденія кіевскаго. Но она во много разъ національнѣе, оригинальнѣе и самобытнѣе кіевской, и конечно всего болѣе потому, что произведенія ея исходили не единственно изъ рукъ духовенства и не единственно изъ монастырскихъ типографій и граверныхъ мастерскихъ. Въ Москвѣ художниками являлись не одни іерей, дьяконы и монахи, но и свѣтскіе люди, и эти-то свѣтскіе люди предпринимали нерѣдко изданіе картинокъ вовсе не религіознаго, а свѣтскаго содержанія. Имъ были важны интересы дня, они хватились за сатиру, они изображали многія формы окружающей ихъ дѣйствительности, и это свѣтское направленіе было такъ сильно, что оно въ значительной мѣрѣ проявляется даже въ произведеніяхъ раскольниковъ: свѣтскій и національный элементъ простирался иногда такъ далеко, что въ одной изъ картинокъ извѣстной Библии Кореня (1692 — 1697 г.) Каня пашеть при помощи лошади въ русской упряжи и съ дугою надъ головою (рисунокъ № 15). Ничего подобнаго не встрѣчаемъ въ произведеніяхъ Кіевской школы, замкнутой въ рамкѣ религіозныхъ представленій, такъ что если она и рѣшалась выходить изъ нихъ, то шла и тутъ не далѣе изображеній портретныхъ и официальныхъ, съ необходимою ихъ обстановкою, или же только повторяла «модернизациі» иностранныхъ своихъ оригиналовъ. Ея смѣлость и починъ далѣе не простирались.

«Библия» и «Апокалипсисъ» Кореня 1692 — 1697 годовъ, на которые я только что указывалъ, принадлежатъ къ числу самыхъ крупныхъ проявленій московской народной гравюры на деревѣ. И необычайный форматъ ихъ, и рисунокъ, и гравюрная техника

представляютъ здѣсь множество особенностей чрезвычайной важности, вызывающихъ на изученіе и сравненіе. Въ этихъ 24 картинкахъ мы имѣемъ твердый опорный пунктъ для разсматриванія всѣхъ наибольшаго значенія гравюръ на деревѣ начала и первой половины XVIII вѣка. Но первоначальная композиція этихъ картинокъ не русская, онѣ заимствованы съ иностранныхъ образцовъ. Значить, прежде всего требуется узнать: съ какихъ именно образцовъ взяты эти рисунки?

Про «Библию» г. Ровинскій говоритъ, что ея рисунки «заимствованы изъ славянской Палеи съ примѣсью западныхъ образцовъ» (т. IV, стр. 591). Такъ какъ здѣсь не указано, изъ какихъ именно Палей (рукописныхъ, конечно, такъ какъ печатныхъ не извѣстно) взяты одни рисунки, а также не указано, съ какихъ западныхъ образцовъ взяты другіе, то мы оставимъ здѣсь совершенно въ сторонѣ вопросъ о происхожденіи рисунковъ этой Библии.

Про «Апокалипсисъ» г. Ровинскій говоритъ, что рисунки его «заимствованы изъ Библии Пискатора» (т. IV, стр. 562). Этотъ вопросъ будетъ разсмотрѣнъ мною ниже, въ параграфѣ о Кіевской школѣ, въ общей связи съ другими указанными г. Ровинскимъ заимствованіями изъ той же иностранной иллюстрированной Библии.

II.

Кіевская школа.

Кіевскія лубочныя картинки и изданія представлены у г. Ровинскаго не въ такой полнотѣ, какъ московскія; оно и понятно, потому что кіевскія заключаютъ въ себѣ гораздо болѣе однообразія, бѣдности, въ сравненіи съ московскими и, будучи преимущественно всѣмъ религіознаго содержанія, очень часто схожи однѣ съ другими, или по крайней мѣрѣ имѣютъ одинъ и тотъ же общій характеръ, такъ что нѣтъ большой надобности воспроизводить слишкомъ многія изъ нихъ. Но многое изъ самаго важнаго, рѣдкаго и значительнаго представлено въ атласѣ г. Ровинскаго. Такъ на примѣръ, въ этомъ атласѣ напечатаны наирѣдчайшія гравюры первой половины XVII вѣка: 1) Неопалимая купина и похвала пресв. Богородицѣ, съ 1627 годомъ; 2) Смерть съ косою на «блѣдномъ конѣ», съ 1626 годомъ; 3) Миниатюрное изображеніе

Памвы Берынды, въ Ливіа, съ 1627 годомъ; 4) св. Антоній Великій въ пустынѣ, съ 1627 годомъ; 5) св. Акилина, съ 1627 годомъ; 6) Чистота, аки дѣвица преукрашена, съ 1626 годомъ; 7) Лѣствица преподобнаго Іоанна Лѣствичника, съ 1627 годомъ; 8) Темница святыхъ осужденникъ, съ 1629 годомъ; 9) Преподобный Ілія Муромецъ, безъ года (Атласъ, № 1346, нумера: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7; № 772; № 1519). Въ текстѣ, какъ содержаніе этихъ картинокъ, такъ и рисунокъ и техническая сторона гравированія и, наконецъ, вопросъ о вѣроятныхъ авторахъ этихъ наибольшаго значенія въ нашей иконографіи и гравюрѣ картинокъ, разобраны и оцѣнены въ совершенствѣ, такъ что не остается желать ничего лучшаго. Г. Ровинскій доказываетъ въ своемъ текстѣ, по моему мнѣнію, вполне неопровержимо (томъ IV, стр. 732—735), что всѣ эти картинки «должны были составлять иллюстрацію къ «Приложенію на постриженіе калугерства», составленному Памвою Берындю»; что «монограмма ЛМ или МЛ, стоящая на иныхъ изъ картинокъ этихъ (и прибавлю отъ себя, до сихъ поръ не объясненная), обозначаетъ «монахъ Леонтій», можетъ быть «Леонтій Земка»—это предположеніе было уже высказано г. Ровинскимъ 11 лѣтъ тому назадъ, въ его «Словарѣ русскихъ граверовъ» (1871 г.), но лишь въ общихъ выраженіяхъ,—другая же монограмма ПБ, столько же до сихъ поръ необъясненная, означаетъ, по мнѣнію г. Ровинскаго, имя автора текста: «Памва Берында». Не могу съ этимъ не согласиться, такъ это соображеніе просто и естественно, и такъ удачно оно объясняетъ указанное, но не разъясненное, мною еще въ 1858 году обстоятельство (Отчетъ о второмъ присужденіи наградъ графа Уварова, 1858 г., стр. 18), что эта монограмма ПБ стоитъ на верху гравюры, въ углу, гдѣ никогда не помѣщается имя гравера. Страницы, занятыя этимъ изслѣдованіемъ, принадлежатъ къ числу наибольшаго значенія въ сочиненіи г. Ровинскаго.

Мнѣ остается только пожалѣть, что выѣстъ съ этими рѣдкими стариннѣйшими гравюрами Кіевской школы не помѣщены въ атласѣ еще другія картинки, столь же важныя по содержанію своему, сколько и по древности; это едва ли не самыя старѣйшія гравюры Кіевской школы. Находятся онѣ въ наибольшаго значенія маленкомъ изданіи (существующемъ всего только въ двухъ экземплярахъ: одинъ въ Императорской публичной бібліотекѣ, другой въ Румянцевскомъ музеѣ, въ Москвѣ), котораго заглавіе слѣдующее: «Вѣршѣ на жалосный погребъ Петра зацного рыцера Конашевича Сагайдачнаго, Гетмана войска его Кр. мсти (королевской милости) Запорозкого.

Зложеный презъ инока Касіана Саковича ректора школъ кievскихъ въ брацтвѣ. 1622 года». Сагайдачный былъ истинный народный герой Запорожской сѣчи, столь же знаменитый побѣдами надъ Турками и Татарами, сколько сильною и успѣшною помощію, оказанною имъ православію противъ уніи. Вирши Саковича съ картинками, гравированными на деревѣ, были должно быть сильно распространены въ Кіевѣ и во всей его тогдашней области. Картинки эти имѣли вполне значеніе народное и историческое. Для насъ же, нынче, онѣ имѣютъ не меньшее значеніе, какъ одинъ изъ рѣдчайшихъ образцовъ изданія біографическо-историческаго содержанія, XVII вѣка. Притомъ большое значеніе имѣетъ для насъ элементъ костюмовъ казацкихъ, столь рѣдко встрѣчающихся въ древнихъ рисункахъ и гравюрахъ русскихъ и иностранныхъ. На оборотѣ заглавнаго листа представленъ, среди круглой рамки, казакъ въ шапкѣ съ кистью или съ перомъ, въ кафтанѣ съ петлицами на груди, съ восточною саблей у бедра и съ короткимъ мушкетомъ на плечѣ. Это гербъ Запорожскаго войска. Внутри книжечки мы встрѣчаемъ портретъ самого Сагайдачнаго, во весь ростъ, верхомъ, въ высокой мѣховой шапкѣ, съ булавою въ правой рукѣ, лукомъ и кожаномъ стрѣлъ за спиною. Весь костюмъ его, убранство коня, чепракъ, въ высшей степени интересны и важны для нашей костюмной науки. Въ другомъ мѣстѣ книжечки маленькая гравюрка представляетъ штурмъ Кафы: на стѣны ея, въ разныхъ мѣстахъ, по лѣстницамъ взлѣзаютъ казаки; напередѣ изображены турецкія военныя суда (каторги), атакуемые на морѣ казацкими легкими лодками. Надпись: «Кафу воева. Року 1616». Все вмѣстѣ представляетъ множество наиважнѣйшихъ этнографическихъ и историческихъ свѣдѣній и подробностей.

Есть другое наирѣдчайшее кievское изданіе, котораго извѣстенъ одинъ только экземпляръ, существующій въ Императорской публичной бібліотекѣ. Это «Имнологія» 1630 года. Заглавный листъ въ ней тѣмъ замѣчательнъ и интересенъ, что здѣсь, кромѣ изображеній, на рамкѣ, русскихъ святыхъ: князя Владиміра, княгини Ольги, князей Бориса и Глѣба—всѣ четыре по грудь, и кievскихъ преподобныхъ Θεодосія и Антонія—во весь ростъ, есть еще маленькое, но очень явственное и подробное изображеніе «церкви Печерской», которое въ такую раннюю эпоху, въ первую четверть XVII вѣка, составляетъ крайнюю рѣдкость.

Есть еще два кievскія изданія изъ этой же эпохи, изъ которыхъ, къ сожалѣнію, нѣтъ снимковъ въ атласѣ г. Ровинскаго

Это, во-первыхъ, «Триодъ» 1631 года, гдѣ есть не мало картинокъ, въ послѣдствіи много разъ отпечатанныхъ тѣми же досками или повторенныхъ во множествѣ кievскихъ изданій, до конца XVII столѣтія: картинки эти во многихъ отношеніяхъ замѣчательны—и въ иконографическомъ, и въ техническо-гравировальномъ, а иногда и въ костюмномъ отношеніи (нѣкоторые примѣры этихъ послѣднихъ мы приведемъ ниже); во-вторыхъ, «Евхаристіонъ албо Вдѣчность», 1632 года, гдѣ въ первой части находится изображеніе Петра Могилы въ архимандричьемъ облаченіи, въ ту минуту, какъ онъ бросаетъ воеводскій скипетръ и корону.

Но, кромѣ всего этого, надо сожалѣть, что у г. Ровинскаго не воспроизведено въ атласѣ ни одного листа изъ «Библии Иліи» (40-хъ годовъ XVII вѣка) и «Апокалипсиса Прокопія», 1646—1662 годовъ. Оба изданія, какъ ни грубы, заслуживали воспроизведенія, потому что въ свое время пользовались громаднѣмъ распространеніемъ и теперь составляютъ необычайную рѣдкость. Притомъ же оба они, вмѣстѣ съ «Апокалипсисомъ» Кореня 1692—1697 годовъ (къ счастью, воспроизведеннымъ у г. Ровинскаго цѣликомъ), представляютъ очень важный матеріалъ для разслѣдованія нашихъ ученыхъ.

Про эти три любопытныя наши изданія г. Ровинскій говоритъ, что всѣ ихъ картинки «скопированы изъ Библии Голландца Ивана Пискатора» (т. IV, стр. 590, 592, 600). Къ этому онъ прибавляетъ, что «Илья, копируя картинки Пискатора, уменьшилъ ихъ изъ листаго размѣра въ четверку, при этомъ онъ выбрасывалъ изъ нихъ все то, съ чѣмъ не умѣлъ справиться: фигуры, разныя мелочи и даже цѣлыя партіи фигуръ; иногда онъ соединялъ двѣ картинки Пискатора въ одну, а въ другихъ мѣстахъ допускалъ крупныя измѣненія; что мастеръ Григорій (въ «Апокалипсисѣ» Кореня) «не рабски копировалъ Пискатора, а многое измѣнилъ, другое переименовалъ, соединилъ по двѣ Пискаторовы картинки вмѣстѣ, придавъ фигурамъ своимъ польскіе типы и одѣлъ ихъ въ польскіе костюмы, не говоря уже о томъ, что картинки Григорія размѣромъ въ четверо болѣе картинокъ Пискатора; что «іерей Прокопій, копируя съ Пискатора, увеличилъ картинки въ длину, опустилъ въ нихъ разныя подробности и тонкости, съ которыми не могъ совладать при передачѣ трагюры на дерево».

Открытіе связи и сходства Библии Пискатора съ нашими иллюстрированными изданіями второй половины XVII вѣка принадлежатъ къ числу важнѣйшихъ заслугъ г. Ровинскаго. До него Биб-

лія Пискаatora была у насъ неизвѣстна, и потому не принималась въ соображеніе ни однимъ изслѣдователемъ древней русской гравюры. Отнынѣ ни одинъ изъ нихъ не можетъ обойтись безъ изученія ея картинъ. Но, не взирая на всю эту крупную заслугу г. Ровинскаго, я считаю, что нельзя внести добытый имъ результатъ цѣликомъ въ исторію русской гравюры. Мнѣ кажется, что тутъ должны быть произведены нѣкоторыя существенныя измѣненія.

Идя по стопамъ г. Ровинскаго и повторяя еще разъ трудную и сложную работу, произведенную имъ, я сравню съ «Библией» Пискаатора всѣ три наши изданія: «Библию Или», «Апокалипсисъ Прокочія» и «Апокалипсисъ Кореня», по экземплярамъ Императорской публичной библіотеки. Я получаю здѣсь слѣдующія данныя:

Библия Или.

Библия Пискаатора.

Книга Бытія.

Глава 15. Явленіе Бога Аврааму.

- 19. Лотъ съ дочерьюми. Одна дочь почти вполнѣ нагая; Лотъ прикасается до нея любово-страстно. Другая дочь положила руку отцу своему на голову.
- 21. Агарь въ пустынѣ: она плачетъ, подперевъ щеку рукой.
- 24. Реввека у колодца. Грудь очень открыта у всѣхъ женщинъ.
- 25. Исавъ продаетъ право на благословіе Іакову. Фонъ — горы; въ альковѣ круглое окно.
- 28. Іѣствица Іакова. Ангелы всѣ съ сіяніями.
- 32. Іаковъ борется съ Богомъ.
- 41. Іосифъ толкуетъ сны Фараону. Фонъ — комната.
- 49. Рувимъ.—Симеонъ.—Гадъ.—Асирь.
- 50. Смерть Іакова.

Исходъ.

Глава 8. Моисей передъ Неопалимою купиною. Извилистая змѣя ползетъ на переди. Овальная рамка кругомъ композиціи.

- 4. Ааронъ и Моисей. Руки у нихъ врозь. Вокругъ композиціи овальная рамка.
- 7. Ааронъ превращаетъ воду въ кровь.

Вовсе нѣтъ.

Эта самая дочь—вся одѣтая; Лотъ до нея не прикасается любово-страстно и только обнимаетъ ее за шею. Другая дочь положила руку отцу на плечо.

Совершенно иное сочиненіе (и притомъ, лишь какъ эпизодъ въ картинкѣ «Изгнаніе Агари»); она протягиваетъ обѣ руки впередъ.

Около половины фигуръ совсѣмъ инныя. Сходство очень отдаленное. Грудь у женщинъ болѣе закрыта.

Фонъ—стѣна съ дверью; въ альковѣ—также дверь.

Ангелы безъ сіяній.

Вовсе нѣтъ.

Фонъ—городъ.

Совершенно инныя фигуры и съ иною обстановкою. Асирь Пискаатора есть Невоалимъ Или.

Вовсе нѣтъ.

Змѣя, но другой формы, является лишь вдали и даже мало замѣтна. Овальной рамки нѣтъ.

Они жмутъ другъ другу руки; рамки овальной нѣтъ.

Вовсе нѣтъ.

Библия Илм.

Библия Пискатора.

- Глава 8. Жабы. У царицы на головѣ корона. Въ фонѣ—окна.
- 8. Мужь (NB. Фигура царя и воинновъ за нимъ похожа на такую же въ «Саранчѣ» у Пискатора).
 - 9. Градъ.
 - 10. Саранча.
 - 10. Тьма.
 - 11. Пасха Иудейская. На улицѣ звѣзды; города въ фонѣ нѣтъ.
 - 12. Избѣненіе первенцевъ. Картина состоитъ изъ летящаго ангела и 12 фигуръ, разбросанныхъ по всей землѣ (въ томъ числѣ лошадь).
 - 13. Переходъ Евреевъ черезъ Черное Море (толпа народа поперекъ картины, Ааронъ и Моисей впереди).
 - 16. Перепела.
 - 16. Манна.
 - 17. Изведеніе воды.
 - 19. Моисей получаетъ заповѣди.
 - 25. Хлѣбы предложенія.
 - 27. Ковчегъ завѣта.
 - 27. Седьмисвѣщникъ.
 - 27. Трапеза.
 - 32. Пляска вокругъ золотаго тельца. Пляшущихъ (между ними женщина съ распущенными волосами) 7 человекъ; одинъ музыкантъ играетъ на гудкѣ, другой на трубѣ; сзади нихъ человекъ, поднявшій обѣ руки. У подошвы горы большой столъ, покрытый столовой посудой. Съ горы сходитъ Моисей. Другихъ фигуръ нѣтъ.
 - 36. Завѣса скинии.
 - 40. Ааронъ въ полномъ первосвященническомъ облаченіи.

Книга Числѣ.

- Глава 13. Принесеніе лозы изъ земли Хаваанской.
- 16. Наказаніе Корея, Давана и Авирона.
 - 21. Мѣдный Змій. Подпорка для Змѣя въ видѣ Т; кромѣ Моисея и Аарона дѣйствующихъ лицъ всего 6. У подножія Змѣя женщина съ поднятою головой, открытою, съ одною рукой на груди и другою вдоль тѣла.

У царицы короны нѣтъ на головѣ. Окно нѣтъ.

Вовсе нѣтъ.

Главы 9-я и 10-я—вмѣстѣ, и все сочиненіе назначено для выраженія темы «Саранча». Всего остальнаго нѣтъ. Нѣтъ вовсе.

Картинки для обоихъ сюжетовъ соединены въ одну картинку. Во 2-мъ сюжетѣ лежащихъ фигуръ — 8 (въ томъ числѣ лошадь).

Нѣтъ вовсе.

Нѣтъ вовсе.

Совершенно другое сочиненіе.

Лишь общее и отдаленное сходство.

Нѣтъ вовсе.

Совершенно другое сочиненіе. Пляшущихъ 10 человекъ, и между ними нѣтъ женщины съ распущенными волосами; изъ двухъ музыкантовъ одинъ играетъ на барабанѣ, другой на трубѣ; позади нихъ никого нѣтъ. Подлѣ Моисея, на горѣ, еще два человека; подъ горой есть столъ, но не большой и пустой; на картинкѣ множество стоящихъ и сидящихъ мужчинъ и женщинъ.

Нѣтъ вовсе.

Совершенно другое сочиненіе по фигурамъ, пейзажу и всѣмъ подробностямъ вообще.

Нѣтъ вовсе.

Сходство очень отдаленное. Подпорка для Змѣя вилкой; дѣйствующихъ лицъ—множество. У подножія Змѣя женщина съ непокрытою головой, держащая ребенка.

Библия Иліи.

Библия Пискатора.

Глава 22. Ангелъ и Ваалаамъ. Ангелъ иконописный и съ сіяніемъ; въ фонѣ три человѣка.

- 24. Ваалаамъ благословляетъ народъ. Царь съ лица; костюмъ на немъ иконописный, и сапоги. Четыре правильныхъ ряда палатокъ. Фигуръ человѣческихъ всего въ картинѣ четыре.

Иисусъ Навинъ.

Глава 1. Самъ Иисусъ Навинъ, въ латахъ, шлемѣ и съ мечомъ.

- 2. Рахаавъ спасаетъ посла Иисуса. Фонъ: луна и звѣзды на небѣ.
- 4. Переходъ черезъ Иорданъ. Фонъ пустой.
- 5. Ангелъ является Иисусу Навину. Самостоятельная большая картина. Ангелъ — иконописный, съ крыльями и сіяніемъ, безъ щита и шлема; конь позади него. Фонъ—городъ.

- 6. Паденіе Іерихона. Фонъ: разрушающаяся городская стѣна и башни.

- 7. Побіеніе Анана. Самостоятельная картина.

- 10. Иисусъ Навинъ останавливаетъ солнце. Солнце съ лицомъ. Фигуръ немного.

Книга судей.

Глава 3. Семергаръ. Фонъ сложный: огромное дерево, городъ вдали.

- Варакъ. Фонъ сложный: множество деревьевъ, башня, палатка.

- 4. Деворра умерщвляетъ Сисарру. Самостоятельный листъ.

- 6. Гедеонъ. Латы съ орнаментами на груди. Въ фонѣ растенія въ русскомъ стилѣ XVII вѣка.

- 9. Авимелехъ. Маленькая чалма; развѣвающійся плащъ. Фонъ: цѣлый городъ; дерево.

- 10. Тгола. Фонъ: башня на скалѣ; съ другой стороны зубчатая стѣна города, также на скалѣ.

Ангелъ въ стилѣ рококо, и съ совершенно другимъ движеніемъ рукъ; въ фонѣ нѣтъ ни одного человѣка.

Царь спиной; костюмъ: латы и хламида, онъ босоногъ. Многочисленные ряды палатокъ расположены совершенно неправильно и живописно, по всей лѣвой сторонѣ картины. Масса человѣческихъ фигуръ повсюду.

Вовсе нѣтъ.

Фонъ: городъ и зданія.

Фонъ: горы и масса войска.

Этотъ сюжетъ, но совершенно иного сочиненія, чѣмъ у Иліи, находится, въ очень миниатюрныхъ размѣрахъ, на картинѣ, изображающей трапезу Израильтянъ у Іерихона. Ангелъ въ шлемѣ, со щитомъ и мечомъ. Иисусъ Навинъ на колѣняхъ, позади него палатки, похоронные монументы; вдали городъ.

Фонъ: круглое большое зданіе и большая городская постройка, совершенно иной формы, чѣмъ у Иліи.

Этотъ сюжетъ есть у Пискатора, но въ фонѣ другой большой картины (№ 7), и совершенно иначе.

Солнце безъ лица, изъ однихъ лучей. Фигуръ очень много.

Фонъ: очень тонекія деревья; и поле, на которомъ сражаются люди.

Одна только палатка и богѣ ничего; фона нѣтъ, ибо онъ закрытъ драпировкой Варака и палаткой.

Этотъ сюжетъ находится на одной картинѣ съ Варакомъ, но это совершенно другое сочиненіе.

Латы очень просты. Фонъ—пейзажъ.

Чалма огромная; плащъ виситъ спокойно, наверху на руку. Фонъ: долина съ очень немногими постройками и далѣкими горизонтами.

Фонъ: долина съ постройками, и съ далекими горизонтами. Авимелехъ, Тгола, Гедеонъ и Іаиръ на одной картинѣ.

Библия Илин.

Библия Пискатора.

Глава 10. Январь. Фонъ: дерево и городъ вдали, на покатои мѣстности.

Фонъ: Конное войско, идущее по долину по направлению къ далекому городу, съ круглою широкою въѣздною башнею.

— 12. Есевонъ. Фонъ: городъ, съ воротами; высокая трава.

Фонъ: городъ, трапеза 11 человекъ на воздухѣ, конное войско.

— 12. Емонъ. Фонъ: городскія ворота.

Фонъ: долина, деревья.

— 12. Авдонъ. Фонъ: городъ, гора.

Фонъ: конное войско, тянущееся вдаль. Вовсе нѣтъ.

— 13. Явленіе Ангела Маноѣ и женѣ его.

Фонъ: городъ, но очень далеко и въ миниатюрномъ видѣ, и притомъ другаго совершеннаго вида, съ церквями XVII вѣка.

— 13. Самсонъ. Фонъ: городская стѣна, деревья, гора, иконописнаго стиля зданія.

Книги Царствъ.

Кн. 1, гл. 9. Саулъ.

Кн. 2, гл. 2. Давидъ.

Кн. 3, гл. 8. Соломонъ.

— 12. Раваамъ.

— 15. Иосафатъ.

— 15. Авія.

— 15. Асса, кумиры потребляющій.

— 15. Асса, приносящій первосвященнику золото, сосуды и проч. (въ экземпляръ Имп. публ. библиотеки нѣтъ).

Кн. 4, гл. 14. Манасія.

— 15. Иоаамъ.

— 8. Иоарамъ.

— 8. Охозія.

— 11. Иоасъ.

— 21. Манасія.

— 15. Азарія.

— 16. Ахазъ.

— 18. Езекия.

— 21. Амонъ.

— 22. Иосія.

— 23. Иоахазъ.

— 24. Иоакимъ.

— 25. Седекія.

Вовсе нѣтъ.

Вслѣдъ за тѣмъ, я подвергаю подобному сравненію «Апокалипсисъ» въ изданіяхъ іерея Прокопія, Кореня и Пискатора, и получаю слѣдующіе результаты:

Апокалипсисъ Прокопія.

(не полный).

1. Саваоѣ съ мечомъ, исходящимъ изъ усть. На Саваоѣ платье со складками. На головѣ у Іоанна сіяніе. Напередѣ посредній пейзажъ и вода. Облака иной формы, тѣмъ у

Апокалипсисъ Кореня.

(не полный).

1. Недостаетъ.

Апокалипсисъ Пискатора.

1. Первою картинкою здѣсь является изображеніе Іоанна Божьего слова на островѣ Патмосѣ. Ея нѣтъ ни у Прокопія, ни у Кореня. Надпись: «Apostolus Iohannis Caput 1, vers. 9».

Апокалипсисъ Проконія.

Пискатора. Расположеніе шандаловъ иное, чѣмъ у Пискатора. На иныхъ шандалахъ богатая орнаментация. Надъ Іоанномъ Богословомъ надпись: «Св. Іоаннъ». Вокругъ Саваоа сіяніе изъ огненныхъ языковъ.

2. Саваоѣ сидящій, представляетъ прямо съ лица. Лѣвая рука поднята, правая видна отчасти, и держитъ книгу вертикально. Престолъ совѣмъ другой формы, чѣмъ у Пискатора, съ завитками рококо; его нижніе края кончаются головками Херувимовъ. Подлѣ Саваоа тельца, стоящій на заднихъ ногахъ. Напередѣ внизу — море. Іоаннъ Богословъ стоитъ на колѣняхъ на облакѣ, на право, въ профиль; около его головы сіяніе; у 24 старцевъ въ рукахъ короны, «гусли и фіалы алаты, полны ениіама». Одинъ изъ старцевъ, на лѣво, схвативъ корону обѣими руками, хочеть ударить ее объ землю.

8. Четыре всадника. Они скачутъ влѣво отъ зрителя. У Смерти густые волосы подняты вверхъ космами на черепѣ. За спиной развѣвается драпировка. Обѣими руками она держитъ косу. Лицо у Смерти — молодое. У воина мечъ и щитъ. Конь его пѣгій. Конь царя обращаетъ голо-

Апокалипсисъ Кореня.

2. (Безъ №). Сочиненіе довольно сходное съ сочиненіемъ Проконія, но представляющее также и значительныя различія. Форма престола у Саваоа не рококо, а византийская. Правую руку Саваоѣ положилъ на наклонившагося къ нему тельца, лѣвая лежитъ на книгѣ съ 7-ю печатами. Сіяніе изъ языковъ огненныхъ кругомъ всего Саваоа до низу. У ногъ Саваоа летитъ ангелъ, котораго нѣтъ ни у Проконія, ни у Пискатора. Текстъ подлѣ картинкой подробнѣе, чѣмъ у Проконія, иной ореографіи и иного состава. Такъ наприм. у *Прок.* сказано: «И семь свѣщникъ огнемъ горящихъ», у *Кор.*: «семь свѣщникъ огнѣмъ горящихъ». У *Проконія* «предъ престоломъ морестеклянное», у *Кореня*: «подъ престоломъ» и т. д.

3. Всадники скачутъ вправо отъ зрителя. Смерть совершенно лысая и безъ драпировки; въ рукахъ у ней коса. На трехъ коняхъ сбруя. На воинѣ латы съ пуговицами напередѣ. Конь царя держитъ голову впередъ. Группа людей распростертыхъ на землѣ совершенно

Апокалипсисъ Пискатора.

2. На Саваоѣ поперегъ такіи кушакъ. Іоаннъ Богословъ безъ сіянія. Въ фонѣ нѣтъ ни пейзажа, ни воды. Шандалы безъ орнамента, всѣ одинакіе. Вокругъ Саваоа сіяніе изъ черточекъ.

8. Совершенно другое сочиненіе, чѣмъ у Проконія и Кореня. Напередѣ нѣтъ моря; Іоаннъ Богословъ внизу, напередѣ. Саваоѣ обращенъ вправо. Подлѣ него нѣтъ тельца. У однихъ старцевъ въ рукахъ только короны; у другихъ онѣ стоятъ на полу. Старца, разбивающаго свою корону, — нѣтъ вовсе. Семь свѣщниковъ вверху не висятъ на цѣпяхъ, какъ у Кореня, а являются на воздухе, какъ у Проконія; притомъ они другой формы.

4. Картинка на текстъ: «Arosalupsis Caput 5. ver. V.» Ея нѣтъ ни у *Прок.*, ни у *Кореня*.

5. Всадники скачутъ вправо отъ зрителя. У Смерти есть немного волосъ на головѣ. Лицо у ней — старческое. У ней въ рукахъ трезубецъ. У воина въ рукахъ только мечъ. Конь царя обращаетъ голову назадъ. Група лежащихъ людей нѣсколько сходна съ группой у *Проконія*.

Апокалипсисъ Проконія.

ву назадъ. Подъ лети-
щимъ ангеломъ мел-
кая надпись.

Апокалипсисъ Кореня.

иная, чѣмъ у *Прок.* и
Пискат. Подъ анге-
ломъ длинная надпись,
но другой и болѣе
пространной редакціи,
чѣмъ у *Прок.*, равно
какъ и текстъ внизу
всей картинки. Такъ
напр. у *Прок.*: «Дадесе»,
у *Кор.*: «дано бысть».

Апокалипсисъ Пискатора.

4. Пятая печать. Пре-
столъ на облакахъ по-
крытъ орнаментами.
Сіяніе около него изъ
огненныхъ языковъ.
Ангелы съ вѣнцами
кругомъ головы. Бoko-
вые два ангела стоятъ
на особыхъ облачкахъ.
Композиція имѣетъ
сходство съ картин-
кой *Пискатора*.

4. Престолъ еще богаче
украшенъ, чѣмъ у
Прок.; ангелы со слу-
хами и въ вѣнцахъ.
Общее сіяніе изъ язы-
ковъ огненныхъ. Вни-
зу 6 группъ, вмѣсто
5-ти, какъ у *Прок.* и
Писк. Текстъ надпи-
си внизу одинакій съ
текстомъ у *Прок.*, но
съ другими подробно-
стями формы.

6. Престолъ безъ укра-
шеній. Сіяніе вокругъ
осязное, изъ черто-
чекъ.

5. Шестая печать. Кро-
мѣ падающихъ звѣздъ
падаютъ также какіе-
то предметы, похожіе
на продолговатыя ка-
пши (вѣроятно они вы-
ражаютъ слова текста:
«падоша яко смоков-
ницы»). Группы людей
только отчасти похожи
на подобныя же груп-
пы у *Пискат.*: есть и
совершенно иные фи-
гуры, особенно въ лѣ-
вой сторонѣ, какъ на-
примѣръ, человѣкъ во
весь ростъ, поднявшій
руки, и двое лежа-
щихъ подлѣ него.

5. (Безъ №). Есть общее
сходство съ группами
и подробностями *Прок.*,
но много и разницы.
Падающіе камни и
«смоковницы» иные
числомъ и формою.
Однѣ фигуры похожи
на фигуры *Прок.*, дру-
гія совершенно иные.
Текстъ одинакій съ
Прок., но съ разни-
цами въ грамматиче-
скихъ формахъ.

7. Падаютъ только звѣз-
ды, окруженныя ог-
ненными языками;
кругомъ изображенъ
будто дождь—продол-
говатыми черточка-
ми. Падающіе камни
иныхъ формъ, чѣмъ у
Прок. и *Кор.* Мно-
гія человѣческія фигу-
ры совершенно иные,
чѣмъ у *Прок.* и *Кор.*

6. Четыре ангела на
четырёхъ углахъ зем-
ли. Всѣ ангелы (въ
вѣнцахъ) совершенно
иные, чѣмъ у *Пискат.*
Среди облаковъ ввер-
ху херувимскія голов-
ки, изъ усть которыхъ
исходитъ вѣтръ.
Крестъ у средняго
ангела, подъ Савао-
омъ, древней русской
формы съ поперечи-
ной въ самомъ верху.
Тронъ у Саваома въ

6. (Безъ №). Ангелы (въ
вѣнцахъ) значительно
отличаются позами и
движеніями отъ тако-
выхъ же у *Прок.* Сред-
ній ангелъ внизу дер-
жить въ одной рукѣ
чашу съ причастіемъ,
другою — небольшой
крестъ, которымъ при-
касается къ челу стар-
ца на колѣнахъ. Въ
облакахъ херувимскія
головки, какъ и у *Прок.*
Крестъ у верхняго

8. Ангелы (безъ вѣн-
цовъ) всѣ въ иныхъ
позахъ, чѣмъ у *Прок.*
и *Кор.* Херувимскихъ
головокъ вовсе нѣтъ.
Крестъ у ангела ввер-
ху — западно-европей-
скій. Тронъ Саваома—
рококо.

Апокалипсисъ Проконія.

стиль рококо. Саваою обращенъ нѣсколько вправо отъ зрителя. Толпа народа внизу полурядѣта.

Апокалипсисъ Корени.

ангела посредникъ — русскій. Саваою представленъ на византийскомъ тронѣ, прямо съ лица. Толпа народа напередѣ вся одѣта по иконописному. Текстъ представляетъ отличія отъ текста *Прок.* Такъ напримѣръ: у *Прок.* «по сихъ», у *Кор.* «по семь»; у *Прок.* «видѣхъ много ангела», у *Кор.* «видѣхъ нѣхъ ангелъ». Сверхъ того, вторая половина текста у обоихъ равная.

Апокалипсисъ Пискагора.

7. Седьмая печать. Престолъ, на облакахъ, богато украшенъ. Ангелы всѣ въ вѣнцахъ. Большое сіяніе вокругъ него и Саваою состоятъ изъ пламенныхъ языковъ. Внизу пейзажъ иконописнаго стиля. Общая композиція имѣетъ сходство съ такою же у *Пискагора.*

8. Первый ангелъ во струби. Композиція имѣетъ много сходства съ такою же у *Пискагора.*

9. Второй ангелъ во струби. Корабли и паруса совершенно иные, чѣмъ у *Пискагора.*

10. Третій ангелъ во струби. Море, земля, скалы, деревья, трупы умершихъ — на первомъ планѣ, и городъ вдали, въ иконописномъ стилѣ, совер-

7. Престолъ богато украшенъ. Сіяніе изъ языковъ только вокругъ головы Саваою. Онъ самъ и всѣ ангелы (въ вѣнцахъ) въ стилѣ иконописномъ, въ одеждахъ византийскихъ. Группы ангеловъ иные, чѣмъ у *Прок.* и *Пискаг.* Пейзажъ внизу — тоже. Текстъ внизу иной редакціи противъ *Прок.*; напримѣръ: у *Прок.* «бысть молчаніе», у *Кор.* «бысть безмолвіе»; у *Прок.* «спредъ божимъ престоломъ стояху», у *Кор.* «спредъ Богомъ стаяху» и т. д.

8—9. (Безъ №). Оба сюжета соединены въ одну картинку. Очень отдаленное сходство съ картинками *Прок.* и *Пискаг.* Довольно сходны одни ангелы, летящіе въ небѣ. Текстъ тождественный съ текстомъ *Прок.*, но съ разницею грамматическихъ формъ.

10—11. Оба сюжета соединены вмѣстѣ. Пламя надъ падающею звѣздой, пейзажъ, деревья, трава, группа труповъ, городъ въ фонѣ, все это иначе

9. Престолъ почти безъ украшеній. Сіяніе только вокругъ головы Саваою, изъ однихъ черточекъ. Пейзажъ внизу очень мелкій.

10. Близкое сходство съ картинкой *Прок.*

11. Корабли и паруса иные, чѣмъ у *Прок.*

12. Видны не деревья, а только тоненькіе стволы ихъ изъ-подъ облака. Труповъ людей всего четыре. Воды спереди очень мало.

Апокалипсисъ Прокөпя.

шенно иные, чѣмъ у *Лискага*.

11. Четвертый ангелъ воструби. Пейзажъ, съ *иностранными* постройками (башни, купола), какихъ нѣтъ въ картинѣ *Лискага*.

12. Пятый ангелъ воструби. Сочиненіе имѣетъ много общаго съ такимъ же у *Лискага*, но съ нѣкоторыми очень существенными отличіями. Такъ напр.: надъ звѣздой, среди столба дыма, нѣтъ, какъ у *Лискага*, летящаго внизъ фантастическаго «пруга» (=саранчи); хвосты у тѣхъ трехъ «пруговъ», чтó преслѣдуютъ двухъ бѣгущихъ человѣкъ, иначе расположены чѣмъ у *Лискага*; подъ этими двумя бѣгущими людьми нѣтъ третьяго, въ чалмѣ, упавшаго на земь; упавшіе, въ центрѣ картины, два человѣка, изъ которыхъ одинъ въ чалмѣ, лежатъ головами врозь, а не къ центру, подлѣ человѣка, лежащаго затылкомъ внизъ, лежатъ въ лѣвомъ углу на полу чалма, свалившаяся съ головы, и т. д.

13. Шестой ангелъ воструби. Въ композиціи есть черты сходства, но и черты несходства съ композиціей *Лискага*. Такъ, напримѣръ, Савооъ представленъ въ поворотѣ въ три четверти, тогда какъ у *Лискага* въ профиль; у третьяго ангела, направо, волосы на головѣ подняты верху остриемъ, какъ у

Апокалипсисъ Корөня.

здѣсь, чѣмъ въ обѣихъ картинкахъ *Прокөпя*. Ангелы схожи. Текстъ тожественный съ *Прокөпя*, но съ разницею грамматическихъ формъ.

12. Сочиненіе имѣетъ болѣе сходства съ такимъ же у *Лискага*, чѣмъ у *Прокөпя*, а именно: надъ звѣздой, въ столбѣ тьмы, является «пругъ»; подъ двумя бѣгущими лежитъ третій еще человѣкъ, въ чалмѣ; упавшіе два человѣка, въ центрѣ картины, лежатъ головами къ центру, и т. д. Текстъ тожественный съ текстомъ *Прокөпя*, но съ разницею грамматическихъ формъ.

13. (Безъ №). Иное въ композиціи болѣе сходно съ *Прокөпя*, а иное съ *Лискага*. Такъ напр. Савооъ — въ $\frac{3}{4}$, какъ у *Прокөпя*; видны обѣ его руки, какъ у *Прокөпя*; но фигура лежащаго на полу человѣка, пораженнаго ангеломъ, по позѣ и подробностямъ тожественна съ такою же фигурою у *Лискага*, а именно онъ лежитъ

Апокалипсисъ Пискагатора.

13. Обширные горизонты и пейзажи, съ постройками внизу, какихъ нѣтъ ни у *Прокөпя*, ни у *Корөня*.

14. Сочиненіе, сходное, въ отдѣльныхъ чертахъ, то болѣе съ картинкой *Прокөпя*, то съ картинкой *Корөня*.

15. Сочиненіе, сходное то съ картинкой *Прокөпя*, то *Корөня*, то совершенно отличающееся отъ обоихъ.

Апокалипсисъ Проконія.

«Смерти» въ № 3; человекъ, лежащій въ правомъ углу картины, лежитъ головой къ рамкѣ, ногами въ поле, тогда какъ у *Писка* наоборотъ, — значить въ совершенно иномъ отношеніи къ поражающему его ангелу, и т. д.

Апокалипсисъ Корени.

головою въ поле, ногами къ рамкѣ, и притомъ одною приподнятою ногою онъ старается оттолкнуть ангела, какъ у *Писк.* Замѣчательно, что всѣ ангелы держутъ мечи *левой рукой*. Всѣ костюмы — иконописные. Въ текстѣ есть различия редакціи съ *Прок.*, напримѣръ: «жертвенника златаго» у *Прок.*, «олтаря златаго» у *Корени*; «ангелу иже имаше трубу» у *Прок.*, «ангелу имѣющу трубу» у *Кор.*; «при рѣцѣ» у *Прок.*, «на рѣцѣ» у *Кор.*; «да убіють» у *Прок.*, «да избіють» у *Кор.*; «число воинства коннаго двѣ тмѣ темѣ» у *Прокон.*; «число конныхъ двоичею тма тмами» у *Кор.*, и т. д. Сверхъ того, текстъ у *Кор.* страннѣе.

Апокалипсисъ Пискатора.

14. «И видѣхъ инаго ангела крѣпка». Композиція имѣетъ много сходства съ такою же у *Писк.*, но есть также и различія. Такъ напримѣръ расположеніе кораблей на морѣ совершенно иное: впереди маленькій, вдали большой; у *Писк.* наоборотъ. Сверхъ того у этого послѣдняго еще два судна вдали на горизонтѣ. Пейзажъ позади Іоанна Богослова совершенно различный въ обихъ картинкахъ: у *Прок.*, онъ иконописнаго стиля, и прибавлены, сверхъ того, группы людей, между которыми видна баба съ ведрами.

14. (Безъ №). Композиція въ иномъ приближается къ картинкѣ *Писк.*, напр.: напередѣ большой корабль, и точно такой формы, какъ у *Писк.*, а вдали еще 3 корабля, какъ у него же, но въ иномъ заключаетъ совершенно самостоятельныя подробности, какихъ нѣтъ ни у *Писк.*, ни у *Прок.*; такъ напр.: отвѣсныя скалы позади Іоанна Богослова, зелень, растущая вокругъ него, и т. д. Текстъ иной редакціи въ сравненіи съ *Прок.*; такъ напримѣръ: «и егда възва» у *Прок.*, «и егда «възгласи» у *Кор.* Формы грамматическія также представляютъ различія.

16. Иное въ композиціи схоже съ *Кор.*, иное съ *Прок.* Пейзажъ позади Іоанна Богослова очень обширный, и съ далекими горизонтами.

Анонимисъ Прокія.

15. «И дадемся трость». Сочиненіе совершенно отличное и отъ *Лиск.* и отъ *Кор.*: «Звѣрь» совершенно иной формы; у него на головѣ корона, на шеѣ орарь, языкъ широко высунуть. Передъ нимъ пророки Енохъ и Илія въ мѣховыя одежды; вдали лежатъ они-же, побѣжденные «Звѣремъ». Текстъ внизу очень обширный.

Анонимисъ Корема.

15. (Безъ №). Сочиненіе отчасти похоже на картинку *Лискат.*, а отчасти на картинку *Прок.* «Звѣрь» похожъ на «Звѣря» у *Лискатора*, безъ короны и ораря; онъ пожираетъ лежащихъ на землѣ пророковъ Еноха и Илію (у *Лиск.* онъ пожираетъ простыхъ людей); два человѣка бѣгутъ прочь, и двое другихъ, посреди картины, смотря на явленіе, въ облакахъ, пророковъ Еноха и Илія; но всѣ костюмы иные. Вдали разрушающійся городъ, тоже какъ у *Лиск.*, но архитектурныя формы тутъ иные. Съ другой стороны, въ фонѣ является Іоаннъ Богословъ, извѣряющій храмъ жезломъ, какъ у *Прок.*, но его фигура, поза и архитектура вокругъ — иные. Текстъ иной въ сравненіи съ *Прок.*

Анонимисъ Пискатора.

17. Композиція представляетъ лишь отдаленное сходство съ картинкой *Корема*: группы людей совершенно иные. Костюмы и архитектура — также.

16. «И узрятъ отъ людей иколыбъ». «Звѣрь» пожираетъ распростертыхъ на землѣ пророковъ Еноха и Илію, какъ въ предыдущей картинкѣ *Корема*, но рисунокъ и всѣ формы совершенно иные. Дѣйствіе происходитъ на большой площади съ богатой архитектурой въ стилѣ *гососо*; толпы мужчинъ и женщинъ пляшутъ, другіе угощаются у накрытыхъ столовъ. Изъ нѣсколькихъ трубъ надъ домами идетъ дымъ. На право, два человѣка въ чалмахъ и короткомъ платьѣ встрѣчаются, съ кубками въ рукахъ.

— Все нѣтъ.

— Все нѣтъ.

Апокалипсисъ Пророка.

Апокалипсисъ Корена.

Апокалипсисъ Писателя.

17. «И по трехъ днехъ и полдня, духъ животный... Пророки Енохъ и Илія на облакахъ, стоятъ на колѣнахъ передъ небеснымъ сіяніемъ, а внизу по землѣ бѣгутъ два чело-вѣка прочь, какъ у Кор. въ № 15, и у Писк. въ № 17; все остальное — новое сочиненіе; на землѣ, на-передѣ, валяются части разрушившихся зданій.

— Все нѣтъ.

— Все нѣтъ.

18. «И седьмый ангелъ воструби». Въ лѣвомъ верхнемъ углу Саваоу, благословляющій, позади престола; посреди картины, вверху, на облакѣ, трубящій ангелъ. На расположенный внизу городъ нисходитъ «трусъ и градъ великъ».

— Все нѣтъ.

— Все нѣтъ.

19. «И знаменіе веліе явися на небесахъ». Композиція довольно схожая съ композиціей у Писк., но и съ значительными различіями: «Жена» окружена двойнымъ сіяніемъ изъ языковъ пламени, и позади ея спины — крылья. Группа четырехъ ангеловъ, направо вверху на облакѣ, иначе расположена. Головы «Змѣя» расположены въ три ряда: 4 головы въ заднемъ ряду, 2 впереди, седьмая наклонилась впередъ. «Жена» стоитъ ногами на мѣсяцѣ, какъ у Писателя. Роговъ на «Змѣѣ» не 10, какъ по тексту слѣдуетъ, а 12. Подъ «Змѣемъ» — круглая земля.

19. (Безъ №). Композиція, болѣе походящая на такую же у Писк.: вокругъ «Жены» одно сіяніе, а не два, и крыльевъ у нея за спиною нѣтъ. Но ангеловъ на облакахъ не четыре (какъ у Писк. и Прок.), а три, и всѣ три съ мечами; съ копьемъ нѣтъ ни одного. Шесть головъ «Змѣя» всѣ врьдѣ, одна седьмая наклонилась впередъ. «Жена» не стоитъ на мѣсяцѣ, а онъ расположенъ ниже ея ногъ. Подъ «Змѣемъ» земля не круглая. Замѣчательно, что всѣ три ангела держатъ мечъ въ лѣвой рукѣ, какъ въ № 18. Текстъ тоже-ственный съ текстомъ Прок., кромѣ грамматическихъ формъ.

18. Композиція похожа частью на такую же у Прок., частью на ту, что у Кор., но въ некоторыя подробности совершенно особенныя. Къ числу послѣднихъ относится остріе, въ видѣ клюва, на концѣ носа на двухъ головахъ «Змѣя». Подъ «Змѣемъ» не обозначена форма земли.

- Апокалипсисъ Проконія.**
20. «И видѣхъ звѣря нисходящаго изъ моря». Композиція, схожая съ таковою-же у *Лиск.*, но группа людей и ихъ костюмы совершенно иные.
21. «И видѣхъ и се агнецъ стояше на горѣ». Сочиненіе, не имѣющее никакого сходства съ такимъ-же у *Лиск.* и *Кореня*. «Агнецъ», очень значительныхъ (по картинкѣ) размѣровъ, стоитъ по срединѣ, вверху; надъ нимъ сіяніе изъ языковъ пламени въ два ряда; подъ нимъ площадка треугольной формы, ее окружаютъ безчисленныя толпы народа. Кругомъ Іоанна Богослова, распро-стертаго на землѣ и готовящагося писать, долина съ зеленью, безъ всякихъ построекъ.
22. «И видѣхъ ина ангела парящаго посре-дѣ небесе». Композиція имѣетъ значительное сходство съ такою-же въ правой сторонѣ № 20 у *Лиск.* Но фигура Іоанна Богослова совершенно иная, фигуры трехъ летящихъ ангеловъ расположены въ иномъ порядкѣ; позади Іоанна — горы и т. д.
23. «И видѣхъ и се облакъ свѣтелъ». Композиція, очень близкая къ такой же у *Лиск.*,
- Апокалипсисъ Кореня.**
20. Композиція, схожая съ такою-же у *Прок.* и *Лиск.*, группа же людей и костюмы иные, чѣмъ у того и у другаго. Но у *Кор.* скалы свѣшиваются къ морю вѣтви дерева, что есть и у *Лиск.*, и нѣтъ у *Прок.* Текстъ тождественный съ текстомъ у *Прок.*, кромѣ мелкихъ грамматическихъ разницъ.
- 21—22. Два эти №№ стоятъ на одной и той-же картинкѣ, имѣющей много сходства съ композиціей у *Лискат.*, но есть также и различія. А именно: у *Кор.* агнецъ представленъ въ профиль и со знаменемъ, кругомъ него два сіянія; у *Лиск.* агнецъ въ ракурсѣ безъ знамени и безъ сіяній; у *Кор.*, поклоняющіеся агнцу — все старцы; группы старцевъ съ арфами, на облакахъ, и летящіе три ангела — совершенно иные, чѣмъ у *Лискат.* Текстъ тождественный съ текстомъ у *Прок.*, но съ небольшими измѣненіями, какъ напр.: «А може аще идетъ» — у *Проконія*, «а може идетъ» — у *Кор.* У послѣдняго напечатаны вмѣстѣ тексты, одинакіе съ текстомъ обѣихъ картинокъ *Прок.*, №№ 21 и 22.
- Все нѣтъ.
- Апокалипсисъ Пискагора.**
19. Композиція, схожая съ таковою-же у *Прок.* и *Кореня*, но группа людей и ихъ костюмы совершенно отличны и отъ того, и отъ другаго.
20. Композиція, сходная съ картинкой №№ 21—22 у *Кор.*, и отчасти съ № 22 у *Прок.* Но много и различій.
21. Композиція, очень сходная съ такою же у *Прок.*, но съ нѣкоторыми отличіями: ле-

Апокалипсисъ Проконія.

только сіяніе около Саваоа иной совершенно формы и ангелы иконописные (какъ, впрочемъ и вездѣ); ангелъ вдаль, у винограда, держитъ серпъ правою рукою (у *Писк.* лѣвою), у его ногъ нѣтъ ничего на землѣ.

Апокалипсисъ Кореня.

Апокалипсисъ Писватора.

тящій наверху ангелъ дотрогивается рукою до серпа въ рукѣ у Саваоа; у ногъ ангела, приближающагося къ винограднику, вдаль стоитъ корзина—чего нѣтъ въ картинкѣ у *Прок.*

— Все нѣтъ.

23. (Безъ №). «Оружіе сѣдшаго на коня». Композиція этой картинки имѣетъ значительное сходство съ композиціей двухъ картинъ *Пискачъ*, №№ 25 и 26, составленныхъ вмѣстѣ, но со многими отличіями; наприм.: у *Кореня* кони всадниковъ въ сбруѣ, а у всадниковъ копья со значками; костюмы всѣ иконописные; ангелы съ вѣнцами около головы; ноги «Змія» человѣческія, тогда какъ у *Пискачъ* звѣриныя, и т. д.

25. 26. Двѣ картинки, по сочиненію значительно схожія съ картинкой *Кореня*.

— Шаръ земной, на которомъ сверху сидитъ дьяволъ, съ рогами и крыльями, расширивъ ноги. Онъ на длинныхъ цѣпяхъ держитъ человѣческую фигуру, изображающую семь смертныхъ грѣховъ. Въ лѣвомъ верхнемъ углу имя Іеговы, написанное еврейскими буквами, въ сіяніи изъ пламенныхъ языковъ. Внизу текстъ въ два столбца, на лѣво 5 строкъ, на право 4. Подпись: «Проконій діаконъ». Подъ картинкой награвированъ, въ два столбца, текстъ: «Да прійдетъ знебесныхъ палацовъ отъ отца свѣтлостна зе внутр

— Все нѣтъ.

— Все нѣтъ.

Апокалипсисъ Прокопія.

Апокалипсисъ Кореня.

Апокалипсисъ Пискагора.

от души і зверху отъ ласки. а не отъ прирожен царствъ: Справедливости покою и веселя духа сті твоє: Негог свѣта от блудно го и не того тѣла смертельного, не бѣса который нас опшукивает. але твоє Вдѣчное без утрапенія, спокойное беззамешаня, безпечное без утраты» ¹⁾.

Крайне подробное сравненіе трехъ обширныхъ изданій: «Библии Или» и двухъ «Апокалипсисовъ», Прокопія и Кореня, съ «Библией» Пискагора, было необходимо: только такое сравненіе даетъ возможность установить точное происхожденіе и истинное значеніе этихъ важныхъ памятниковъ русской иллюстраціи и гравированія XVII вѣка. Главный результатъ, полученный при этомъ, состоитъ въ томъ, что композиціи во всѣхъ трехъ изданіяхъ — происхожденія не русскаго, а иностраннаго. Эти композиціи представляютъ, во многихъ случаяхъ, близкое сходство съ композиціями, находящимися въ «Библии» Пискагора, но никакъ нельзя сказать, чтобъ онѣ были прямо и непосредственно скопированы съ Пискагора. Оказывается много такихъ композицій, которыя находятся въ русскихъ изданіяхъ, но которыхъ вовсе нѣтъ у Пискагора, а между тѣмъ нельзя предположить, чтобы мы судили по какимъ-нибудь неполнымъ изданіямъ Пискагора, такъ какъ находившіяся у меня въ рукахъ изданія 1650 и 1674 года буквально тождественны, листъ въ листъ, и притомъ нигдѣ не прерывающаяся нумерація, награвированная на листахъ у Пискагора, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ передъ глазами экземпляры полные, безъ маѣй-

¹⁾ По всей вѣроятности, эта картинка, находящаяся въ концѣ экземпляра Императорской публичной бібліотеки, вовсе не принадлежитъ къ «Апокалипсису», а прилепена къ настоящей тетради только какъ произведеніе того самаго *Прокопія*, который исполнилъ предыдущія 23 картинки. По крайней мѣрѣ, ни содержаніе, ни текстъ этой картинки не заимствованы изъ «Апокалипсиса». Точно также, я считаю вовсе не принадлежащею къ «Апокалипсису», а прилепленною случайно къ нему, ту картинку, работы *Прокопія* же, которая находится въ концѣ экземпляра г. Ровинскаго (т. III, стр. 277). Ни содержаніе, ни текстъ ея вовсе не имѣютъ ничего общаго съ «Апокалипсисомъ». Языкъ текста, какъ и въ предыдущей картинкѣ, вовсе не церковно-славянскій, а белорусскій.

шихъ пробѣловъ. Въ «Библіи» Иліи мы насчитываемъ около 40 картинокъ, которыхъ вовсе нѣтъ въ «Библіи» Пискатора. Въ «Апокалипсисѣ» Прокопія количество такихъ совершенно особенныхъ, въ сравненіи съ Пискаторомъ, картинокъ меньше, но все-таки ихъ есть нѣсколько, и очень характерныхъ. Въ «Апокалипсисѣ» Кореня нѣтъ такихъ картинокъ, которыхъ вовсе не было бы у Пискатора, но при извѣстномъ сходствѣ композицій, отличія до того существенны, что придаютъ совершенно самостоятельный характеръ этимъ композиціямъ. Между тѣмъ, тѣ картинки, которыя являются сверхъ комплекта въ нашихъ изданіяхъ, не могутъ быть сочтены новыми композиціями, сдѣланными Ильей и Прокопіемъ, и лишь прибавленными къ картинкамъ Пискатора: въ нихъ мы не находимъ ни самостоятельнаго сочиненія, ни самостоятельныхъ подробностей; онѣ составляютъ буквальное продолженіе остальныхъ композицій, тѣсно связанныхъ съ ними по стилю и по всѣмъ подробностямъ. Вслѣдствіе всего этого необходимо признать, что наши три изданія копированы не непосредственно съ Пискатора, а съ другихъ неизвѣстныхъ намъ до сихъ поръ изданій, однородныхъ съ Пискаторовымъ. Это послѣднее можетъ намъ служить лишь полезнымъ сравненіемъ и наведеніемъ, впредь до открытія настоящихъ коренныхъ оригиналовъ, служившихъ образцами для нашихъ копій или передѣлокъ.

«Библія» Пискатора есть изданіе голландское. Много ли есть вѣроятія, чтобы голландская книга могла попасть въ Кіевъ въ срединѣ или даже въ концѣ XVII вѣка? Никакія историческія данныя не дѣлаютъ это вѣроятнымъ. Такой фактъ очень возможенъ для Москвы, и притомъ со времени путешествій Петра I и выросшей вдругъ у него страсти ко всему голландскому. Но никакія подобныя вліянія не дѣйствовали во второй, а тѣмъ болѣе въ первой половинѣ XVII вѣка въ Кіевѣ, у тамошнихъ монаховъ и священниковъ, состоявшихъ подъ совершенно иными вліяніями. Уже a-priori гораздо вѣроятнѣе предположить, въ эту эпоху, въ Кіевѣ—вліянія нѣмецкія, и еще болѣе польскія. Кіевскіе рисовальщики и граверы частью происходили изъ Галиціи, частью же постоянно были въ ближайшей связи съ Галиціей, и всего скорѣе, поэтому, должны были имѣть передъ глазами изданія польскія (краковскія и нынѣ). Вспомнимъ, притомъ, что на заглавіи «Библіи» Пискатора стоятъ слѣдующія слова: «Opus praestantissimorum hujus ac superioris seculi pictorum atque sculptorum; summo studio conquisitum et in lucem editum per Nicolaum Iohannis Piscatorem». Зна-

читать, композиціи этой «Библии» не могутъ почитаться прямымъ созданіемъ тѣхъ голландскихъ рисовальщиковъ, имена которыхъ стоятъ на каждой страницѣ: нѣтъ, тутъ у насъ на лицо сочиненія не ихъ однихъ, но также живописцевъ и рисовальщиковъ «предыдущаго», то - есть XVI, вѣка. По всей вѣроятности, тутъ надо разумѣть не однихъ Голландцевъ XVI вѣка, но и художниковъ другихъ національностей, всего болѣе Нѣмцевъ, которыхъ школа и созданія были такъ знамениты, такъ широко распространены и такъ вліятельны въ XVI вѣкѣ. Пискаторъ (то-есть, латинизированный Фишеръ) является, со своими голландскими рисовальщиками и граверами, лишь компиляторомъ, популяризаторомъ композицій, уже и раньше того знаменитыхъ, распространенныхъ и любимыхъ. Что мудренаго въ сходствахъ его изданій съ изданіями такихъ-то и такихъ-то нашихъ кievскихъ монаховъ, когда они могли черпать изъ тѣхъ же источниковъ, какъ и художники Пискатора, или по крайней мѣрѣ, изъ изданій такихъ нѣмецкихъ и польскихъ художниковъ, которые наравнѣ съ Голландцами Пискатора черпали изъ этихъ первоначальныхъ источниковъ.

«Первоначальными» источниками я безусловно считаю, въ настоящемъ случаѣ, источники — нѣмецкіе. Всѣ главные, самые характерные мотивы, напримѣръ «Апокалипсиса», я встрѣчаю уже въ иллюстрированныхъ нѣмецкихъ «Новыхъ Завѣтахъ» начала XVI вѣка, задававшихъ потомъ тонъ изданіямъ и польскимъ, и чешскимъ, и голландскимъ, и т. д. Такъ напримѣръ, такіе наиважнѣйшіе и оригинальнѣйшіе мотивы какъ Саваоѳъ, стоящій въ ряду семи свѣтильниковъ, держащій въ поднятой рукѣ семь звѣздъ и испускающій изъ устъ мечъ, или «Четыре всадника» или «Прузи», поднявшіеся въ столбѣ дыма, или Ангелъ, у котораго «лицо яко солнце и нозѣ яко столпи огненніи» — всѣ эти мотивы существуютъ, вполне выдѣланные и ставшіе какъ бы твердымъ канонемъ, уже въ знаменитой Виттенбергской Библии 1522 г., но, кромѣ того, во множествѣ другихъ библий, послѣдовавшихъ за нею. Очень вѣроятно, что они находились, въ болѣе первобытномъ видѣ, и въ изданіяхъ, предшествовавшихъ ей.

Но, кромѣ этихъ общихъ соображеній, есть еще и частныя доводы въ пользу того, что рисунки указанныхъ выше изданій копированы не съ голландскихъ, а съ нѣмецкихъ, или, еще скорѣе, съ польскихъ образцовъ. Многія изъ крупнѣйшихъ особенностей, мною отмѣченныхъ при подробномъ сравненіи, и не находящихся у Пискатора, оказываются именно въ изданіяхъ нѣмецкихъ и поль-

скихъ. Таковы, напримѣръ, въ «Апокалипсисѣ», въ картинкѣ: «Четыре всадника» (№ 3 у Прокопія и Кореня) — коса въ рукахъ у Смерти; въ картинкѣ: «Пророки Енохъ и Илія передъ Звѣремъ»

Рис. № 17.

(№ 15 у Прокопія) — изображеніе Звѣря четвероногимъ чудовищемъ, съ крокодиловою пастью, трехвѣнцовою тиарою на головѣ и съ длиннымъ ораремъ на шеѣ (нашъ рис. № 17)¹⁾; въ картинкѣ: «Жена» и предъ нею Змій (№ 19 у Прокопія и Кореня) — изображеніе «Жены» съ крыльями за спиной, и т. д. — это все такія части и подробности, которыхъ нѣтъ у Пискатора, но которыя мы находимъ въ нѣмецкихъ и польскихъ «Апокалипсисахъ», даже на цѣлое столѣтіе предшествовавшихъ Пискатору, напр., въ Франкфуртской Библии 1565 года (гдѣ всѣ картинки — работы знаменитаго Виргилія Солиса, но не самостоятельны, а воспроизводятъ нѣмецкіе ориги-

¹⁾ «Звѣрь» въ папской тиарѣ и съ ораремъ на шеѣ (нашъ № 17) можетъ, кажется, несомнѣнно считаться сатирой Лютеранъ на Папу; въ Краковской Библии 1561 года эта самая фигура (нашъ № 18) имѣетъ уже верхушку тиары сѣзанною, конечно, для того, чтобъ тиара на головѣ чудовища, скопированная изъ лютеранской библии, казалась Католикамъ не папскою тиарою, а простымъ вѣнцомъ.

налы, гораздо болѣе стары), въ Краковской Библии 1561 года (впервые напечатанной польской библии) и т. д. Безъ сомнѣнія, будь у насъ теперь подъ руками собраніе иллюстрированныхъ польскихъ

Рис. № 18.

библій начала и середины XVII вѣка, сходства съ ними нашихъ изданій и отличія этихъ послѣднихъ отъ Пискачковой Библии были бы еще явственнѣе и несомнѣннѣе. Такую работу сличенія долженъ произвести знатокъ гравюры въ Краковѣ или Львовѣ. Обратимъ притомъ же вниманіе на то, что во всякомъ случаѣ было гораздо болѣе вѣроятности въ томъ, чтобы граверы на деревѣ (каковы были Илія, Прокопій, Василій Корень) копировали съ гравюръ, дѣланныхъ тоже на деревѣ, каковы гравюры въ нѣмецкихъ и польскихъ Библіяхъ и Апокалипсисахъ, сильно распространенныхъ въ XVI и XVII вѣкахъ на нашей западной окраинѣ, чѣмъ съ голландскихъ гравюръ, у насъ неизвѣстныхъ до конца XVII и начала XVIII вѣка, да вдобавокъ рѣзанныхъ на мѣди, представлявшихъ совершенно иную технику и совершенно особенныя трудности для воспроизведенія.

Если же, сверхъ того, обратить вниманіе на одну даже только хронологическую сторону дѣла, то какая представляется намъ необходимость притягивать къ сравненію Библию Пискачкова, коль скоро она появилась въ свѣтъ въ 1650 году, а у насъ въ Кіевѣ уже за цѣлыхъ 25 лѣтъ до того появились, въ религиозныхъ книгахъ разнаго наименованія, гравюры на деревѣ съ явными доказательствами сильнаго нѣмецкаго или польскаго вліянія въ иллюстрируемыхъ ими сюжетахъ? Просматривая такія изданія, какъ «Бесѣды Іоанна

Златоустаго», изданныя въ Кіевѣ въ 1624 году, или «Тріодъ», изданную тамъ же въ 1631 году, большой «Апостолъ», изданный во Львовѣ въ 1639 году, вездѣ находишь, среди коренныхъ изображеній иконописнаго стила и склада, множество подробностей иноземныхъ, всего болѣе въ костюмѣ и архитектурѣ. Такъ напримѣръ, въ «Бесѣдахъ», въ картинкѣ «Побіеніе св. Стефана» на стр. 169, Савль представленъ въ нѣмецкомъ или польскомъ духовномъ костюмѣ, въ длинной рясѣ, съ плоскимъ беретомъ на головѣ; въ «Тріоди» не разъ можно встрѣтить зданіе въ готическомъ стилѣ, женщинъ и мужчинъ съ совершенно нѣмецко-польскою внѣшностью, мужчинъ въ неизвѣстныхъ у насъ шляпахъ, кафтанахъ и башмакахъ, женщинъ въ растопыренныхъ юбкахъ съ фрезами, вѣерами, прическами рококо, широкими висящими рукавами и т. д. (см. въ особенности «Исторію Іосифа» въ 4-хъ отдѣленіяхъ). Замѣтимъ при этомъ, что именно въ этой «Тріоди» впервые появляются всѣ тѣ картинки «Новаго Завѣта», которыя были потомъ много разъ повторены во множествѣ кіевскихъ позднѣйшихъ изданій и отпечатаны отдѣльными листками, значить были сильно распространены, а теперь составляютъ одно цѣлое съ «Библіей Іліи» въ трехъ единственныхъ, уцѣлѣвшихъ до сихъ поръ экземплярахъ. Эти раннія кіевскія изданія, первой половины XVII вѣка, со своимъ во многихъ отношеніяхъ сильно высказывавшимся нѣмецко-польскимъ обликомъ, прямо указываютъ намъ, гдѣ надо искать первообразовъ позднихъ изданій нашего XVII вѣка, помимо Библіи Пискатора, намъ въ то время еще совершенно чуждой.

Вторымъ вопросомъ, послѣ вопроса о происхожденіи, является вопросъ о томъ, какъ наши художники XVII вѣка, кіевскіе и московскіе, пользовались иностраннымъ своимъ матеріаломъ? Воспроизводили они его буквально или нѣтъ? Это такой вопросъ, на который съ точностью нельзя еще отвѣчать въ настоящее время. У насъ, для сравненія, подъ руками, покуда только «Библія Пискатора», открытая г. Ровинскимъ. Это, какъ я уже указывалъ выше, матеріалъ очень важный, за который намъ нельзя не быть благодарными г. Ровинскому, но далеко еще не удовлетворительный и не окончательный, далеко не непосредственный оригиналъ нашихъ кіевскихъ и московскихъ воспроизведеній. Разницы между голландскою Библіей и нашими копіями и подражаніями — очень много; но мы не смѣемъ считать ихъ произвольными отступленіями и перемѣнами нашихъ рисовальщиковъ и граверовъ (каковы Ілья, Прокопій, Корень и другіе, извѣстные большею частью только по

монограммъ), коль скоро легко можетъ оказаться, что эти измѣненія и разницы уже существовали въ тѣхъ нѣмецко-польскихъ оригиналахъ, которыхъ мы пока не знаемъ, но которые, навѣрное, существовали, и которые требуется еще открыть. Еслибы мы должны были вѣрить тому, что Пискагорова «Библия» дѣйствительно служила образцомъ для нашихъ копистовъ, мы должны были бы признать, что наши художники относились къ своему оригиналу очень свободно, и не боялись дѣлать, въ своихъ воспроизведеніяхъ, очень значительныя измѣненія, по личному усмотрѣнію и вкусу. Никакъ нельзя было бы сказать при этомъ, вмѣстѣ съ г. Ровинскимъ, что наши рисовальщики и граверы измѣняли то, что было имъ въ оригиналѣ слишкомъ трудно, не подъ силу: нѣтъ, изъ приведеннаго выше подробнаго сличенія видно, что многія «измѣненія» у нашихъ художниковъ гораздо сложнѣе, многодѣльнѣе, затруднителнѣе для выполненія, чѣмъ тѣ картинки, которыя находятся въ «Библии» у Пискагора. Нерѣдко въ данной картинкѣ Іліи, Прокопія или Кореня гораздо болѣе орнаментовъ, пейзажа, человѣческихъ личностей, вообще всяческихъ подробностей, чѣмъ у Пискагора; нерѣдко два сюжета, заключенные у Пискагора въ *одной* картинкѣ, являются у Іліи или Прокопія разложенными на *два*, которыя, значить, требуютъ болѣе подробностей, обстановки, деталей, всяческой вообще работы сочиненія, нарисованія и гравированія. Какое же во всемъ тутъ облегченіе? Напротивъ, здѣсь только прибавляется трудности, хлопотъ и труда. Съ другой стороны, еслибы сличать наши изданія прямо съ Пискагоровою «Библией», надо было бы сказать, что иные наши художники XVII вѣка, даромъ что были монахи или іереи, любили прибавлять въ своихъ картинкахъ подробности сладострастнаго свойства; такъ, въ иныхъ картинкахъ Іліи, въ его «Библии», какъ, напримѣръ, въ сценѣ Лота съ дочерьми, или въ изображеніи Ревекки съ другими женщинами у колодца, есть нѣкоторыя подробности особенной симпатіи къ женской плоти, которыя выражены тутъ гораздо рѣзче, чѣмъ въ «Библии» Пискагора. Но мы не смѣемъ прямо приписывать такія особенности вкусу самихъ нашихъ художниковъ, коль скоро точно эти самыя подробности, быть можетъ, уже существовали въ тѣхъ образцахъ, съ которыхъ рисовали и гравировали наши художники.

Одно только мнѣ кажется несомнѣннымъ уже и теперь: это—то, что иконописный стиль играетъ въ нашихъ картинкахъ Московской школы гораздо болѣшую роль, чѣмъ въ картинкахъ Кіевской

школы. Западное вліяніе и стиль рококо XVII вѣка въ сто разъ чувствительнѣе въ кіевскихъ гравюрахъ, чѣмъ въ московскихъ. Конечно, мы и въ кіевскихъ не рѣдко встрѣчаемъ ангеловъ, пророковъ, святыхъ и т. д. въ костюмахъ иконописнаго пошиба, и лица изъ народа — въ костюмѣ специально-русскомъ, какъ это писалось и на нашихъ образахъ; такъ, напримѣръ, въ «Библии» Іліи, ангель, являющійся Валааму, не заключаетъ въ себѣ ничего въ стилѣ рококо (подобно большинству другихъ картинокъ) — онъ въ костюмѣ чисто иконописнаго стиля; въ картинкѣ «Валаамъ благословляетъ народъ» костюмъ царя чисто иконописный; въ «Бесѣдахъ» 1624 г. толпа народа (римлянъ или иныхъ народностей) почти всегда выражена посредствомъ людей, одѣтыхъ въ русскій костюмъ: въ кафтаныхъ, однорядкахъ и фезахъ, съ аграмантами и петлицами, въ русскихъ шапкахъ, сапогахъ и проч. (напримѣръ, картинки къ тексту: «Въ Рымъ пріиходомъ...» и «Казнь о утаеніи пѣнязей»). Но иконописный стиль и русскія подробности костюма еще сильнѣе чувствуются въ «Библии» и «Апокалипсисѣ» Кореня, въ «Притчѣ о богатомъ и убогомъ Лазарѣ», въ «Притчѣ о дѣвицѣ, умершей въ блудномъ грѣхѣ безъ покаянія», въ «Трапезѣ благочестивыхъ и нечестивыхъ», въ «Исторіи Іосифа», въ «Избіеніи младенцевъ» (Атласъ г. Ровинскаго, №№ 686, 701, 757, 829, 851). Здѣсь и костюмъ, и архитектура, вообще всѣ подробности обстановки на каждомъ шагу либо иконописныя, либо вполне народныя, русскія. Иностранная композиція остается лишь первоначальною канвою, масса подробностей иконописныхъ или народныхъ со всѣхъ сторонъ закрываетъ эту канву какъ бы своими характерными вышивками, и придаетъ ей колоритъ очень далекій отъ иностраннаго.

И такой характерный обликъ сохраняется у произведеній Московской школы не только въ XVII столѣтіи, но также почти и во все продолженіе XVIII столѣтія.

Теперь будетъ умѣстно представить соображенія касательно характера, отличительной фізіономіи и особенностей нашихъ народныхъ картинокъ изъ школъ Московской и Кіевской, въ теченіе XVII и частью XVIII вѣка, какъ эти качества выразились въ главныхъ ихъ произведеніяхъ — гравюрахъ на деревѣ. Гравюра на металлѣ, въ теченіе этого періода, далеко не имѣла, въ этихъ двухъ школахъ, того же характернаго и своеобразнаго значенія, какъ о томъ будетъ говорено ниже.

Благодаря Атласу г. Ровинскаго и указаніямъ, разсѣяннѣмъ въ текстѣ его сочиненія, мы можемъ возстановить теперь очень

полный списокъ всѣхъ важнѣйшихъ гравированныхъ на деревѣ народныхъ картинокъ Московской школы отдѣльными листами. Первую и главную роль играютъ здѣсь тѣ полторы дюжины картинокъ, которыя академикъ Штелинь купилъ въ 1766 году въ Москвѣ, подъ Спасскими воротами, и которыя изъ его собранія перешли къ Погодину, а отъ него въ Императорскую публичную библиотечку. Это все композиціи очень важныя и интересныя, и большинство этихъ картинокъ *раскрашено*.

Онѣ были слѣдующія:

- 1) Баба-Яга съ крокодиломъ (Атласъ, томъ I, № 37).
- 2) Пирушка (I, № 96).
- 3) Знай себя, указывай въ своемъ домѣ (I, № 97).
- 4) Блишница (I, № 120).
- 5) Двѣ молодки на одного молодца (I, № 134).
- 6) Мыши кота погребаютъ (I, № 167).
- 7) Тарасъ плѣшивый (I, № 187).
- 8) Ерема, Оома и Парамошка (I, № 188).
- 9) Савоська и Парамошка (I, № 192).
- 10) Мелузина (I, № 250).
- 11) Побойще Александра Македонскаго (томъ II, № 294).
- 12) Притча о Лазарѣ (томъ III, № 686).
- 13) Притча о дѣвицѣ, умершей въ блудномъ грѣхѣ безъ покаянія (III, № 701).
- 14) Трапеза благочестивыхъ и нечестивыхъ (III, № 757).
- 15) Исторія Іосифа (III, № 829).

Вслѣдъ за этими картинками идутъ тѣ, которыя, въ отличныхъ, но *не раскрашенныхъ* и, такъ сказать, не полныхъ, экземплярахъ, были изготовлены нарочно по заказу статсъ-секретаря Екатерины II Олсуфьева, а теперь принадлежатъ князю Бѣлосельскому.

- 1) Бой Ильи Муромца съ Соловьемъ-Разбойникомъ (томъ I, № 2).
- 2) Соловей-Разбойникъ (I, № 5).
- 3) Богатырь Алѣша-Поповичъ (I, № 7).
- 4) Богатырь Усыня-Горынычъ (I, № 8).
- 5) Буслай Буслаевичъ (I, № 9).
- 6) Ерусланъ Лазаревичъ (I, № 14).
- 7) Бова-Королевичъ и королева Дружневна (I, №№ 19—26).
- 8) Король Гвидонъ (I, № 27).
- 9) Царь Салтанъ Салтанычъ (I, №№ 28—29).

- 10) Баба-Яга съ крокодиломъ (I, № 38).
- 11) Баба-Яга пляшетъ со старикомъ (I, № 39).
- 12) Богатырь Усыня Горынычъ (I, № 49).
- 13) Рыцарь Евдонъ и прекрасная Береа (I, №№ 50—53).
- 14) Рыцарь Ипполитъ (I, № 54).
- 15) Музыка (I, № 100).
- 16) Пляска (I, № 101).
- 17) Плясунъ и скоморохъ (I, № 102).
- 18) Разговоръ Фарноса и Пигасыи съ цѣловальникомъ Ермакомъ (I, № 112).
- 19) О пьяницѣ, пропившемся на кружалѣ (I, № 115).
- 20) Отдай мнѣ ведра (I, № 123).
- 21) Угощеніе яблоками (I, № 125).
- 22) Любовное предложеніе (I, № 127).
- 23) Любовная компанія (I, № 128).
- 24) Стáрикъ на колѣняхъ у молодой (I, № 131).
- 25) Мужикъ лапти плететь (I, № 148).
- 26) Баба нитки прядеть (I, № 149).
- 27) Рожденіе тятеньки (I, № 157).
- 28) Мыши kota погребаютъ (I, №№ 166 и 168).
- 29) Котъ (I, № 172 и 172 а).
- 30) Медвѣдь съ козю проклажаются (I, № 177).
- 31) Тарасъ плѣшивый (I, № 187).
- 32) Ерема, Оома и Парамошка (I, №№ 188 и 189).
- 33) Мужикъ Пашка и братъ его Ермошка (I, № 190).
- 34) Савоська и Парамошка (I, № 191).
- 35) Борцы (I, №№ 199 и 201).
- 36) Драка (I, № 202).
- 37) Воръ на яблонѣ (I, № 203).
- 38) Воръ пришелъ на дворъ (I, № 204).
- 39) Ералашъ (I, № 208).
- 40) Точильщикъ носовъ (I, № 212).
- 41) Баня (I, № 214).
- 42) Старый Нѣмецъ на колѣняхъ у молодой Нѣмки (I, №№ 217 и 218).
- 43) Нѣмка верхомъ на старикѣ (I, № 220).
- 44) Раскольникъ и цирюльникъ (I, № 227).
- 45) Щипли самъ себя за носъ (I, №№ 248 и 249).
- 46) Царь Александръ Македонскій (томъ II, № 295).
- 47) Поръ царъ Индѣйскій (II, № 296).

Наконецъ въ Императорской публичной библиотекѣ находятся:

- 1) Двѣнадцать заповѣдей (томъ III, № 762).
- 2) Избіеніе младенцевъ (III, № 851).

Въ собраніи В. И. Яковлева:

- 1) Храбрый витязь Французъ (т. I, № 54 а).
- 2) Походъ Колеандра (т. I, № 54 Б).
- 3) Фарность (I, №№ 209 А и Б).
- 4) Охота за зайцами (I, 283).
- 5) Слонъ (II, 356 а).

Въ собраніи Д. А. Ровинскаго:

- 1) Антиминсъ 1670 года (III, № 939).
- 2) Притча о Лазарѣ (IV, № 686 А).

Одинъ уже этотъ списокъ рисуетъ, въ значительной степени, фязіономію Московской школы. Такого разносоставнаго списка нельзя было бы составить изъ произведеній Кіевской школы.

Гравюры на деревѣ Московской школы представляютъ такое богатство и разнообразіе содержанія, какого не представляетъ Кіевская школа: эта послѣдняя вообще очень однообразна и бѣдна по своимъ задачамъ, какъ всякая школа, почти исключительно привязанная къ сюжетамъ строго-религіознымъ, и притомъ очень часто иконописнымъ, и это составляетъ первое и существеннѣйшее отличіе народныхъ картинокъ Московской школы отъ такихъ же Кіевской. Второе отличіе состоитъ въ томъ, что всѣ народныя картинки Московской школы имѣютъ очень значительный форматъ, какого никогда не достигали народныя картинки Кіевской школы. Московскія картинки доходили иногда до форматомъ даже громадныхъ, какъ, напримѣръ, «Побойще Александра Македонскаго» (Атласъ, т. II, № 294). Ничего подобнаго никогда не бывало въ картинкахъ Кіевской школы: картинки этой послѣдней, гравированныя на деревѣ, всѣ малаго, иногда очень малаго формата, между тѣмъ какъ малый форматъ вовсе неизвѣстенъ въ картинкахъ школы Московской.

Московская школа на столько же разнообразнѣе Кіевской въ своихъ техническихъ приемахъ, на сколько разнообразнѣе и въ сюжетахъ своихъ. Рисунокъ ея картинокъ несравненно смѣлѣе и свободнѣе, не взирая на всю грубость; рисунокъ кіевскихъ картинокъ монотоненъ, формаленъ и крайне однообразенъ, принадлежитъ цѣлой школѣ, а не отдѣльному художнику, не свидѣтельствуеетъ о фантазіи и воображеніи. Собственной инициативы у кіевскихъ художниковъ почти вовсе нѣтъ: они копируютъ съ образ-

цовъ либо иконописныхъ, или же иностранныхъ. Все новое, собственное, является какъ бы запретнымъ плодомъ въ Кіевской школѣ. Въ Московской школѣ, напротивъ, самое широкое раздолье формъ новыхъ, собственныхъ, своеобразныхъ. Такія произведенія, какъ «Баба-Яга», «Мыши кота погребаютъ», «Тарасъ плѣшивый», «Блинщица», «Пьяница на кружалѣ» и т. д., совершенно немислимы въ Кіевской школѣ.

Московская школа, не взирая на богатство и разнообразіе сюжетовъ, во многихъ случаяхъ заимствованныхъ съ иностранныхъ образцовъ, отличается замѣчательнымъ единствомъ фізіономіи и пріемовъ. Тѣ самыя формы лица, склада тѣла, которыя мы видимъ въ изображеніяхъ духовнаго содержанія, встрѣчаются также и въ картинкахъ свѣтскаго содержанія, въ изображеніяхъ сказочныхъ, богатырскихъ, историческихъ или балагурныхъ. Глаза, носъ, голова, волосы, нарисованные и награвированные московскими художниками, всегда легко отличить отъ такихъ же, нарисованныхъ и награвированныхъ художниками другихъ нашихъ школъ. И это продолжается отъ середины и конца XVII столѣтія сквозь все XVIII столѣтіе. Подробное изученіе народныхъ картинокъ Московской школы, гравированныхъ на деревѣ, показало, что большинство сохранившихся до нашего времени картинокъ этихъ принадлежитъ, относительно времени появленія своего на свѣтъ, второй половинѣ XVIII вѣка: всего болѣе утверждаютъ въ этомъ не только сюжетъ, составъ и расположеніе картинки, текстъ при ней, но и форма буквъ, и знаки въ бумагѣ. Этотъ послѣдній признакъ — одинъ изъ самыхъ важныхъ и достовѣрныхъ, и мнѣ удалось, еще въ 1858 году, на основаніи бумажныхъ знаковъ, доказать, что оттиски гравюръ «Баба-Яга» и «Мыши кота погребаютъ» (экземпляры, принадлежащіе Императорской публичной библіотекѣ) относятся ко второй половинѣ XVIII вѣка, и именно къ царствованію Екатерины II (Отчетъ о второмъ присужденіи наградъ графа Уварова, 1858, стр. 61—62). Точно также, разнымъ періодамъ этого же вѣка навѣрное принадлежатъ, по отпечатанію, и всѣ прочія значительнѣйшія картинки Штелиновскія, или принадлежація къ одной категоріи со Штелиновскими. Но по сочиненію, рисунку и производству гравюры, всѣ эти картинки вполне тождественны съ нашими народными картинками XVII столѣтія. Возьмите, напримѣръ, одного изъ ангеловъ или Адама въ «Библии» Кореня, и сравните ихъ съ Ильей Муромцемъ, Соловьемъ-Разбойникомъ, Ерусланомъ, Гвидономъ, Евдономъ, Бовой-Королевичемъ, кавалеромъ въ «Блин-

щицѣ» и въ картинкѣ «Угощеніе яблоками», съ конными и пѣшими «гренадерами», съ мужиками Ермошками, Папками и Парамошками, и т. д. и т. д., въ картинкахъ Штелиновской и Олсуфьевской коллекцій, вы вездѣ найдете одинъ и тотъ же обликъ лица, одну и ту же форму головы, глазъ, рта, волосъ, однѣ и тѣ же руки и ноги, весь корпусъ. Точно также, возьмите Евву съ любой картинки Кореня и сравните ее съ королевами Дружневной, Магиленой, Берою, блинщицей, Нѣмкой, осѣдлавшею старика, и т. д., и т. д., въ тѣхъ же картинкахъ Штелиновской и Олсуфьевской коллекцій—и вы во всѣхъ подробностяхъ лица, головы, глазъ, рта, волосъ, тѣла, рукъ, ногъ и т. д. найдете полное тожество. Разница только въ костюмѣ. Точно также, толпа народа, гдѣ она встрѣчается въ «Библии» и въ «Апокалипсисѣ» Кореня, имѣетъ всегда черты ближайшаго сходства съ толпой народа, какъ она изображается въ лубочныхъ картинкахъ, отпечатанныхъ въ XVIII вѣкѣ; см., напримѣръ, народъ въ «Притчѣ о Лазарѣ», въ «Исторіи Іосифа», побѣжденные подъ ногами коней и богатырей: Бовы-Королевича, Салтана Салтановича (Атласъ, томъ I, №№ 19, 20, 28, 29 а) и т. д. Перехода къ подробностямъ внѣшней обстановки, мы находимъ, что и архитектура совершенно тожественна въ лубочныхъ картинкахъ XVII и XVIII вѣка: стоить сравнить зданія въ листахъ №№ 15, 20, 26, 28 «Библии» Кореня съ подобными же зданіями въ фонѣ «Мыши кота погребаютъ» (№№ 166, 167, 168), въ фонѣ картинки «Щипли самъ себя за носъ» (№ 248), въ фонѣ «Гренадеровъ» (№ 275), въ фонѣ богатырей: Бовы-Королевича (№№ 21 и 22), Гвидона (№ 27), Петра Златые-Ключи и королевы Магилены (№№ 31, 32). Растительность, часто наполняющая фоны нашихъ московскихъ лубочныхъ картинокъ, также представляетъ замѣчательные образцы тожественности въ произведеніяхъ XVII и XVIII вѣковъ. Такъ, напримѣръ, характерная трава, съ остроконечными загнутыми листочками; цвѣты, одни чашечками, другіе пирамидками изъ шариковъ, которые выходятъ на высокому стеблѣ изъ середины остроконечныхъ листьевъ, сильно напоминая собою стиль персидскій, одни чашечками, другіе шариками, сложенными въ видѣ маленькихъ пирамидъ; большія деревья, похожія на листь, поставленный стоймя на толстомъ стеблѣ,—все это точь въ точь въ томъ же самомъ видѣ и формахъ встрѣчается на всѣхъ характернѣйшихъ изображеніяхъ богатырскихъ, юмористическихъ, религіозныхъ и бытовыхъ, выпущенныхъ въ свѣтъ, въ теченіе XVIII в., изъ московскихъ гравировальныхъ мастерскихъ.

Такого единства и такой послѣдовательности въ типахъ нельзя было бы указать въ произведеніяхъ Кіевской школы. Даже въ тѣхъ изъ числа ихъ, которыя кажутся на первый взглядъ вполне иконописными, единство типовъ и формъ далеко не сохраняется, и можно сказать, сколько было рисовальщиковъ и граверовъ, столько было манеръ изображенія. Но это было не разнообразіе самобытныхъ и богатыхъ дарованіями личностей, а одно лишь разнообразіе неумѣлости и неопытности. Сколь мало было интереса, у кіевскихъ мастеровъ, въ самыхъ композиціяхъ, въ большинствѣ случаевъ скопированныхъ съ иконописныхъ или нѣмецко-польскихъ образцовъ, столько же мало было интереса и въ тѣхъ формахъ, посредствомъ которыхъ они выражали эти не интересныя композиціи. Тутъ являлись постоянно, и въ лицахъ, и въ костюмѣ, и въ архитектурѣ, и въ пейзажной обстановкѣ, либо неподвижныя, застылыя формы византійскія, позднѣйшаго, разслабленнаго и безцвѣтнаго стиля, или же формы рококо, безвкусныя, искривленныя и малохудожественныя. Какъ ни грубъ и топоренъ московскій стиль, все въ немъ больше интереса, характерности и самобытности.

Въ двухъ мѣстахъ своей книги г. Ровинскій говоритъ про сходство русскихъ лубочныхъ картинокъ съ нѣмецкими народными картинками. Одинъ разъ у него сказано: «Такъ какъ картинки Ганса Сакса по замыслу и способу изданія имѣютъ большое сходство съ нашими народными картинками, то... и т. д. (т. IV, стр. 198); другой разъ: «По формату и стилю, русскія народныя картинки, рѣзанныя на деревѣ, ближе всего подходятъ къ стариннымъ нѣмецкимъ картинкамъ, изданія Ганса Сакса и др.» (т. V, стр. 22). Съ первымъ положеніемъ можно, мнѣ кажется, скорѣе согласиться, чѣмъ со вторымъ, особливо если имѣть въ виду по преимуществу картинки Московской школы. Со старыми нѣмецкими картинками (изъ которыхъ многими украшены стихотворенія Ганса Сакса) наши старѣйшія московскія картинки имѣютъ сходство, во первыхъ, по замыслу, то-есть, по цѣли общей, первоначальной: служить для наставленія или забавы народа, въ чемъ, впрочемъ, наши картинки сходятся и со многими другими народными картинками прежняго времени, напримѣръ, французскими, англійскими, италіанскими и т. д.; во вторыхъ, «по способу изданія», то-есть, по тому, что онѣ были гравированы на деревѣ, разносились по городамъ, селамъ и деревнямъ, и принадлежали къ домашнему обиходу низшихъ классовъ, наклеенныя на стѣны, двери, сундуки и т. д., что опять-таки было въ общемъ употребленіи у всей старой Европы, не одной

только Германіи или Россіи. Но я не могу согласиться со вторымъ положеніемъ, именно, что «по формату и стилю» наши лубочныя картинки ближе всего подходятъ къ старымъ нѣмецкимъ, времени Ганса Сакса, то-есть второй половины XVI вѣка. Старыя нѣмецкія народныя картинки отличаются, въ большинствѣ случаевъ, замѣчательною художественностью сочиненія и столько же замѣчательнымъ мастерствомъ выполненія (натурально въ предѣлахъ царствовавшаго тогда стиля), такъ какъ всѣ онѣ почти сплошь рисованы и гравированы истинными мастерами, играющими извѣстную роль въ исторіи искусства. Про наши картинки ничего подобнаго нельзя сказать. Между ними нѣтъ такихъ, которыя заключали бы нѣчто замѣчательное въ отношеніи художественности композиціи, рисунка или гравировальной техники. Онѣ сочинены и исполнены людьми, не имѣвшими художественнаго таланта и не получившими художественнаго образованія (исключеніе, въ послѣднемъ отношеніи, составляютъ художники, работавшіе по заказу правительства). Все ихъ достоинство и значеніе заключается въ мысли и чувствѣ, диктовавшемъ ихъ. Поэтому-то не можетъ быть никакого сравненія между ними и картинками нѣмецкими вообще, особливо же тѣми, которыя послужили въ Германіи для иллюстрированія стихотвореній Ганса Сакса. Притомъ, нельзя не видѣть того, что, независимо отъ талантливости сочиненія и выполненія, въ нѣмецкихъ картинкахъ присутствуетъ складъ *общевропейскій*, тогда какъ въ нашихъ (всего болѣе, конечно, въ картинкахъ Московской школы) сильно сказывается элементъ свой, русскій, придающій столь особенную физиономію нашимъ картинкамъ, даже при заимствованномъ иногда изъ Европы сюжетѣ, что съ перваго же взгляда нельзя ихъ смѣшивать съ нѣмецкими. Другая черта, совершенно иная у насъ, въ сравненіи съ этими послѣдними, это — народный юморъ, присутствующій въ нашихъ лубочныхъ картинкахъ. Онъ совершенно націоналенъ и своеобразенъ и не имѣетъ ничего общаго съ юморомъ нѣмецкимъ, такъ какъ вытекаетъ изъ совершенно иныхъ основъ народнаго духа, и притомъ изъ иныхъ историческихъ обстоятельствъ и событий. Это вопросъ такой важный, что можетъ и долженъ послужить темою для отдѣльнаго изслѣдованія будущихъ нашихъ историковъ національнаго искусства.

Народныя картинки, гравированныя на мѣди, какъ Московской, такъ и Кіевской школы, занимаютъ въ Атласѣ и въ текстѣ г. Ровинскаго огромное мѣсто, но не представляютъ такого глубокаго интереса, какъ картинки, гравированныя на деревѣ. Онѣ далеко

не такъ національны и не такъ характерны. Можно рѣшительно сказать, что настоящія наши лубочныя картинки — это картинки, рѣзанныя на деревѣ. Картинки, рѣзанныя на мѣди, занимаютъ мѣсто второстепенное. Уже и съ самаго начала своего, въ XVII вѣкѣ, онѣ далеко во всемъ уступали тѣмъ первымъ, и по духу, и по разнообразію, и по силѣ содержанія, и по народному характеру, и по важности сюжетовъ, и даже по неряшливости работы; въ теченіе же XVIII вѣка онѣ все только падали ниже и ниже, становились все только безцвѣтнѣе и безцвѣтнѣе, а главное, все болѣе и болѣе наполнялись элементами чуждыми, европейскими, все болѣе и болѣе нисходили на степень производства фабричнаго, *цуртоваго*, очень далеко отъ того производства *единоличнаго*, грубаго, но характернаго, которое проявляется въ гравюрахъ на деревѣ.

Самую важную роль, между гравюрами на мѣди, играютъ тѣ, которыя служатъ позднѣйшими копіями съ первоначальныхъ гравюръ на деревѣ. Тутъ, при всемъ упадкѣ техники, при всемъ модернизированіи, при всемъ пропусканіи однихъ мотивовъ, смѣлыхъ и шершавыхъ, уже казавшихся болѣе позднему времени непозволительными, при всемъ вставленіи мотивовъ новыхъ, болѣе «скромныхъ» и «цензурныхъ», старая канва все-таки сильно просвѣчиваетъ и даетъ себя знать. Мы въ этомъ легко убѣждаемся, при сличеніи болѣе новыхъ переводовъ съ переводами болѣе старинными. Каждый, можно сказать, десятокъ лѣтъ приносилъ новыя ограниченія, урѣзки, затушеванія и скрадыванія — въ общемъ задушеніе первоначальнаго склада, мысли и чувства. Такія картинки, какъ, напримѣръ, «Мыши кота погребаютъ» (Атласъ, №№ 166—170) или «Страшный судъ» (Атласъ, №№ 1006—1013), много потеряли и сильно обѣднѣли въ позднихъ переводахъ, когда мы станемъ сравнивать ихъ со старинными; но не будь теперь на лицо этихъ старинныхъ, мы могли бы быть довольны и поздними, такъ много въ нихъ все-таки сохранилось прежняго облика и прежней сущности. Но именно есть теперь у насъ не мало такихъ картинокъ, отъ которыхъ уцѣлѣли одни поздніе переводы, въ плохихъ гравюрахъ на мѣди, а прежніе прототипы исчезли безвозвратно. Понятно, какую важную дѣйность получаютъ тутъ худыя позднія копія. Все дѣло состоитъ теперь, значитъ, въ томъ, чтобъ умѣть различить тѣ гравюры, которыя могутъ дать значительные результаты и могутъ способствовать къ возстановленію прежнихъ коренныхъ оригиналовъ съ ихъ содержаніемъ, сюжетомъ, формами и текстомъ. Къ такимъ позднимъ, но важнымъ картинкамъ, я отношу, напримѣръ,

«Повѣсть о Ершѣ Ершовичѣ», «Шемакинъ судъ», «Дмитрія Ростовскаго о брадахъ», «Быкъ не захотѣлъ быкомъ быть», «Антихриста» (№ 1016) и многія другія картинки, происходящія отъ раскольниковъ. До сихъ поръ эти картинки скрыты въ общей безразличной массѣ плохихъ лубочныхъ изданій, на первый взглядъ не заключающихъ никакой важности, и ничуть не проявляютъ истиннаго своего значенія и характера.

Другой важный разрядъ нашихъ лубочныхъ картинокъ на металлѣ — это работы старинныхъ *граверовъ-серебряниковъ* конца XVII вѣка. Какъ въ предыдущемъ разрядѣ господствовали картинки историческаго, сатирическаго и забавнаго содержанія, такъ въ настоящемъ разрядѣ господствуютъ картинки духовнаго содержанія. Въ этихъ произведеніяхъ лежитъ корень и основа всѣхъ послѣдующихъ произведеній этой категоріи. Г. Ровинскій былъ, поэтому, вполне правъ, когда обратилъ особенное вниманіе на собраніе и изученіе этихъ первоначальныхъ русскихъ гравюръ на мѣди. Онѣ всѣ описаны у него въ текстѣ, но всѣ исключены изъ Атласа, такъ какъ г. Ровинскій предполагаетъ издать ихъ въ особомъ атласѣ. Намѣреніе вполне справедливое и заслуживающее всякой похвалы. Но до появленія такого атласа, или вообще воспроизведенія нашихъ гравюръ на мѣди XVII вѣка и перваго начала XVIII вѣка, не слѣдуетъ, по моему мнѣнію, приниматься за разсмотрѣніе характера и сущности всего контингента нашихъ лубочныхъ картинокъ, гравированныхъ на мѣди. Типы, формы представленія, формы производства, все это получить тогда надлежащее свое объясненіе и прочную исходную точку. Тогда и «Притча о блудномъ сынѣ», изданная въ 1685 г., явится въ настоящей исторической своей обстановкѣ, въ настоящемъ своемъ свѣтѣ, какъ соединеніе элементовъ русскихъ, внесенныхъ русскими граверами-серебряниками, и элементовъ иностранныхъ, идущихъ отъ тѣхъ голландскихъ граверовъ, у которыхъ нѣкоторые изъ граверовъ-серебряниковъ были въ концѣ XVII вѣка въ ученіи. Тогда можно будетъ съ достаточною основательностью разсмотрѣть и вопросъ о нашихъ сказкахъ, печатанныхъ тетрадочками съ мѣдныхъ досокъ: этотъ послѣдній вопросъ до сихъ поръ еще вполне теменъ и ни одна его подробность, ни одна частность формъ, группировки, костюмовъ, архитектуры, экипажей, утвари, пейзажа, ботаники въ фонахъ, еще не затронута и не изслѣдована.

Замѣтимъ, притомъ же, что въ связи со всѣмъ этимъ стоитъ еще и важный вопросъ объ орнаментикѣ. Въ одномъ мѣстѣ своего

текста г. Ровинскій говоритъ: «Со времени Аванасія Трухменскаго (искуснѣйшаго изъ всѣхъ граверовъ-серебряниковъ второй половины XVII вѣка) появляются у насъ, кажется мнѣ, украшенія и рамки, составленныя изъ цвѣтовъ (въ горшкахъ), птицъ и животныхъ, напоминающія обои и шкафныя доски, до нынѣ существующія въ Дамаскѣ и другихъ мало-азіатскихъ городахъ» (т. IV, стр. 513). Показаніе это чрезвычайно важное, и, если оно фактически будетъ доказано, можетъ повести къ очень значительнымъ соображеніямъ и выводамъ о турецкомъ вліяніи на русское искусство въ XVII вѣкѣ. Но для этого надо имѣть весь матеріалъ подъ руками.

III.

Петербургская школа.

Лубочныя картинки Петербургской школы рѣзко отличаются отъ картинокъ школъ Московской и Кіевской. Впервыхъ, онѣ всѣ уже гравированы на металлѣ, оставивъ совершенно въ сторонѣ коренной народный матеріалъ для производства лубочныхъ картинъ — дерево, а вовторыхъ, онѣ совершенно утрачиваютъ связь съ древне-русскимъ до-Петровскимъ искусствомъ, и принадлежатъ вполне новому періоду, духу и направленію русской цивилизаціи. Ни прежняго юмора, ни смѣлой инициативы, наблюдательности, подъема чувства и мысли, сатиры, какими отличались народныя картинки Московской школы — въ картинкахъ Петербургской школы не оказалось, такъ какъ она чаще всего, еще со временъ Петра I, имѣла назначеніемъ официальную, служебную иллюстрацію, по приказу начальства, и рѣдко сама собой предпринимала что-либо, кромѣ развѣ исполнѣ рыночныхъ, торговыхъ изданій, не имѣющихъ никакого историческаго и культурнаго характера. Притомъ же низкое достоинство исполненія, все большая и большая неряшливость и неумѣлость производства, оставившая далеко за собою неряшливость и неумѣлость первыхъ петербургскихъ граверовъ, Зубовыхъ и ихъ товарищей, заставляетъ придавать еще меньшее значеніе произведеніямъ этой школы.

О нихъ, быть можетъ, не стоило бы вообще много распространяться, какъ о произведеніяхъ слишкомъ незначущихъ и безцвѣтныхъ, еслибы въ нынѣшнемъ столѣтіи не появились, въ числѣ произведеній этой школы, народныя картинки на Наполеона и на

войну 1812 года. «Ни одно событіе», говоритъ г. Ровинскій, «не было такъ роскошно иллюстрировано въ народной галереѣ нашей. Около 200 картинокъ представляютъ намъ, такъ сказать, лицевыя вѣдомости всего того, что происходило въ это достопамятное время, день за днемъ: геройскіе подвиги русскихъ Курціевъ и Сцеволь, Наполеоновы неудачи и бѣгство, и конечное истребленіе его арміи» (томъ V, стр. 277). Г. Ровинскій, самъ собравшій, цѣною долговѣтныхъ поисковъ, одну изъ наиболеѣйшихъ въ Россіи коллекцій этихъ картинокъ, положилъ много труда на изученіе и описаніе ихъ, а Атласъ его заключаетъ наибольшую часть всѣхъ интереснѣйшихъ и значительнѣйшихъ картинокъ этого собранія. Картинки эти очень неравнаго достоинства: однѣ дѣланы очень даровитыми и остроумными художниками, каковы были Теребеневъ и Ивановъ, получившими правильное художественное образование, рисующими и гравирующими очень не дурно, но все-таки не утрачившими оттого способности выражать остро, мѣтко и наглядно мысли и чувства, отвѣчающія народному настроенію извѣстной исторической минуты; другія сочинены людьми, вполне не отесанными въ художественномъ отношеніи и столь же грубо рисовавшими и плоско сочинявшими, какъ и грубо и плоско думавшими. Многія изъ этихъ картинокъ представляютъ такое безсердечное науськиванье народа къ свирѣпости и жестокости, которое не можетъ быть оправдано никакимъ непріятельскимъ нашествіемъ, но къ чести нашихъ художниковъ этого времени надо отнести однакоже и то, что инныя ихъ картинки (впрочемъ немногія) представляли тогдашней публикѣ и образцы чего-то болѣе возвышеннаго и человѣчнаго. Такова картинка И. Иванова: «Хлѣбосоольство отличительная черта въ характерѣ народа Русскаго. Великодушныя войны графа Витгенштейна отдають свою порцію голоднымъ плѣнникамъ французскимъ» (Ровинскій, т. II, стр. 194).

Въ IV-мъ томѣ своего сочиненія, г. Ровинскій говоритъ, что «Каррикуры Теребенева вполне художественны и оригинальны, и только въ немногихъ изъ нихъ проглядываетъ нѣкоторое подражаніе французскимъ каррикурамъ конца XVIII вѣка. Такъ наприм. «Входъ въ Парижъ» (№ 391) напоминаетъ «Convoi du très haut et très puissant seigneur des abus. 4 mai 1789» (Jaime, Musée de la caricature, vol. I, pl. 34 G); «Плѣнные казаки» (№ 409), «Поставка искалѣченныхъ рекрутовъ» (№ 404), «Воздушная экспедиція» (№ 458) и «Пусканіе мыльныхъ пузырей» (№ 401) имѣють сходство съ революціонными каррикурами, помѣщенными у

Жема подѣ №№ 46 G. I, 108 и 109 G, 145 G. II ». Такого сходства я вовсе не нахожу, даже въ самой отдаленной степени: сличая указанныя Теревеневскія гравюры съ французскими у Жема, я долженъ заявить, что и сочиненіе, и духъ, и расположеніе, и фигуры — все совершенно разное, хотя нельзя не благодарить г. Ровинскаго за указаніе на собраніе Жема. Но Д. Ф. Кобеко нашелъ многія дѣйствительныя сходства между русскими карриатурами 1812—1813 года и подобными же карриатурами, того-же времени, нѣмецкими, англійскими и французскими.

Вотъ что онъ сообщилъ мнѣ по этой части:

«№ 378. Угощеніе Наполеону въ Россіи. Мысль этой картинки заимствована съ нѣмецкой гравюры, на которой представлены: посрединѣ Наполеонъ, слѣва испанецъ, подающій ему рюмку водки, а справа казакъ, подающій кусокъ льда. Подписи: Spanier: Befehlen Sie Spanisch Bitter? Kosak: Befehlen Sie russisches Eis? Antwort: Nein, nein! das eine ist zu kalt, das andere macht mich zu heiss».

«№ 380. Русская баня. Положеніе фигуръ скопировано съ нѣмецкой картинки, гдѣ Наполеона брѣжетъ Вильгельмъ III, поддерживаетъ его за плечи Францъ I и растираетъ для него мыло Александръ. Подпись: Die neue Europaeische Barbierstube. Съ передѣлкою фигуръ политическій смыслъ этой карриатуры исчезъ».

«№№ 381—382. Попляши подѣ нашу дудку или Наполеонова пляска. Подобныя же французскія картинки: le tigre enchainé и le sabot cogr en pleine dérouté, гдѣ Наполеонъ въ кубарѣ, который подстегиваютъ нѣсколько лицъ».

«№ 399. Консилиумъ. Ср. нѣмецкую гравюру: Napoleon unter den Händen der Aerzte (bey Schlemmer in Nürnberg)».

«№ 401. Мыльные пузыри. Мотивъ, неоднократно встрѣчающійся на нѣмецкихъ картинкахъ, гдѣ впрочемъ Наполеонъ представленъ пускающимъ мыльные пузыри не передъ секретаремъ, а передъ своимъ сыномъ, что гораздо естественнѣе».

«№ 489. Русскій ратникъ домой возвращаясь для куріозу ребятишкамъ бирюлекъ принесъ. Ср. нѣмецкую гравюру: казакъ несетъ проткнутыхъ пикю шестерыхъ французовъ. Подпись: Ein Leipziger Lerchenspies von der Michaelismesse im Jahr 1813».

«№ 490. Русской мужикъ Вавила Морозъ на заячей охотѣ. Ср. нѣмецкую картинку, на которой казакъ гонитъ зайцовъ. Подпись на ней изъ трехъ четверостишій. Изображеніе Наполеона бѣгущаго изъ Москвы въ видѣ лисицы повторяется постоянно на англійскихъ карриатурахъ».

«№ 521. Профиль Наполеона скопированъ точь въ точь съ нѣмецкой картинки съ подписью: Triumph des Jahres 1813. Den Deutschen zum neuen Jahr 1814. London».

При всемъ томъ, конечно, ничуть не страдаютъ художественная репутація и самостоятельное творчество Теребенева и его товарищей: они столько сочинили въ это время своего и вполне оригинальнаго, что нѣсколько заимствованій отъ иностранцевъ (при этомъ въ значительно передѣланномъ и переименованномъ видѣ) ничего не измѣняютъ въ ихъ заслугахъ и достоинствахъ.

Во всякомъ же случаѣ, эта галерея картинъ (въ которой лишь не многія картинки гравированы и изданы въ Москвѣ, напримѣръ №№ 435 и 475) имѣетъ наивысшее значеніе историческое и представляетъ главнѣйшее проявленіе петербургскаго творчества по части лубочныхъ картинокъ. Это такая галерея, которая въ разныхъ отношеніяхъ заслуживаетъ изученія. Все почти остальное въ Петербургской школѣ слабо и ничтожно.

Считаю полезнымъ привести здѣсь нѣкоторые другіе результаты интересныхъ изслѣдованій Д. Ѳ. Кобеко насчетъ петербургскаго періода нашихъ лубочныхъ картинокъ.

«Въ былое время, говоритъ онъ, наши баре выписывали изъ за границы картинки, для разсылки ихъ въ свои вотчины. Такъ, въ 1762 году, канцлеръ М. Л. Воронцовъ просилъ прислать ему изъ Англіи «нѣсколько люменованныхъ купфертиховъ — проспектовъ Лондона и другихъ знатныхъ городовъ, такъ же и ландкартъ, объясняя, что оныя надобны для деревенскихъ дворовъ въ села Кисиру и Коньково»¹⁾. Съ тѣхъ поръ времена перемѣнились. Мы не только не выписываемъ гравюръ изъ заграницы, но не бережемъ и свои. Собираніе русскихъ гравюръ и лубочныхъ картинокъ становится почти невозможнымъ, да рѣдко кто ими и интересуется. Синодальный оберъ-прокуроръ Яковлевъ рассказываетъ въ своихъ запискахъ²⁾, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія онъ нашелъ на чердакѣ синода «мѣдныхъ гравированныхъ досокъ для тисненія разныхъ любопытныхъ эстамповъ, чаятельно накопившихся со времени Петра Великаго, всѣхъ 1716; велѣлъ изъ нихъ тиснуть по экземпляру и, составивъ нѣсколько портфелей, подносилъ государю, прося о разрѣшеніи, дабы, награвировавъ тѣ доски, позволено было печатать оными эстампы и продавать ихъ въ пользу

¹⁾ Арх. князя Воронцова, М. 1872, кн. V, стр. 109.

²⁾ Памятники новой русской исторіи. Изд. Кашпирева, Спб. 1873, т. III, стр. 90.

казны, что составило бы по примѣрной смѣтѣ до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ рублей; но сіе осталось до днесь безъ дѣйствія.

«Сохранились ли эти доски до нынѣ — болѣе чѣмъ сомнительно».

Кромѣ гравюръ, въ XVIII в. въ Петербургскомъ обществѣ обращались запретныя карикатурныя рисунки, изъ которыхъ нныя сильно преслѣдовались. Екатерина II не любила вообще сатирическихъ картинокъ.

«Упомяная однажды о явившейся въ Голландіи карикатурѣ, она выразилась такъ: «On a fait en Hollande une médaille (sic) où l'Imp. Reine (Марія Терезія) et l'Imp. de Russie sont ensemble dans un carrosse, le R. de Prusse sur le siège du cocher; on leur demande où elles vont et elles répondent: où il plait au cocher de nous mener. J'ai trouvé cela très drôle; il n'y manque que la vérité ou la musique d'un opéra comique français: la première pour que cela fût piquant, ou la seconde pour que ce fût une platitude complète ¹⁾».

«Около же 1785 года случилось въ Петербургѣ, какъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ Л. Н. Энгельгардтъ, слѣдующее происшествіе. Фрейлина Эльмптъ, г-жа Дивова, братъ ея флигель-адъютантъ князя Потемкина графъ Бутурлинъ, и нѣкоторые другіе сдѣлали на многихъ знатныхъ людей сатиру въ рисункахъ, съ острыми язвительными и оскорбительными надписями для многихъ лицъ, въ которой не пощажена была и сама Императрица. Долго не находили сочинителей сего пасквиля, а въ удовлетвореніе болѣе потерпѣвшихъ безславію оный сожженъ былъ на эшафотѣ палачемъ. Но по нѣкоторомъ времени парикмахеръ, убирая фрейлину Эльмптъ и имѣя надобность въ бумагахъ на папильоты, взглянулъ въ уголокъ и, видя разорванные лоскутки бумаги, хотѣлъ оныя употребить, но, взявши ихъ, увидѣлъ рисунки лицъ, подобралъ всѣ и представилъ оберъ-гофмаршалу, который узнавъ ту сатиру, написанную рукою фрейлины Эльмптъ, донесъ Императрицѣ, почему и открылись всѣ авторы. Фрейлину Эльмптъ, какъ говорили, оберъ-гофмейстерина высѣкла розгами и отправлена она была къ ея отцу въ Лифляндію;

¹⁾ Письмо къ Гримму, марта 1778 г., Сборникъ И. Р. И. О., Спб. 1876, т. XXIII, стр. 84. Замѣтимъ кстати, что на одной медали, выбитой въ память Кучукъ-Кайнарджійскаго мира съ Турціею, вырѣзанъ сатирической рисунокъ: графъ Румянцовъ, въ видѣ врача, открываетъ кровь султану, сидящему на коврѣ; два турка поддерживаютъ сзади султана, а третій, стоя передъ нимъ на козѣнахъ, держитъ въ рукѣ бумагу съ надписью *lamenté*. См. Собраніе рус. медалей, изд. Археограф. Коммиссіею. № 177.

Дивова съ мужемъ удалена изъ столицы; графъ Бутурлинъ отставленъ съ запрещеніемъ вѣзжать въ мѣстопребываніе государыни. Всѣхъ острѣе изображенъ былъ Безбородко, недавно пожалованный графомъ: онъ держалъ книгу съ надписью: *Le comte pouceau relié en veau* ¹⁾».

«Къ 1791 году относится политическая карикатура, нарисованная извѣстнымъ граверомъ Скородумовымъ—на случай бывшаго критическаго положенія въ Европѣ ²⁾».

«Въ 1797 году, по увольненіи Н. П. Архарова отъ должности генералъ-губернатора въ Москвѣ, на счетъ его ходилъ эстампъ на коемъ онъ изображенъ лежащимъ въ гробу, держа въ правой рукѣ клочекъ сѣна и поднося его ко рту съ слѣдующими словами: «о сѣно, сѣно, ты меня съѣло», а полиціймейстеръ Чулковъ стоящимъ подлѣ гроба и взирающимъ подгорюнившись ³⁾»

«Въ своихъ воспоминаніяхъ о царствованіи Императора Павла Н. А. Саблуковъ рассказываетъ слѣдующее: «Насупротивъ оконъ офицерской караульной комнаты въ Гатчинѣ росъ весьма старый дубъ. Дерево это было покрыто странными наростами, изъ которыхъ выростали немногія вѣточки. Одинъ изъ этихъ наростовъ до того былъ похожъ на Павла, съ его косичкою, что я не могъ удержаться отъ того, чтобы его не срисовать. По возвращеніи моемъ въ казармы, мой рисунокъ такъ всѣмъ понравился, что всякій пожелалъ имѣть съ него копіи и, въ день слѣдующаго парада я былъ осажденъ просьбами объ этомъ рисунокѣ со стороны офицеровъ гвардіи. Воспроизводить его было легко и я роздалъ не менѣе 30 или 40 копій. При томъ соглядатайствѣ, которому подвергались всѣ наши дѣйствія со стороны гатчинскихъ офицеровъ, включенныхъ въ наши полки, нѣтъ сомнѣнія, что Императору тотчасъ было донесено о моемъ рисунокѣ и объ его распространеніи. Въ слѣдующій разъ, когда я былъ въ караулѣ, я забавлялся тѣмъ, что срисовывалъ два прекрасныхъ бюста, стоявшихъ передъ зеркаломъ въ караульной комнатѣ. Я окончилъ рисунокъ съ

¹⁾ Записки Л. Н. Энгельгардта, М. 1868, стр. 58; Masson, *Mémoires secrets, sur la Russie*, Paris 1802, т. III, стр. 441; рескриптъ Императрицы Екатерины Петербургскому губернатору Коновницыну, апрѣля 1797 г., Рус. Арх. 1877 г., № 11, стр. 333.

²⁾ Статья П. А. Ефремова въ Памятникахъ нов. рус. исторіи Кашпирева, Спб. 1873, т. III, стр. 396.

³⁾ Письмо И. И. Страхова графу Воронцову, августа 1797 г. Арх. князя Воронцова, М. 1879., кв. XIV, стр. 487.

Генриха IV, и былъ очень занятъ срисовываніемъ Сюлли, когда самъ Императоръ, незамѣченный мною, вошелъ въ комнату, сталъ за мною и, хлопнувъ меня слегка по плечу, спросилъ: «что вы дѣлаете? — Рисую, Государь», отвѣтилъ я. — «Дайте взглянуть. Прекрасно! Генрихъ IV очень похожъ, дайте взглянуть на Сюлли. И этотъ будетъ похожъ, когда будетъ конченъ. Я вижу, что вы можете сдѣлать хорошій портретъ. Дѣлали вы когданибудь мой? — Много разъ, Ваше Величество». Затѣмъ онъ разразился хохотомъ, взглянулъ на себя въ зеркало и сказалъ: «Хорошъ для портрета!» снова дружески хлопнулъ меня по плечу и вернулся въ свой кабинетъ, смѣясь отъ души. Конечно нельзя было поступить снисходительнѣе съ шутивнымъ юношей, который нарисовалъ его карикатуру, но въ которомъ онъ не имѣлъ повода предполагать какого-либо дурнаго намѣренія¹⁾».

Все это, безъ сомнѣнія, событія изъ жизни придворной и аристократической. «Народнаго» тутъ ничего нѣтъ.

IV.

Не взирая на всѣ капитальныя достоинства, сочиненіе г. Ровинскаго не свободно также и отъ недостатковъ. Главныя между ними слѣдующіе:

1) Систематизаціи имѣющагося на лицо матеріала нѣсколько слаба. Сочиненіе дѣлится на три главныя части: въ первомъ томѣ собраны лубочныя картинки, содержація «сказки и забавныя листы», во второмъ — «листы историческіе, календари и буквари», въ третьемъ — «притчи и духовныя листы». Въ общемъ, такое распределеніе можно признать правильнымъ и цѣлесообразнымъ, потому что дѣйствительно народныя картинки съ юмористическимъ и забавнымъ содержаніемъ занимаютъ у насъ, среди лубочныхъ картинокъ, самое главное мѣсто и представляютъ наиболѣе интереса и національной характерности; дѣйствительно, картинки съ историческимъ содержаніемъ занимаютъ второе мѣсто по важности и національному характеру, и картинки съ духовнымъ содержаніемъ, не смотря на громадную свою массу, представляютъ наименѣе (въ сравненіи съ двумя предыдущими категоріями) самобытности, національнаго интереса и значенія — за исключеніемъ, впрочемъ, раскольничьихъ. Но заглавія, приданныя этимъ тремъ главнымъ подраздѣленіямъ, не могутъ быть, мнѣ кажется, сочтены вполне

¹⁾ Записки Саблукова, Рус. Арх. 1869 г., № 11, стр. 1918.

удачными. Въ I-мъ томѣ подъ именемъ «забавныхъ листовъ» сгруппировано, вмѣстѣ съ дѣйствительно забавными, множество такихъ, которые не заключаютъ ровню ничего «забавнаго» и которые очень «серьезны». Я уже не говорю о серіи «Гренадеровъ» начала XVIII вѣка (№№ 269 — 279), о картинкахъ «Русское и турецкое войско» и «Два всадника въ восточномъ костюмѣ» (№№ 280—281), «Постройка житницы» (№ 285), «Исторія Малекъ-Аделя» (№№ 288—291), «Линдоръ и Клара» (№ 292), которыя всѣ попали въ I-й томъ совершенно случайно, быть можетъ, по недостатку мѣста въ другомъ отдѣлѣ, или въ послѣднія минуты отпечатанія тома; но, кромѣ этого, въ I-мъ томѣ много картинокъ, которыя не суть ни «сказки», ни «забавные листы», а простыя иллюстраціи, назначенныя вообще для удовлетворенія любопытства, любознательности, интереса читателя, или же для «наученія» его. Такъ, напримѣръ, картинки «О мастеровомъ, продавшемся бѣсу», «О пьяницѣ, пропившемся на кружалѣ», «Любовь крѣпка яко смерть» (№№ 114, 115, 116, 119), «Зачѣмъ мать сына худо учила» (№№ 75, 76), «Богомъ сочтанный союзъ» (№ 147), «Рачительное домоводство» (№ 150), «Доброе домосодержаніе» (№ 151), «Полезьа оспопрививанія» (№№ 241, 242), ничуть не «забавны»; онѣ очень серьезны, наставительны и читаютъ мораль точь въ точь, какъ множество нравоучительныхъ картинокъ, помѣщенныхъ въ III-мъ томѣ, въ разрядѣ картинокъ духовнаго содержанія. Точно также такія картинки, какъ, напримѣръ, «Счастливые любовники» — это ничто иное, какъ картинки въ нѣжно-идиллическомъ и амурномъ вкусѣ Бушэ или Ваттô, безъ самогѣйшаго намѣренія представить что-то комическое или потѣшное. Съ другой стороны, многія картинки размѣщены очень капризно и произвольно: однѣ поставлены въ отдѣлѣ «сказокъ», другія въ отдѣлѣ «басенъ», третьи въ отдѣлѣ «забавныхъ листовъ», тогда какъ по содержанію между ними нѣтъ никакой разницы, и имъ всѣмъ слѣдовало бы стоять вмѣстѣ. Такъ, напримѣръ, «Разсѣянная молочница» (№ 80) поставлена въ «сказкахъ»; но въ текстѣ ея нѣтъ ровню ничего сказочнаго въ смыслѣ волшебномъ или народно-этнографическомъ: это точно такая же нравоучительная, книжно-культурнаго происхожденія басня, какъ «Старикъ и смерть», или «Лисица и виноградъ», и такъ далѣе. «Разговоръ дворянина съ крестьяниномъ», «Женская разсѣянность», «Скажи о чемъ ты смѣялся», «Мужъ насѣдка», «Хитрый лакомка», «На всѣхъ не угодишь», «Ограбленный петиметръ» (№№ 72, 73, 74, 78, 79, 82, 84) — все это ничуть не сказки, а такія же картинки, какъ «Добрый моло-

децъ, купи съ меня чепецъ», «Глупая жена и кошка», «Мужъ жену бьетъ» (№№ 126, 154, 160) и такъ далѣе. Все это должно бы было быть иначе расположено, и получить другія частныя и общія заглавія. Въ III-мъ томѣ есть также свои нарушенія системы, особливо въ послѣднемъ отдѣлѣ: «Произведенія Артемьевской фабрики», которыя расположены совершенно случайно и безпорядочно.

2) Далекое не вездѣ указаны, при описаніяхъ, внѣшніе признаки картинокъ. Такъ, напримѣръ, нерѣдко вовсе ничего не сказано, какимъ способомъ выполнена данная гравюра: на деревѣ, или на мѣди; для примѣра укажу, во II-мъ томѣ, на цѣлый рядъ ихъ, почти сплошь, а именно №№: 300, «Изображенія четырехъ древнихъ царей»; 301, «Освобожденіе Бѣлграда»; 302, «Русскія сказанія»; 303, «Мамаево побоище» (одна изъ очень важныхъ лубочныхъ картинокъ); 305, «Описаніе Россійской имперіи 1794 года»; 307, «Анекдотъ Петра Великаго»; 316, «Прусской драгунъ» и «Россійской казакъ»; 324, «Великанъ Жили»; 325, «Объявленіе о прибытіи англійской компаніи комедіантовъ»; 326, «Англійскій мясникъ Берваръ», и такъ далѣе. При очень многихъ другихъ картинкахъ не указано время и мѣсто происхожденія ихъ (хотя бы приблизительно). Такъ наприм. въ III-мъ томѣ при №№: 715, «Предложеніе о немилосердномъ и богоотступномъ господинѣ въ Сербіи»; 720, «Видѣніе нѣкоего святаго»; 736, «Притча житія человѣческаго»; 741, «Маловременная красота міра сего»; 754, «Грѣшникъ и праведникъ»; 756, «Адамова голова»; 767, «Девять блаженствъ»; 777, «Изображеніе монашеской чистоты»; 781, «О завидливомъ»; 782, «Еще о завидливомъ»; 783, «Злая жена» — и такъ далѣе.

3) Не вездѣ вполне вѣрно переданъ текстъ подлинниковъ, что особенно чувствительно во многихъ сказкахъ, а также въ текстахъ изъ иллюстрированныхъ Библій, Апокалипсисовъ и т. д. Надо замѣтить, что, напротивъ, такіе тексты, какъ «Листъ Сошнаго письма», «Брюсовъ календаръ» и многіе другіе, столько же сложные, громадныя и затруднительныя по микроскопичности или неряшливости оригиналовъ, переданы въ текстѣ у г. Ровинскаго съ изумительною вѣрностью и аккуратностью, заслуживающими всяческой признательности. Здѣсь же я укажу на невѣрныя иногда обозначенія картинокъ въ Атласѣ: такъ, напримѣръ, картинка «Двѣ молодки на одного молодца» обозначена № 134, который соответствуетъ оригиналу, находящемуся въ Императорской публичной библиотекѣ, съ текстомъ внизу, тогда какъ въ Атласѣ напечатана копія съ оригинала Олсуфьевской коллекціи, гдѣ картинка награв-

вирована въ обратную сторону, съ текстомъ вверху и сокращеннымъ (№ 134 Б).

4) Нѣкоторыя утверждения автора не вѣрны, напримѣръ, что Петръ I будто былъ «обжорливъ» (т. IV, стр. 216, 259), тогда какъ онъ, сколько извѣстно по всѣмъ несомнѣннымъ документамъ, никогда этимъ не отличался: свидѣтельство Англичанъ объ огромномъ потребленіи съѣстныхъ припасовъ въ гостинницѣ въ Гodelmings (т. IV, стр. 216) вовсе не относится до самаго Петра I, а только до его свиты, и притомъ же не извѣстно еще, на сколько счета англійскаго трактирщика заслуживаютъ довѣрія; что Бенфей (знаменитый нѣмецкій ориенталистъ, родомъ Еврей) — англійскій ученый (т. V, алфавитный указатель, стр. 21); что «гусли — всесвѣтныи инструментъ» (т. IV, стр. 222), и т. д.; что будто-бы между русскими лубочными картинками нѣтъ каррикатуръ на жидовъ и поляковъ (т. V, стр. 276), тогда какъ самъ же г. Ровинскій приводитъ, въ своемъ сочиненіи, такихъ нѣсколько. А именно: «Жидъ Лейба» (т. I, стр. 454, № 226); «Жидъ обманываетъ вещами» (т. II, стр. 176, № 421); «Полякъ Панъ Трыкъ и Херсоня», «Польскій шляхтичь», «Шляхтичь», «Мать шляхтича» (т. I, стр. 451—453, №№ 222 — 225).

5) Не вполне вѣрны иныя цитаты изъ чужихъ сочиненій—это касается, въ особенности, цитаты изъ сочиненія Забѣлина: «Быть Русскихъ царей». Въ своемъ томѣ V, на стран. 17, г. Ровинскій говоритъ: «Въ 1676 году Библия (Пискагора) была куплена для Оружейной палаты у живописца Ивана Безмина за 5 рублей; въ Троицкой лаврѣ до сихъ поръ расписываются стѣны по экземпляру этой Библии, принадлежавшему патриарху Андріану. Употреблялись для копированія и другія лицевыя книги: въ 1679 году, напримѣръ, живописецъ Петръ Энгельсъ писалъ въ новыхъ хоромахъ царицы разныя притчи царей Давида и Соломона изъ Библии и изъ разныхъ книгъ славянскихъ и латинскихъ; живописецъ Самтановъ училъ по такой библии своихъ учениковъ (Забѣлинъ, Быть царей, 143)». Если бы эти подробности были всѣ документальны, мы получили бы тутъ неоспоримое доказательство прямого вліянія Библии Пискагора на Московскую школу конца XVII вѣка. Но этого-то вовсе и нѣтъ въ текстѣ г. Забѣлина. Онъ говоритъ совершенно иное, и только цитата г. Ровинскаго нѣсколько невѣрна. У г. Забѣлина въ указанномъ мѣстѣ сказано: «въ Оружейную палату куплена въ 1677 году у живописца Ивана Безмина, за 5 рублей, книга «Библия» писменная, въ лицахъ, на латинскомъ языкѣ, въ

переплетѣ, въ четь. Въ 1679 году Петръ Энгельсъ писалъ въ новыхъ хоромахъ царицы «розныя притчи» царя Давида, царя Соломона, а тѣ притчи изъ библии и изъ разныхъ книгъ словенскихъ и латинскихъ. Живописецъ Иванъ Салтановъ училъ даже своихъ учениковъ по печатной библии въ лицахъ, которая служила ему «для образца и ознаменки». Намъ случилось видѣть подобную лицевую нѣмецкую Библию, подписанную на имя патриарха Адріана, съ которой въ недавнее время писали стѣнопись въ одномъ изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ монастырей». И такъ, мы имѣемъ здѣсь нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ написано у г. Ровинскаго. Впервыхъ, у Безмина была куплена Библия, но какая — не сказано, а что это была не Библия Пискаatora, доказывается тѣмъ, что то была Библия «письменная», а не печатная, и еще тѣмъ, что она была форматомъ «въ четь» (четверть), тогда какъ Библия Пискаatora — въ очень большой листъ, продольный; про Библию въ лицахъ, бывшую въ рукахъ у живописца Салтанова, также вовсе не сказано, чтобы то была Библия Пискаatora; наконецъ, та библия, принадлежавшая когда-то патриарху Адріану, которую самъ г. Забѣлихъ видѣлъ въ рукахъ у иконописцевъ, расписывавшихъ стѣны монастыря, никакъ не можетъ быть Библией Пискаatora, такъ какъ то была Библия нѣмецкая, а Библия Пискаatora есть Библия голландская.

6) Въ текстѣ у г. Ровинскаго слишкомъ рѣдко есть указаніе на «знаки въ бумагѣ», а это одинъ изъ наиважнѣйшихъ признаковъ при опредѣленіи гравюръ неизвѣстныхъ относительно времени и мѣста происхожденія ихъ, а такихъ гравюръ между нашими лубочными картинками — слишкомъ много. Не скоро другой изслѣдователь будетъ имѣть случай просмотрѣть такую массу лубочныхъ картинокъ, какъ г. Ровинскій, и этимъ случаемъ слѣдовало воспользоваться во всей полнотѣ.

7) Самый крупный недостатокъ изданія г. Ровинскаго — раскраска большинства картинокъ въ Атласѣ. Конечно, нѣкоторыя изъ нихъ раскрашены почти вполне вѣрно, напримѣръ: «Библия» и «Апокалипсисъ» Кореня, «Мыши кота погребаютъ», «Славное побоище царя Александра Македонскаго», «Блинница», «Тарасъ плѣшивый», «Савоська и Парамошка», «Пирушка», «Ѳома да Ерема», «Знай себѣ указывай въ своемъ домѣ», «Трапеза благочестивыхъ», «Притча о Лазарѣ», «Исторія Іосифа», «Притча о дѣвидѣ, умершей безъ покаянія» (№№ 167, 294, 120, 187, 192 А, 96, 188, 97, 757, 686, 829, 701), и другія. Но есть также очень значительное коли-

чество такихъ картинокъ, которыя расписаны совершенно невѣрно, вовсе не тѣми красками, какими расписаны оригиналы, начиная уже съ того, что тѣ люди, кому поручена была раскраска, во многихъ случаяхъ употребляли краски, изобрѣтенныя недавно, въ послѣднія 20 — 30 лѣтъ, и, значитъ, такія, которыя вовсе не были извѣстны не только въ XVII и XVIII вѣкахъ, но даже и въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія. Это особенно относится до всѣхъ яркихъ красокъ, всего болѣе фіолетовой. Даже въ наиболѣе вѣрныхъ по раскраскѣ картинкахъ, поименованныхъ выше, фіолетовый цвѣтъ совершенно невѣренъ и портитъ общее впечатлѣніе. Но какъ на поразительные примѣры совершенно невѣрной раскраски, я укажу на раскраску картинокъ: «Темница святыхъ осужденникъ» 1629 года (№ 772) и «Избіеніе младенцевъ» (№ 851), которыхъ единственные извѣстные экземпляры находятся въ Императорской публичной библіотекѣ. Въ оригиналѣ «Темница» раскрашена слѣдующимъ образомъ: всѣ арки и карнизы выкрашены сурикомъ, эту же краскою выведены кровля церкви и епитрахиль святаго, направо, въ первой аркадѣ; хитонъ Христа вверху; епитрахиль святаго въ 6-й аркадѣ; платокъ одного святаго, лѣваго, въ 7-й аркадѣ; хитонъ святаго въ 8-й аркадѣ; затѣмъ, блѣдно-голубою краскою раскрашены: хитоны святыхъ въ 3-й, 5-й, и 7-й аркадахъ и епитрахиль святаго въ 10-й аркадѣ; блѣдно-розовою — хитонъ святыхъ въ аркадахъ: 2-й, 4-й, 6-й, 7-й, 9-й, 10-й и 11-й. Въ Атласѣ г. Ровинскаго раскраска слѣдующая: сурикомъ — 1-я и 5-я колонки, арки 8-я и 10-я, а также хитонъ Христа, хитоны святыхъ во 2-й, 6-й, 7-й и 11-й аркадахъ; ярко-зеленою краскою: надпись вверху, колонны 4-я, 9-я и 10-я, хитоны святыхъ въ аркадахъ 1-й, 3-й, 5-й, 7-й, 10-й; ярко-фіолетовою краскою — колонны: 1-я, 3-я, 5-я, 7-я, 8-я, 9-я, 12-я и 13-я, хитоны святыхъ: въ 4-й и 8-й аркадахъ, платокъ святаго въ 7-й аркадѣ, окно церкви и плащъ праваго святаго въ 1-й аркадѣ, наконецъ арка 9-й аркады. Въ «Избіеніи младенцевъ» точно также всѣ краски наложены совершенно произвольно, безъ малѣйшаго сходства съ оригиналомъ.

Столько же мало дозвоительно было раскрасить, какъ это сдѣлано въ Атласѣ, множество такихъ картинокъ, которыя въ оригиналахъ вовсе не раскрашены. Такъ, напримѣръ, вся Олсуфьевская коллекція состоитъ изъ экземпляровъ вовсе не раскрашенныхъ, многія изъ рѣдчайшихъ картинокъ Императорской публичной библіотеки дошли до насъ также въ экземплярахъ безъ красокъ. Таковы: «Баба Яга съ крокодиломъ» (№ 37), «Мелузина» (№ 250),

«Польза оспопрививанія» (№ 241), «Неопалимая Купина», «Смерть на блѣдномъ конѣ», «Отъ отечника скитскаго» (св. Антоній и сатиръ), «св. Акилина», «Чистота аки дѣвица», «Дѣствица Іоанна Лѣствичника» (№№ 1346, подъ №№ 1, 2, 4, 5, 6, 7), «Преподобный Ілія Муромскій» (№ 1519), «Преподобные Θεодоръ, Константинъ и Давидъ Ярославскіе» (№ 1641), «Видъ села Измайлова» (№ 1031), и т. д. Въ Атласѣ г. Ровинскаго всѣ онѣ являются сплошь раскрашенными (по крайней мѣрѣ въ большинствѣ выпущенныхъ въ свѣтъ экземпляровъ), и, что при этомъ всего хуже, въ текстѣ нигдѣ не упомянуто, которые оригиналы дѣйствительно въ краскахъ, и которыя копія произвольно раскрашены въ Атласѣ г. Ровинскаго. Исключеніе составляетъ одна Олсуфьевская коллекція, про которую про всю разомъ сказано (томъ I, стран. XII), что картинки, ее составляющія, всѣ безъ исключенія не раскрашены. А эта совершенно произвольная раскраска можетъ сильно вводить въ заблужденіе читателя и зрителя, столько же на счетъ вкуса и приемовъ старинныхъ нашихъ иллюминаторовъ, сколько и на счетъ подробностей чисто-историческихъ. Въ доказательство этого я укажу на раскраску «Гренадеровъ», первой половины XVIII вѣка (№№ 269—277), которые въ Атласѣ г. Ровинскаго раскрашены совершенно по капризу современнаго иллюминатора, нынѣшними красками, тогда какъ въ дѣйствительности цвѣтъ кафтановъ, камзоловъ, гамашей, шапокъ и т. д. былъ совершенно иной и сообразовался съ положеніями: въ Атласѣ у гренадеровъ нарисованы кафтаны то фіолетовые, то желтые, то красные, то свѣтло-зеленые, камзолы у нихъ представлены то зеленые, то желтые, то фіолетовые; манжеты,—то желтые, то фіолетовые; гамаша — также разныхъ цвѣтовъ, тогда какъ у всѣхъ гренадеровъ, начиная съ 1720 года и въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ, кафтанъ былъ постоянно темно-зеленый, камзолъ и штаны красные, штіблеты (со временъ Петра II) всегда бѣлые¹⁾. Наконецъ, волосы носились въ это время у гренадеровъ—пудренные, между тѣмъ какъ иллюминаторы Атласа нѣсколько разъ представили «Гренадеровъ» съ естественнымъ цвѣтомъ волосъ.

¹⁾ Историч. описаніе вооруж. росс. войскъ Висковатова, т. II, стр. 167.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Сочиненіе г. Ровинскаго: «*Русскія народныя картинки*» есть, по крайнему моему убѣжденію, не только одно изъ очень крупныхъ явленій нашей художественно-научной литературы, но даже, смѣло скажу,— изданіе монументальное. Атласъ изъ 500 картинъ, составленный изъ всего, что только есть самого важнаго, значительнаго и интереснаго, даетъ теперь въ руки каждому изслѣдователю, русскому и иностранному, такой матеріалъ изъ области русскаго народнаго творчества, который былъ до сихъ поръ почти вовсе недоступенъ, и который отъ настоящаго времени, можно сказать, «застрахованъ» отъ погибели и окончательнаго исчезновенія, до сихъ поръ слишкомъ неумолимо тяготѣвшихъ надъ русскими лубочными картинками. Описаніе же и изслѣдованіе ихъ г. Ровинскимъ вносятъ свѣтъ въ области, до него едва затронутыя. Конечно, какъ показываетъ мой разборъ, изложенный въ предшествовавшихъ параграфахъ, сочиненіе г. Ровинскаго не свободно отъ недостатковъ. Между ними главное мѣсто занимаютъ: нѣкоторая слабость систематизаціи, нѣкоторыя неточности въ сравненіяхъ и выводахъ, нѣкоторыя неточности въ передачѣ текстовъ, и, въ особенности, раскрашеніе въ атласѣ всѣхъ картинокъ сплошь, между тѣмъ какъ очень многіе оригиналы вовсе не раскрашены,—значить у г. Ровинскаго эти картинки являются раскрашенными *произвольно* и *наугадъ*, вводя тѣмъ читателя въ заблужденіе на счетъ настоящаго вида и облика подлинниковъ. Но всѣ эти недостатки должны быть, по моему мнѣнію, признаны лишь частными и никакимъ образомъ на столько существенными, чтобы отъ нихъ затемнялось и въ значительной степени умаллась коренное достоинство какъ сочиненія, такъ и атласа. Изданіе г. Ровинскаго есть наиболѣе зрѣлое, полное и выдержанное изъ всѣхъ до сихъ поръ выпущенныхъ имъ въ свѣтъ сочиненій. Оно приноситъ нашей историко-художественной наукѣ не только громадную пользу, но и великую честь. Поэтому, если Императорская Академія Наукъ присуждала за предыдущія сочиненія г. Ровинскаго *вторую* награды,

ей невозможно было-бы, ниѣ кажется, не присудить нынѣшнему его сочиненію — *первой* награды.

На основаніи всего этого, ниѣю честь ходатайствовать предъ Императорскою Академіею Наукъ о присужденіи г. Ровинскому, за его сочиненіе: «*Русскія народныя картинки*», — большой Уваровской преміи.

